Дэвид Саттер

Как Путин стал президентом

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу.

Предисловие

В 1991 году в России распустили коммунистическую партию, и страна была готова строить демократическое будущее. Мало кто в то время мог предвидеть то, что происходит сегодня.

Россия оказалась во власти бедности, страха и криминала. Причина этого кроется в том, что в период реформ, когда предпринимались огромные усилия заново построить российское общество и экономику, Россия в очередной раз стала жертвой ложной идеи.

В начальный период построения нового государства основное внимание уделялось конструированию капитализма, и в частности формированию группы состоятельных частных собственников, чей контроль над средствами производства, как предполагалось, должен был автоматически привести к экономике свободного рынка и правовой демократии. Подобный подход, сомнительный даже в иных, более благоприятных, условиях, для России оказался гибельным. Молодые реформаторы спешили построить капитализм, и при продвижении вперед их мало что заботило, за исключением преобразования экономических структур. Решение преобразовать экономику огромной страны без соблюдения законов привело не к демократии свободного рынка, а к клептократии с некоторыми опасными экономическими и психологическими особенностями.

Прежде всего новая система характеризовалась взяточничеством. Все ресурсы первоначально были сосредоточены в руках государства, поэтому бизнесмены стремились «подкупить» важных правительственных чиновников. Победители в этой гонке получали возможность купить услуги большего количества чиновников, что приводило к тому, что с ростом системы росли и взятки.

Помимо взяточничества новая система также характеризовалась организованным насилием. К бандитам относились как к обычным экономическим деятелям, и такая политика молчаливо узаконивала их преступную деятельность. В то же время они становились партнерами бизнесменов, использовавших их в качестве охранников, «вышибал» и сборщиков налогов.

Кроме того, новая система основывалась на воровстве. Деньги, полученные в результате криминальной деятельности, нелегально переправлялись за границу во избежание их конфискации в будущем. Эта утечка средств лишала Россию миллиардов долларов, необходимых для ее развития.

Но, быть может, наиболее важным фактором, по сравнению с экономическим, была социальная психология новой системы, отличительной чертой которой стало всеобщее моральное равнодушие. Если при коммунизме универсальные моральные принципы отвергались в пользу предполагаемых «интересов рабочего класса», то при новом правительстве люди разучились различать законное и преступное. Коррупция чиновников воспринималась как «норма» и считалась доблестью, если служебное лицо совмещало воровство с выполнением своих служебных обязанностей. К вымогательству также стали относиться как должному, и продавцы в силу привычки рассматривали выплату денег вымогателям как составную часть сделки. Должностные лица и бизнесмены не отвечали за последствия своих действий, даже если эти последствия влекли за собой голод и смерть. Правительственные чиновники помогали организовывать «финансовые пирамиды», которые вводили в заблуждение людей, и без того уже нищих и беспомощных. Правоохранительные органы брали взятки у лидеров преступных группировок, закрывая глаза на вымогательство, а директора заводов крали общественные средства, предназначенные для заработной платы рабочим, которым уже несколько месяцев не платили…

В этой книге я попытался показать, как в России возникла и окрепла криминальная бизнес-элита, как она взяла под контроль государственный аппарат, что привело к обнищанию и деморализации подавляющего большинства населения.

«Семья» Ельцина. Преемник Путин

В полдень 31 декабря 1999 года на российских телеэкранах неожиданно появилось бледное, отекшее лицо Бориса Ельцина. В течение нескольких недель распространялись слухи вокруг Ельцина и его дочерей, связанные с обвинениями в коррупции, из-за чего предполагалось, что Ельцин не мог позволить себе отказаться от власти. Именно это предположение Ельцин собирался опровергнуть.

«Дорогие друзья! — произнес он, сидя за своим столом в Кремле перед украшенной новогодней елкой и трехцветным флагом Российской Федерации. — Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием. Но это не все. Сегодня я последний раз обращаюсь к вам как Президент России. Я ухожу… Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми.

А мы — те, кто стоит у власти уже многие годы, — мы должны уйти…

Я хочу попросить у вас прощения. За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее.

…Будьте счастливы.

Вы заслужили счастье.

С Новым годом!

С новым веком, дорогие мои!»

На улицах быстро распространилось известие об отставке Ельцина. Чувства испытывались самые разные: от облегчения, что уходит Ельцин, до полного безразличия, связанного с убеждением, что все равно ничего не изменится.

Вскоре после полудня на церемонии в Кремле временно исполняющим обязанности президента был назначен Владимир Путин, за несколько месяцев до этого совершенно неизвестный своим соотечественникам; ему же был вручен ядерный чемоданчик. В тот же день Путин издал указ, предоставляющий Ельцину и членам его семьи пожизненную неприкосновенность. Указ распространялся буквально на все: предохранял Ельцина от обысков, арестов и допросов, брал под защиту его транспорт, телефонные звонки, документы, имущество и корреспонденцию.

В полночь традиционное поздравление главы государства произносил Путин, а не Ельцин. Путин объявил, что теперь он является президентом, и заверил россиян, что вооруженные силы, пограничники и правоохранительные органы работают нормально. «У нас не будет вакуума власти, — сказал он, — я хочу предупредить, что любые попытки преступить границы законов и Российской Конституции будут решительно пресечены».

Отставка Бориса Ельцина и приход к власти Владимира Путина ознаменовали финал в создании криминальной системы олигархии в России. В результате первой мирной передачи власти в истории России небольшая группа людей, которые использовали свои связи для мошеннического раздела богатств бывшего Советского Союза, убедилась в безопасности их собственности и была утверждена новая экономическая система, в которой главным жизненным принципом стало не производство, а воровство.

Криминальная олигархия в России утвердилась в два этапа: в период примерно с 1992 по 1998 год, когда шло создание самой системы, и в более короткий период, в конце 1990-х годов, когда нарождающийся протест против системы был успешно подавлен. В оба периода движущей силой было не желание создать систему, основанную на общечеловеческих ценностях а скорее стремление установить систему частной собственности, которая при отсутствии законов открывала дорогу преступной погоне за деньгами и властью.

Создание олигархической системы началось в период перестройки, но последняя не препятствовала развитию, начавшемуся в январе 1992 года с началом постсоветских реформ. На эти реформы влияли три основных процесса: гиперинфляция, приватизация и криминализация. Взаимодействие этих процессов вело к экономическому краху, массовой бедности и быстрой приватизации Российского государства. Гиперинфляция началась 2 января 1992 года, после того как были резко отпущены цены, в результате чего население стремительно расслоилось на меньшинство — очень богатых и большинство — безнадежно бедных людей. Егор Гайдар, заместитель премьер-министра, предсказал, что цены вырастут в 3–5 раз, после чего начнется падение цен. Однако за 10 месяцев цены выросли в 25–30 раз, что обрекло миллионы людей на нищету. Скоро повсюду на улицы высыпали всевозможные торговцы и разносчики товаров, в большинстве своем участники Второй мировой войны, и начали продавать свои личные вещи. За три месяца российские граждане потеряли 99 % своих сбережений на личных счетах в сберегательных кассах. Деньги, которые собирались в течение десятилетий на покупку квартиры, машины либо на свадьбу или на приличные похороны, пропали, что вызвало психологический кризис у миллионов людей.

Вслед за пропажей сбережений граждан появились многочисленные коммерческие банки, инвестиционные фонды, контроль над которыми полностью отсутствовал. Когда все возрастающая инфляция толкала обыкновенных граждан на поиски путей для

сохранения своих доходов, эти инвестиционные фонды и многочисленные коммерческие банки, большая часть которых была связана с высокопоставленными официальными лицами, развернули массовые рекламные кампании, обещая по вкладам до 1200 % годовых. Большинство этих фондов представляли собой пирамидальные схемы, и когда они развалились, более 40 миллионов людей во второй раз потеряли свои сбережения.

В то время как миллионы людей теряли средства к существованию, лидеры бывшего советского правительства и коммунистической партии использовали свои связи с российскими правящими кругами для накопления огромных состояний. Почва для этого была хорошо подготовлена. В период перестройки органы управления коммунистической партии занялись бизнесом. Коммерческие организации, формировавшиеся также под эгидой комсомола, были освобождены от налогов на пять лет и получили право заниматься экспортными операциями. Несмотря на наличие государственной монополии на внешнюю торговлю, им было разрешено ставить собственные условия для удовлетворения почти неограниченных запросов. Партия тем временем тратила партийные деньги, которые в то время нельзя было отличить от правительственных денег, на создание коммерческих банков. А директора заводов расхищали имущество своих заводов.

Они делали это, организуя кооперативы, обычно руководимые их родственниками. Кооперативы выступали посредниками при продаже продукции предприятий, взимая чрезмерную цену за фиктивные услуги.

Существовало несколько способов быстрого накопления огромных незаработанных средств. Первый из них заключался в присвоении правительственных кредитов. В 1992 году инфляция создала нехватку оборотного капитала, в результате чего было парализовано производство, и многие российские заводы получили кредиты, величина которых достигала почти 30 % валового внутреннего продукта. При уровне инфляции 2500 % эти кредиты предлагались в размере 10–25 %. Но вместо траты этих кредитов на заработную плату рабочим и покупку оборудования эти деньги использовались в коммерческих банках по рыночному курсу, а разница распределялась между служащими банка и директором завода.

Второй способ получения крупной собственности заключался в получении разрешения на экспорт сырьевых ресурсов. Хотя большая часть цен в России не подчинялась никакому контролю, цены на энергетические ресурсы, которые в начальный период реформы составляли менее 1 % от мировых рыночных цен, продолжали регулироваться. Отказавшись от монополии на внешнюю торговлю, принятую в советское время, правительство стало разрешать заниматься экспортом любому, у кого имелась лицензия; и поскольку российское сырье внутри страны покупалось за рубли, а продавалось за границу по мировым ценам за доллары, получить экспортную лицензию означало практически право печатать деньги. В Москве такие лицензии часто выпускались Министерством внешнеэкономических связей, которое превратилось в рынок, где лицензии обменивались на взятки, причем стоимость лицензии была незначительной по сравнению с размером взятки.

Третьим источником добывания собственности был субсидируемый импорт. Боясь, что зимой 1991 года в стране наступит голод, правительство продавало доллары в обмен на ввоз продовольствия за 1 % от их реальной стоимости, при этом разница субсидировалась с помощью западных подтоварных кредитов. Продукты, однако, продавались по обычным рыночным ценам. В результате попытка предотвратить предполагаемый продовольственный кризис в стране привела к обогащению небольшой группы московских спекулянтов. Стоимость импортных субсидий составила в 1992 году 15 % от валового внутреннего продукта.

В 1993 году обнищание населения и коррупция в ходе реформ стали причиной борьбы за власть между Верховным Советом, Российским парламентом и исполнительными органами правительства, что закончилось 4 октября роспуском Верховного Совета и созданием новой политической системы, которая в значительной степени ускорила рост криминальной олигархии.

После роспуска Верховного Совета остался лишь один центр принятия решений в стране — аппарат президента; его члены, убежденные в своей безнаказанности после октябрьских событий, стали брать еще больше взяток. Одновременно российская коммерческая система была поставлена под контроль президента, и двенадцати банкам, которые поддерживали Ельцина в его конфронтации с парламентом, было «поручено» иметь дело с правительственными счетами. Эти банки, задерживая выплаты по правительственным обязательствам и используя бюджетные фонды для краткосрочных межбанковских кредитов по рыночной цене примерно 400 %, получили огромные прибыли с оборота государственных денег.

К ним присоединились региональные банки, которые также приобрели бюджетные деньги и начали одалживать их по ставке процента. Тем временем невыплата заработной платы превратилась в характерную черту российской жизни. Вскоре главные московские банки стали штабами финансово-политических групп, каждая из которых была связана с тем или иным крупным политическим деятелем. По мере увеличения их власти и капитала банки начали вести себя как государства в государстве, приобретая средства массовой информации и создавая собственную контрразведку, способную шпионить за экономическими и политическими противниками, равно как и подслушивать телефонные разговоры тысяч обычных жителей. Борьба за власть между финансовыми политическими группами стала решающим фактором в политике российского правительства, имея в своем распоряжении ресурсы бывшей сверхдержавы.

Вторым процессом в становлении российской криминальной олигархии была приватизация. Она опередила период гиперинфляции и пережила его. Вначале была так называемая «неофициальная» приватизация, которая состояла в бесконтрольном и нелегальном захвате экономической инфраструктуры страны. «Официальная» приватизация проходила в два этапа: ваучерная приватизация, с октября 1992-го по июль 1994 года, и приватизация путем продажи предприятий на аукционах, которая началась в августе 1994 года и продолжалась до конца десятилетия.

«Неофициальная» приватизация началась в период перестройки, как только правительственные организации получили разрешение принимать участие в коммерческой деятельности. Правительственные чиновники, тайно и безо всякого законного

основания, захватив власть в своих организациях, превращали их в частные предприятия. Вместо министерств они устроили «концерны»; вместо системы государственного распределения они создали товарную биржу; а вместо государственных банков с их региональными филиалами они организовали коммерческие банки. Новые коммерческие предприятия использовали те же источники снабжения, те же здания и тот же рабочий персонал, менялось только название организации. Но имущество данной организации становилось собственностью ее новых «владельцев». Стихийную приватизацию сменила ваучерная приватизация, которая началась в октябре 1992 года. Каждому россиянину давали ваучер с номинальной стоимостью на сумму 10 000 рублей (месячный заработок рабочего автомобильной промышленности), тем самым погашая долю в российской промышленности. Для большинства россиян от ваучеров было мало толку: люди редко получали по ним дивиденды: даже когда они вкладывали свой ваучер в собственный завод, это не давало им права голоса в делах управления.

Однако ваучеры очень помогали тем, кто собирал их в огромном количестве. Поэтому криминальные и коммерческие структуры стремились приобрести их как можно скорее. В некоторых случаях агенты скупали ваучеры на улице у бедняков и алкоголиков, часто за бутылку водки. В других случаях эти группы устраивали ваучерные фонды, которые рекламировались по телевизору, обещали высокие дивиденды, а затем либо не платили, либо исчезали. Таким образом, в руках криминальных и коммерческих структур скопилось огромное количество ваучеров, которые они использовали для покупки наиболее престижных промышленных предприятий, нередко почти даром.

В последние дни ваучерной приватизации фонд федеральной собственности одновременно выставил на продажу больше сотни наиболее ценных российских предприятий, что вызвало резкое падение стоимости акций, которые затем приобретались ваучерными фондами.

Когда вслед за ваучерной приватизацией в последнем квартале 1994 года началась продажа предприятий, население уже было поделено на две неравные части: группы, которые могли принимать участие в приватизации, и почти все остальное население, которому это было недоступно. Давление, направленное на то, чтобы как можно быстрее сосредоточить собственность в одних и тех же руках, однако, не ослабевало, что привело к продаже многих оставшихся промышленных предприятий страны, в том числе наиболее престижных, по самым низким ценам.

Первым шагом было назначить цену предприятия, о котором шла речь. Обычно цену устанавливали директор предприятия и служащие соответствующего министерства на основании предполагаемой стоимости зданий и оборудования. Эти цифры либо искусственно занижали, используя цены годичной или двухлетней давности и списывая годное оборудование, либо завышали, чтобы помешать посторонним инвесторам. Установленная цена должна была быть одобрена местным Комитетом по государственной собственности, который, как правило, не чинил препятствий.

В случае, когда могущественный банк или коммерческая группировка были заинтересованы в приобретении завода, следующим их шагом было устранение существующих или потенциальных конкурентов. Поскольку в организации аукциона принимал участие местный фонд собственности, который подчинялся губернатору, та партия, которая пользовалась влиянием в данном регионе, оказывалась тут как тут и манипулировала аукционом, подделывая документы или добывая информацию о встречном предложении. Фактически многие аукционы состоялись только на бумаге. А в тех случаях, когда аукцион все же проходил, часто цены предлагали фирмы, работающие на победителя. Лишь в редких случаях аукцион был настоящим, и если цену могущественной группировки перебивал более настойчивый конкурент, удачливый покупатель мог запросто поплатиться жизнью за свое упорство.

Цены, по которым распродавали эти предприятия, ошеломляли российское общество; 324 завода были проданы по средней цене менее 4 млн. долл. каждый. Уралмаш, огромный машиностроительный завод в Екатеринбурге, был продан всего за 3,73 млн. долл.; Челябинский металлургический комбинат — также за 3,73 млн. долл., а Ковровский механический завод, который снабжал огнестрельным оружием Российскую армию, Министерство внутренних дел и контрразведку, был продан за 2,7 млн. долл. Телефонные компании продавались за 116,62 долл. за линию, тогда как в Северной Америке — 637 долл., а в Венгрии — за 2,083 долл. Объединенная энергетическая система была продана за 200 млн. долл. В Центральной Европе компанию с аналогичной продукцией продали бы за 30 млрд. долл., а в Соединенных Штатах — за 49 млрд. долл.

Российские нефтяные компании продавали разработанные нефтяные скважины по 0,4 доллара за баррель, тогда как цена за баррель нефти в североамериканских компаниях была 7,06 долл. Мурманский траловый флот, состоявший из 100 кораблей, каждому из которых было менее 10 лет и которые стоили более 20 млн. долл. при спуске на воду, был продан за 3 млн. долл. Северное морское пароходство было продано за 4 млн. долл.

9 сентября 1994 года инвесторский бюллетень «Независимая стратегия» сообщал: «Большая часть основных производственных фондов России продается примерно за 5 млрд. долл. Даже если считать, что в России стоимость основных средств производства равняется стоимости ее валового внутреннего продукта (в странах Запада она обычно по крайней мере в 2,6 раза больше), на самом деле она составляет 300–400 млрд. долл.; сумма же, полученная от приватизации, минимальна. По этой причине данная организация рекомендует британским инвесторам не упустить возможности и принять участие в покупке российских предприятий».

В конце 1994 года российское правительство под давлением со стороны Международного банка, требовавшего понизить уровень инфляции до одного процента в месяц и ликвидировать дефицит бюджета, прекратило печатать деньги, которые шли на покрытие текущих расходов, включая выплату зарплаты. Положение стало критическим, и чтобы покрыть обязательства, правительство стало брать ссуды в коммерческих банках в обмен на доли в престижных, неприватизированных отраслях промышленности.

Теоретически программа «Ссуды за акции» предусматривала конкуренцию пакетов акций, а победителем выходил тот, кто мог предложить наибольшую ссуду правительству. Но на практике победителем оказывался банк, имевший самые тесные «неформальные» связи с правительством, и данная схема, хотя и упрощала передачу наиболее рентабельных российских предприятий олигархам, давала очень мало доходов правительству, в которых оно так нуждалось. В 1995 году, например, общий доход от залоговых аукционов 21 наиболее прибыльного российского предприятия составил 691,4 млн. долл. и 400 млрд. рублей.

Как только предприятие было «заложено», банк, обладавший правом собственности на него, мог свободно использовать его; а когда правительству не удавалось выплатить банку ссуды, что, учитывая дефицит доходов государственной казны, было в порядке вещей, банк, получивший закладную на это предприятие, организовывал его финальную продажу. Неудивительно поэтому, что предприятия становились собственностью банков, которые давали им первоначальные ссуды.

В 1995 году Онексимбанк получил контрольный пакет из 38 % акций «Норильского Никеля», производителя— гиганта цветных металлов, в обмен на ссуду правительству в 170 млн. долл. Чтобы удержать свою долю, два года спустя, в августе 1997 года, оно заплатило 250 млн. долл. После удержания ссуды правительство получило всего лишь 80 млн. долл. за львиную долю акций завода, который производит 90 % российского никеля, 90 % кобальта и 100 % платины. Тем временем Онексимбанк спокойно использовал огромный комбинат по своему усмотрению. «Норильский Никель» был одним из ведущих российских поставщиков устойчивой валюты, но к весне 1997 года он задолжал своим рабочим зарплату в объеме 1,2 трлн. рублей. Для рабочих было не внове терять от голода сознание, и в том году, впервые за многие десятилетия, норильских детей не послали летом на отдых из полярного города. Банкротство «Норильского Никеля» в связи с платой по обязательствам подняло вопрос о том, что Онексимбанк делает с деньгами, заработанными от комбината. Из статьи, напечатанной в «Общей газете», мы узнаем, что банк участвовал в высокоприбыльных проектах, для которых требовалось огромное вложение наличных денежных средств. Одним из таких проектов была своевременная выплата по простым векселям федерального правительства региональной администрации взамен на 20–30 % от номинальной стоимости векселя. Поскольку долг правительства рабочим составлял более чем 50 трлн. рублей, часто невозможно было заплатить по самим векселям, а коммерческие банки использовали доход со своих предприятий для покупки этих векселей, оставляя контролируемым ими предприятиям недостаточно средств для выплаты зарплат. Фактически банки со своими неограниченными возможностями вскоре стали контролировать уже приблизительно 50 % экономики страны и начали постоянно «подкармливать» государственный бюджет. Они собирали проценты с бюджетных фондов, используя эти деньги для приобретения наиболее прибыльных российских предприятий, а затем и доходы от этих предприятий, получая огромные прибыли за счет одалживания денег правительству.

Схема «заем-акции» изменила взаимоотношения между основными финансовыми учреждениями и правительством. Банки долгое время пользовались протекцией правительственных чиновников, но теперь впервые банки находились в положении, когда им надо было оказывать давление на правительство. Высокопоставленным лицам приходилось идти в банк и обсуждать такие вопросы, как изменение процентной ставки и размеры задолженности правительства. Создав влиятельные банки и доверив им свои деньги, правительство оказалось в зависимости от них.

С приближением президентских выборов 1996 года стало ясно, что правительство не только не в состоянии произвести выплаты по взятым им займам, но и нуждается в новых займах. Такое положение дел привело к тому, что начали строить планы о передаче на продажу с аукциона некоторых наиболее рентабельных предприятий, таких, как завод «Пермские моторы», выпускающий авиадвигатели, Аэрофлот и Связьинвест, телекоммуникационная холдинговая компания. Вопрос рассматривался вместе с банками, владевшими акциями в этих предприятиях и диктовавшими им условия.

Банки, в свою очередь, действуя в поддержку правительства, которое их обогатило, внесли по крайней мере 170 млн. долл. — а возможно, и во много раз больше — в избирательную кампанию по перевыборам Ельцина. Узаконенные же траты не должны были превышать 1,7 млн. долл. Таким образом, банки гарантировали победу Ельцина.

Третьим процессом, способствовавшим росту российской криминальной олигархии, связанным с двумя другими, явился процесс криминализации.

Как и приватизация, современная криминализация в России началась в эпоху перестройки. Задуманные Горбачевым реформы начались с легализации «кооперативов», которые стали единственными частными торговыми предприятиями в Советском Союзе. Кооперативы быстро начали преуспевать, но, подходя к ним с точки зрения идеологической, их оставили без защиты правоохранительных органов в те времена, когда нанимать частную охрану считалось незаконным. Таким образом, кооперативы стали соблазнительной наживкой для бандитов, и по всей стране начали формироваться банды, вымогавшие у них деньги.

К 1992 году почти все малые предприятия и уличные киоски в России выплачивали рэкетирам деньги. Однако денежные средства отдельных магазинов и киосков не шли ни в какое сравнение с государственным бюджетом, и когда после начала реформ Гайдара криминальные группировки увидели, что бывшие советские чиновники используют свои связи для приобретения огромной, не заработанной ими частной собственности, они стали с помощью террора захватывать власть на предприятиях, принадлежавших этим бывшим государственным чиновникам. Одной из примет деятельности этих группировок было растущее число банкиров и бизнесменов, ставших жертвами заказных убийств.

Однако криминальный террор, направленный против российских бизнесменов с большими связями, просуществовал недолго. Скоро бандиты, бизнесмены и продажные государственные чиновники начали работать вместе. Бандиты нуждались в бизнесменах, поскольку им нужно было куда-то вкладывать свой капитал, но в большинстве случаев им не хватало умения управлять крупными предприятиями. Бизнесмены, в свою очередь, нуждались в бандитах, чтобы заставить клиентов выполнять

свои обязательства. До недавнего времени почти каждый крупный банк или коммерческая организация в России использовали бандитов для взыскания долгов.

Методы у бандитов были простые. Они сообщали должнику, что знают его адрес и все его перемещения и если он не выплатит к определенному числу свой долг, он и его семья будут убиты. Обычно этого было достаточно, чтобы последовала выплата, и в этом случае половина выплаченных денег доставалась бандитам. Если же должник не мог с ними рассчитаться, его обычно зверски убивали. Сотрудничество между бизнесом и преступностью не ограничивалось выбиванием долгов. Скоро стало ясно, что бандитов можно использовать и для других целей, начиная от устранения неугодных соперников до «убеждения» потенциальных деловых партнеров умерить свои аппетиты при согласовании условий договора. Наибольшего успеха достигали те банкиры и предприниматели, которые были тесно связаны с криминальными структурами.

Вскоре в состав российских коммерческих организаций вошли бизнесмены, основной талант которых заключался в умении устанавливать связи с продажными государственными чиновниками, которые за взятки давали «добро» их проектам, и бандитами, которые выбивали долги и устраняли конкурентов. Все труднее становилось провести границу между бизнесменами и бандитами. Ничего не подозревающий российский предприниматель мог внезапно обнаружить, что если он не согласится на условия договаривающегося с ним внешне респектабельного бизнесмена, то его «партнер» станет угрожать его жизни.

Приход в России к власти людей, которые нажили свое богатство не путем законной экономической деятельности, а с помощью воровства, вел к экономическому краху. За период 1992–1999 годов количество российского валового внутреннего продукта сократилось наполовину. Такого падения не было даже во времена немецкой оккупации. Россия стала классической страной «третьего мира», продавая свои сырьевые ресурсы — нефть, газ и драгоценные металлы — и закупая товары народного потребления. Стоимость инвестиций в России падала с каждым годом на протяжении восьми лет, пока в 1999 году не стала составлять примерно 20 % от уровня 1991 года. Получив свои деньги, большей частью нажитые незаконным путем, российские нувориши отказывались вкладывать средства в российские предприятия, опасаясь, что будущее правительство их конфискует. Деньги в огромных количествах утекали из страны; предположительная сумма средств, вывезенных из России нелегальным путем в период правления Ельцина, составила от 220 до 450 млрд. долл.

К началу 1999 года было широко распространено мнение, что с выбором нового президента в июне 2000 года неизбежно произойдет переоценка реформ, в том числе новый раздел собственности. Однако ожидаемое сведение счетов с правящей олигархией так и не произошло из-за ряда событий, которые были неожиданными для всех, кроме высшего руководства страны. В августе 1998 года Россия пережила разорительный финансовый кризис. Будучи не в состоянии выполнить свои обязательства, правительство провело девальвацию денежных средств, не заплатив по долговым векселям 40 млрд. долларов, и объявило мораторий на выплаты процентов по вкладам. Резко поднялись цены, и у большинства людей упал уровень жизни. Только что народившийся средний класс был уничтожен.

Экономический крах имел политические последствия. Политический рейтинг Ельцина сильно упал, и отрицательно оценивали его правление уже 80 % избирателей. В результате Ельцин был вынужден идти на уступки своей политической оппозиции в Государственной думе.

За пять месяцев до этого Ельцин отправил в отставку Виктора Черномырдина, который пять с половиной лет занимал должность премьер-министра, и заменил его Сергеем Кириенко, бывшим министром топливной и энергетической промышленности. После августовского кризиса Ельцин снял с поста Кириенко и сделал попытку восстановить Черномырдина, но Дума дважды, 31 августа и 9 сентября, проголосовала против его кандидатуры. Коммунисты выдвинули кандидатуру Евгения Примакова, министра иностранных дел и бывшего главы разведывательной службы. Опасаясь третьего отказа от кандидатуры Черномырдина, с перспективой новых парламентских выборов, Ельцин назначил Примакова, кандидатура которого была одобрена Думой 11 сентября большинством голосов (317 против 63).

Назначение Примакова ознаменовало раскол в системе олигархии. Впервые с октября 1993 года, когда Ельцин распустил Верховный Совет, он столкнулся с альтернативным центром власти.

Примаков быстро доказал, что хочет добиться политической независимости правительства от олигархов и Администрации Президента. С этой целью он санкционировал расследование дел «семьи» Ельцина, группы, стоящей у вершины власти, куда входили дочери Ельцина Татьяна Дьяченко и Елена Окулова, Валентин Юмашев, глава Администрации Президента, Борис Березовский, Павел Бородин, ответственный за управление недвижимым имуществом в Администрации Президента, и другие олигархи и государственные чиновники, тесно связанные с Ельциным.

Расследование началось с Березовского, на которого в январе 1999 года пало подозрение в присвоении денежных средств, принадлежавших Аэрофлоту. Но задолго до начала этого расследования Генеральный прокурор Юрий Скуратов занимался расследованием возможных выплат Бородину швейцарской фирмой «Мабетекс» в связи со строительными и восстановительными работами в Кремле — делом, к которому оказались причастны дочери Ельцина. Осенью 1997 года Карле дель Понте, Генеральному прокурору Швейцарии, были предоставлены полицейские отчеты о том, что представители российской организованной преступности контролируют более 300 швейцарских фирм и что швейцарский бизнесмен албанского происхождения Беджет Пакколи, стоявший во главе «Мабетекса», снабжал неизвестно как приобретенными средствами Ельцина и его дочерей. В сентябре 1998 года эти документы были направлены Скуратову.

22 января 1999 года был произведен обыск в офисе «Мабетекса» в Лугано и были обнаружены записи с указанными в них выплатами на общую сумму 600 000 долл. по кредитным картам дочерей Ельцина. Также оказалось, что Пакколи выплачивал

денежные суммы Бородину и что бывший помощник президента «Мабетекса» Виктор Столповских получил от Пакколи комиссионные в размере около 8 млн. долл., которые он, очевидно, поделил между большим числом российских должностных лиц.

Вооружившись сообщением дель Понте о результатах расследования, Скуратов продолжил следствие по делу, связанному с «Мабетексом», а также более интенсивно занялся изучением деятельности Березовского. 2 и 4 февраля до зубов вооруженные агенты Федеральной службы безопасности ворвались в офисы Аэрофлота и частного охранного предприятия «Атолл», также связанного с Березовским.

Теперь становилось ясно, что предпринимаются серьезные усилия для раскрытия коррупции и что ниточки тянутся к «семье» Ельцина. Примерно в это же время скрытой видеокамерой сняли Скуратова, занимавшегося сексом с двумя проститутками в сауне, принадлежащей солнцевской криминальной группировке. Дьяченко показала видеозапись своему отцу, и Николай Бордюжа, глава Совета Безопасности РФ, вызвал Скуратова и попросил его подать в отставку. Скуратов формально согласился, но решил подождать голосования в Совете Федерации, который, согласно конституции, должен одобрить отставку Генерального прокурора. 17 февраля Совет Федерации отказался голосовать за смещение Скуратова. После этого Скуратов приказал своим сотрудникам продолжать расследование дела Березовского.

После того, как Совет Федерации отказался уволить Скуратова, представители «семьи» Ельцина тайно предлагали ему выступить в качестве обвинителя Березовского и прекратить расследование, связанное с «Мабетексом». Скуратов отказался. В марте он получил от швейцарской стороны более подробные отчеты о «Мабетексе». Руководитель расследования Георгий Чуглазов заявил, что 90 % содержания отчетов были правдой, а Скуратов прокомментировал это так, что утверждение дель Понте о взятке в 10 млн. долл. высокопоставленным российским чиновникам «выглядит вполне реальной суммой, которую, впрочем, нужно еще доказать».

17 мая в Совете Федерации вновь было проведено голосование по поводу снятия Скуратова, и вновь он остался на своем посту. Через несколько дней по государственному телевизионному каналу РТР во время передачи новостей была показана видеозапись, сделанная в сауне солнцевской группировки. После этого Ельцин назначил Владимира Путина, малоизвестного руководителя ФСБ, вместо Бордюжи на должность главы Совета Безопасности (при этом он оставался главой ФСБ). Под руководством Путина против Скуратова было открыто уголовное дело. Его сексуальные развлечения, заснятые на видео, интерпретировались как взятка натурой в обмен на оказанные услуги. На этом основании Ельцин снял с поста Скуратова и назначил временно исполняющего обязанности прокурора. Ордер на арест Березовского был немедленно аннулирован.

Накануне третьего голосования по поводу Скуратова в Совете Федерации Ельцин попытался оказать давление на сенаторов, обещая им перераспределить власть во многих регионах. Но сенаторы на закрытом заседании выслушали доклад Скуратова о коррупции среди высокопоставленных лиц и проголосовали в поддержку его 79-ю голосами против 61-го. Для «семейства» Ельцина теперь самой жизненно важной задачей стало назначение постоянно действующего прокурора, который покончил бы с расследованием «Мабетекса».

В то же самое время Ельцину, поведение которого вызывало негодование населения, выразили вотум недоверия. Ему предъявили обвинения по пяти пунктам: что он незаконно развалил Советский Союз в декабре 1991 года; что он действовал вопреки конституции, распустив Верховный Совет в октябре 1993 года; что он нарушил конституцию, развязав войну в Чечне в декабре 1994 года; что он ослабил российские вооруженные силы и совершал акты, ведущие к геноциду русского народа.

Слушание дела об импичменте готовилось в течение многих месяцев. 12 мая, за день до начала разбирательства, Ельцин уволил Примакова и его правительство и назначил временно исполняющим обязанности премьер— министра министра внутренних дел Сергея Степашина. Примаков стал самым популярным политическим деятелем в России, и Ельцин все меньше и меньше переносил независимость его суждений. В то же самое время быстрота, с которой Ельцин уволил Примакова, стала сигналом для депутатов, что в случае импичмента он может запретить коммунистическую партию и силой разогнать парламент.

Сориентировавшись в обстановке, «семья» Ельцина старалась сорвать кампанию импичмента. Один из депутатов фракции российских регионов в Государственной думе занимался подготовкой вотума по объявлению импичмента президенту Ельцину, когда в дверь его офиса постучали и в комнату вошел незнакомый человек, представившийся как «доброжелатель, который хочет предложить очень выгодную сделку». Незнакомец сказал:

— Вы можете получить большие деньги, берите, не церемоньтесь, и в то же время вы поможете нам.

Однако он не уточнил, кого он имел в виду под словом «нам». Из пяти обвинений, выдвинутых против Ельцина, только одно — развязывание войны в Чечне — имело шанс набрать две трети голосов, необходимых для импичмента. Поэтому депутат не удивился, когда незнакомец объяснил ему, что более всего он заинтересован в том, чтобы его собеседник не поддерживал пункт обвинения, касающийся Чечни.

— Можете голосовать за импичмент, — заявил незнакомец. — Только не голосуйте за пункт, касающийся Чечни. Можете сказать, что вы поддерживаете импичмент, но не можете заставить себя одобрить обвинение относительно Чечни, потому что не считаете, что за развязывание войны ответствен президент.

Затем последовала многозначительная пауза, после чего незнакомец сказал:

— Я могу предложить вам 30 000 долларов. Депутат встал и произнес:

— Простите, но я боюсь, что вы ошиблись дверью.

Примерно в то же время другой депутат от фракции российских регионов принимал аналогичного посетителя, который предлагал ему 30 000 долл. за то, чтобы тот не голосовал за импичмент. Депутат не принял 30 000 долл., но проявил заинтересованность к сделке. Однако он настаивал на том, что проголосует по крайней мере за один пункт обвинения против Ельцина. Посетитель спросил, за какой именно. Депутат ответил, что проголосует за обвинение Ельцина в том, что он незаконно разрушил Советский Союз.

Посетитель улыбнулся: «Мы уважаем ваш выбор». Они сошлись на сумме 52 000 долл.

Первый день слушания дела в Государственной Думе начался с речи Вадима Филимонова, председателя комиссии Думы по импичменту, который внушительно и уверенно приводил факты за отстранение Ельцина от руководства.

Он говорил, что Ельцин не имел права вопреки Конституции Российской Федерации распускать Советский Союз и что, заключив Беловежское соглашение, он нанес «колоссальный ущерб» безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Упразднив российский Верховный Совет в 1993 году, продолжал Филимонов, Ельцин захватил власть, которая по закону принадлежала Верховному Совету, и его действия привели к смерти большого числа невинных людей. Война в Чечне была незаконной, так как Конституция не давала президенту права в одностороннем порядке принимать решения об использовании силы внутри страны, и действия Ельцина привели к огромным финансовым потерям и смерти десятков тысяч людей. В отношении четвертого пункта обвинения против Ельцина Филимонов заявил, что его действия привели к ослаблению российских вооруженных сил, и комиссия признала, что кризис российских вооруженных сил явился результатом «преднамеренного поведения президента и его небрежного отношения к своим обязанностям». В отношении пятого обвинения, что Ельцин проводил акты, «ведущие к геноциду русского народа», Филимонов сказал, что, даже в соответствии с официальными данными, потери населения в России с 1992 по 1998 год составили 4,2 миллиона человек. «Ельцин сознательно шел на ухудшение условий жизни россиян, что обернулось неизбежным ростом смертности среди населения и падением рождаемости. Все предложения об изменении политического курса неизменно отвергались».

Филимонов заявил, что специальная комиссия по импичменту пришла к заключению, что все пункты обвинения являются справедливыми. В заключение Филимонов сказал: «Кровь убитых и инвалидов, слезы умирающих, униженных и оскорбленных стучат в наши сердца!»

Вслед за Филимоновым выступил Виктор Илюхин, главный обвинитель по делу Ельцина и председатель Комитета безопасности Думы. Он подчеркнул, что правление Ельцина носило авторитарный характер, и поэтому именно на Ельцина ложится ответственность за трагедию России. «Страна находится в состоянии упадка, и… это само по себе делает невозможным дальнейшее пребывание Ельцина на его посту. Мы надеемся, что его отстранение будет началом процесса возрождения страны. Наше настоящее решение данного вопроса станет серьезным предупреждением настоящим и будущим правителям России».

На обвинения против Ельцина откликнулся Александр Котенков, представитель президента в Государственной думе. Ельцин не отвечает за развал Советского Союза, сказал он, потому что во время заключения Беловежского соглашения Советский Союз уже не существовал в своей первоначальной форме. В нем оставалось только семь республик из пятнадцати, и поэтому «России не от чего было отделяться». Роспуск Верховного Совета был оправдан, сказал Котенков, потому что управление президента обладало большей законностью в глазах народа, чем Верховный Совет, и Верховный Совет препятствовал любым попыткам ограничения его монополии на власть. В отношении третьего пункта обвинения, ответственности за развязывание войны в Чечне, Котенков сказал, что указы Ельцина не предусматривали прямых военных действий. Средства, использованные при выполнении указов Ельцина по разоружению чеченских боевиков, выбирала сама армия. Котенков также заявил, что Ельцин пытался спасти армию от кризиса и не был ответствен за «геноцид русского народа», за то, что население России уменьшалось с каждым годом, начиная с 1960 года.

Затем каждый из говоривших ответил на вопросы зала, большей частью заново утверждая свои позиции.

На второй день слушания дела были выступления с мест. Владимир Жириновский, лидер Либерально-демократической партии, защищал Ельцина. «Как Горбачев обманывал нас, — сказал он, — коммунисты теперь хотят сделать то же самое. Вы хотите свалить вину за все на одного человека… В 1917-м также нашли одного человека, виновного во всем, — царя. И он согласился с этим, даже отрекся от престола. А что с ним после этого стало?»

Ольга Беклемишева, депутат из Нижнего Новгорода, заявила, что во время расследования октябрьских событий 1993 года было установлено, что «Скорой помощи» в Москве запрещалось оказывать помощь защитникам Белого дома. «Врачам приходилось нарушать свой профессиональный долг. Только врачи-добровольцы из Академии им. Сеченова помогали раненым. Трое из них были убиты… Я буду голосовать за импичмент».

После того, как еще несколько ораторов высказали свои соображения по различным пунктам обвинения, слово было предоставлено Виктору Бенедиктову, врачу, приглашенному коммунистами. Он принес с собой резолюцию недавнего конгресса российских врачей, в которой говорилось об ужасном демографическом положении в России. «Сокращение численности населения продолжается на фоне ухудшения здоровья всех возрастных групп населения, — сказал он. — Есть все причины предполагать, что население страны в XXI веке сократится до такой степени, что сохранение численности населения и его воспроизводство станут невозможными».

На третий день Геннадий Зюганов, лидер коммунистов, сказал, что 98 % населения России были единодушны: «Долой Ельцина!». Владимир Рыжков, лидер фракции «Наш дом — Россия», заявил, что его партия будет голосовать против импичмента, туманно пояснив, что «справедливость требует движения к истине». Еще некоторые ораторы со стороны оппозиции повторяли аргументы Илюхина, а затем заседание было приостановлено для голосования и подсчета голосов.

Когда дебаты близились к завершению, Сергей Зверев, заместитель главы Администрации Президента, хорошо знавший депутатов, начал рассказывать журналистам, что он уверен в том, что импичмент не пройдет. Глеб Черкасов, корреспондент «Москоу ньюс», разговаривал с помощниками депутатов, которые отказались от взяток.

Ему рассказали, что в пятницу, 14 мая, лоббисты предлагали 30 000 долл. депутатам, чтобы они голосовали против импичмента, но цену пришлось поднять…

Когда слушание дела было приостановлено из-за перерыва на обед, парламентские служащие начали печатать избирательные бюллетени по каждому из пяти пунктов обвинения, и депутаты были отпущены до 15 часов. Зюганов сказал репортерам, что обвинение относительно Чечни наберет 300 голосов, необходимых для импичмента, а обвинение по поводу Беловежского соглашения может также получить необходимые две трети голосов. Однако его оптимизм был напускным по нескольким причинам. Во-первых, имелись сообщения о том, что многие депутаты не взяли свои бюллетени. В то же время депутаты и члены аппарата Думы рассказывали журналистам, что стоимость взяток постоянно возрастала. Лоббисты приходили к колеблющимся депутатам и предлагали заплатить им от 50 000 до 70 000 долл.

Коммунисты и фракция «Яблоко» приняли решение голосовать в пользу импичмента по вопросу Чечни. Партия российских регионов также склонялась к импичменту, но ее членам сказали, что они свободны голосовать по своему усмотрению. Лоббисты сосредоточили свои усилия на покупке голосов членов этой фракции. Колбакова заметила, что лидеры коммунистической партии начали устраивать встречи за закрытыми дверьми и когда они выходили оттуда, то казались мрачными и неразговорчивыми, что резко контрастировало с их прежним оптимистичным настроением. Наконец в комнату для журналистов Думы вошел Александр Кравец, идеологический секретарь партии, заняв свое место у микрофона на сцене за столом. Толпа репортеров затихла и подалась вперед, когда он заговорил. «Депутатов подкупают, — сказал он. — Начальная цена равнялась 30 000 долларов. Если депутат согласится проголосовать против всех пунктов обвинения, то получит гораздо больше».

Подсчет голосов продолжался, но после заявления Кравца все напряжение спало. Больше никто уже не ждал, что Ельцину объявят импичмент.

В 17.30 комиссия по подсчету голосов объявила, что за обвинение в отношении Чечни в пользу импичмента проголосовали 283 депутата. Это было подавляющее большинство, но не хватало еще 17 голосов для необходимых двух третей. По другим пунктам подсчет обвинений получил еще меньше голосов.

После того как были оглашены все цифры, коммунисты казались ошеломленными. Филимонову было трудно говорить. Зюганов сообщил репортерам: «Все были подкуплены». Он обещал на следующий день начать расследование.

После того, как импичмент потерпел поражение, Степашин предпринял попытку организовать прокремлевскую партию, способную потеснить процветающее движение «Отечество — вся Россия», организованное Юрием Лужковым, мэром Москвы, который поддерживал на высоком посту Примакова. 23 августа Лужков пообещал, что, если Примаков, самый популярный политический деятель страны, будет баллотироваться на пост президента, он поддержит его. По мере того как экономическое положение в России постоянно ухудшалось, рейтинг Ельцина упал до 2 %, и тем, кто был тесно связан с его режимом, стало ясно, что их положение и благосостояние находятся под угрозой.

В то же самое время расследования по делу Березовского и «Мабетекса» показали, что в случае победы на выборах оппозиции Ельцина те, кто незаконно накопили состояние в годы его правления, — и это, в сущности, была совершенно новая элита, включая членов семьи Ельцина, — рисковали потерять не только свою собственность, но и свою свободу и даже жизнь. По этой причине примыкавшие к Ельцину были полны решимости удержать его на посту или любой ценой закрепить президентское кресло за выбранным им преемником. Вначале надеялись, что Степашин одержит победу над Примаковым. Но скоро стало ясно, что он плохо подходит для этой роли. Похоже, у него не было энтузиазма нападать на Примакова и Лужкова изнутри, и было известно, что он отвергнул планы введения чрезвычайного положения и отмены президентских выборов из боязни начала гражданской войны.

Согласно статье, опубликованной 22 июля в «Московской правде», основанной на секретных документах, один из планов, обсуждавшихся в Кремле, состоял в создании беспорядков в Москве путем организации террористических актов, похищения детей и войны между соперничающими криминальными кланами. В начале сентября в прессе появились сообщения, что Березовский, Александр Волошин (в то время глава Администрации Президента), Антон Суриков (бывший сотрудник Главного разведывательного управления — ГРУ) и Басаев встретились во Франции в июне или июле и разрабатывали план вторжения в Дагестан. 13–14 сентября газета «Московский комсомолец» напечатала фрагменты стенограммы беседы между человеком с голосом, похожим на голос Березовского, и человеком, чей голос напоминал голос Мовлади Удугова, неофициального представителя радикальной чеченской оппозиции, в которую входили Басаев и Хаттаб. Во время этой беседы ее участники, обращаясь дружески друг к другу, обсуждали передачу денег от человека, похожего на Березовского, боевикам. Павел Гусев, главный редактор «Московского комсомольца», сообщил, что, по его утверждению, сотрудник ФСБ, записавший на пленку эту беседу, позже был уничтожен «по приказу тех, чьи голоса он записал».

По-видимому, эти публикации побудили Третьякова, главного редактора самой известной газеты, принадлежавшей Березовскому, предложить какую-то версию событий, которая если и не оправдывала его шефа, то, по крайней мере, давала понять, что он был не единственным, кто участвовал в организации вторжения в Дагестан. Третьяков писал: «Совершенно очевидно, что чеченцев завлекли в Дагестан… чтобы оправдать восстановление федеральной власти в республике и начало военных действий против террористов, окопавшихся в Чечне. Ясно, что это была операция, подготовленная российскими спецслужбами… более того, она была санкционирована самыми высокопоставленными кругами.

В свете всего этого вот мое собственное личное предположение: в худшем случае Березовским воспользовались, не посвятив его в деятельность российских спецслужб, или, что наиболее вероятно, он действовал заодно с ними… Моя гипотеза гораздо более похожа на правду, чем мнение, что Березовский сам все устроил, которое предполагает его абсолютное влияние на обе воюющие стороны одновременно».

Между тем, 5 августа 1999 года исламисты под предводительством двух командиров — Шамиля Басаева и Хаттаба, предположительно гражданина Саудовской Аравии, вторглись из Чечни в западный Дагестан с целью начать антироссийское восстание. 9 августа Степашин был освобожден от должности, и его место занял Владимир Путин. 22 августа боевики отошли назад в Чечню без тяжелых потерь.

Это вторжение вызвало в России и возмущение, и подозрение, что это провокация, направленная на то, чтобы подготовить народ к новой войне в Чечне. Подразделения внутренних войск, охранявшие границу, были отозваны незадолго до вторжения чеченцев, поэтому боевики под предводительством Басаева и Хаттаба беспрепятственно вошли в Дагестан. В течение двух недель, пока они вели борьбу с местной милицией, Российская армия не делала попыток атаковать их. Затем они ушли из Дагестана на 72 КамАЗах, и им никто не помешал. Александр Жилин, видный военный журналист, рассказывал, что он разговаривал с высокопоставленными офицерами Генерального штаба, Министерства обороны и Министерства внутренних дел и все согласились, что вторжение было подготовкой другой, предвыборной чеченской войны. «В этой связи, — писал он, — все мои собеседники без исключения отмечали немаловажную деталь: ФСБ и Совет Безопасности возглавлял глава правительства Владимир Путин».

Несмотря на подозрение, что это была провокация, вторжение в Дагестан переключило внимание страны на Северный Кавказ. В конце августа федеральные войска начали наземные и воздушные атаки на дагестанские села, находившиеся под контролем ваххабитов, будто бы пытаясь в какой-то степени отомстить им за более раннее вторжение.

31 августа 1999 года мощный взрыв прогремел в подземном торговом центре в Манеже рядом с Кремлем, при этом один человек был убит и 30 ранены. Это был не первый террористический акт в России, случившийся именно в преддверии выборов. В июне 1996 года, в канун первых президентских выборов, была взорвана бомба в московском метро, в результате чего четыре человека погибли и еще 12 были ранены; еще два взрыва прогремели в троллейбусах, при этом пострадало 38 человек. Эти события, создав ощущение нестабильности, сработали в пользу кандидатуры Ельцина.

Взрыв в Манеже всколыхнул политическую атмосферу, но надо было накалить напряженность до качественно нового уровня, чтобы возбудить народ до нужного состояния и заставить его поддержать вторую чеченскую войну. Это и произошло в результате событий, случившихся в последующие несколько дней. События разворачивались будто бы по определенному плану. 4 сентября в 21.40 в городе Буйнакске в Дагестане взорвалась машина, начиненная взрывчаткой, разрушив пятиэтажное жилое здание, где жили семьи российских военнослужащих. В результате взрыва погибли 62 человека и около 100 были ранены.

9 сентября, вскоре после полуночи, взрыв разрушил все девять этажей центральной части здания на улице Гурьянова, 19, в районе Печатники в Москве. Несколько тел было отброшено на соседние улицы. Огонь бушевал несколько часов под окутанными удушливым дымом развалинами. К концу первого дня число погибших достигло 98 человек.

13 сентября мощный взрыв превратил девятиэтажное панельное жилое здание в Москве на Каширском шоссе, 6, в окутанные дымом развалины. Взрыв произошел в 5.00, и, проснувшись, москвичи увидели на телевизионных экранах, как рабочие аварийной службы лихорадочно пробираются через завалы. Один из спасателей спросил: «Как можно сказать, сколько людей погибло, если мы находим только их фрагменты?» Число погибших во время взрыва на Каширском шоссе вскоре достигло 118 человек.

После взрывов обломки домов были сразу же убраны, несмотря на возражения МВД и Министерства по чрезвычайным ситуациям. Поспешность, с которой ликвидировались следы преступления, особенно поразительна на фоне того, как велось следствие по терактам против зданий американских посольств в Кении и Танзании в 1998 году: подозреваемые были выявлены и в конечном итоге арестованы в результате тщательного многомесячного просеивания обломков. А ФСБ не подпускала следователей из Министерства по чрезвычайным ситуациям к местам взрывов на улице Гурьянова и на Каширском шоссе и препятствовала попыткам рабочих-спасателей позаботиться о жертвах. Российские власти отклоняли предложения о предоставлении помощи в расследовании от Соединенных Штатов и других стран Запада.

Ощущение, что взрывы были инсценированы, подкреплялось и последующей реакцией властей. После взрыва на улице Гурьянова в Москве были приняты чрезвычайные меры безопасности. Вереницы грузовиков с прицепом и легковых машин образовались на дорожных контрольно-пропускных пунктах у въезда в город. Дивизия МВД им. Дзержинского численностью 15 000 человек была рассредоточена на улицах Москвы, увеличив и без того огромное количество работников милиции. Однако через 4–5 дней после взрыва на Каширском шоссе ситуация почти вернулась в нормальное русло, создавая впечатление, будто власти знали, что дальнейшей опасности не существует. Западные дипломаты, пытавшиеся получить информацию из

правительственных и других источников, сталкивались с тем, что обычные контакты не дают им никакой информации о безопасности обстановки и любая попытка поднять вопрос о терактах приводила к прекращению разговора.

Между тем, еще 6 июня 1999 года, за три месяца до взрывов зданий на улице Гурьянова и на Каширском шоссе, шведский журналист Ян Бломгрен писал в газете «Svenska Dagbladet», что кремлевское руководство и его сообщники готовят серию «террористических актов» в российской столице под кодовым названием «Буря в Москве». В подтверждение этого Константин Боровой, независимый депутат Думы, сказал, что один сотрудник российской военной разведки предупредил его о готовящейся серии террористических актов.

16 сентября, когда еще не успели похоронить все жертвы первых взрывов, новый взрыв обрушил фасад девятиэтажного жилого дома в южной части российского города Волгодонска, при этом погибли по крайней мере 17 человек и получили ранения 69. Высокопоставленным чиновникам сообщили о готовящемся взрыве в Волгодонске за несколько дней до него. 13 сентября Геннадий Селезнев, выступая на встрече в Совете Думы, получил записку из аппарата Думы, которую он зачитал присутствующим. В послании говорилось о происшедшем взрыве в Волгодонске. Лидер либерально-демократической партии Владимир Жириновский сказал, что после этого заявления присутствующие стали ждать сообщения о взрыве по телевидению. Однако взрыв произошел только через три дня, 16 сентября.

17 сентября Жириновский напомнил Селезневу о его заявлении 13 сентября и спросил, почему тот не предупредил власти. Селезнев рассказал корреспонденту газеты «Новые известия» в марте 2002 года, что он посчитал, что речь шла о взрыве, устроенном преступными бандами 15 сентября и в котором не было жертв. Факт о последнем взрыве был подтвержден местной волгодонской прессой, но в объяснении Селезнева остается несколько невыясненных моментов. Если взрыв в Волгодонске, о котором шла речь в записке, переданной Селезневу, был частью мелкого преступного конфликта, почему было необходимо срочно сообщить спикеру Думы и — согласно информации, находящейся в руках Сергея Юшенкова, члена независимой комиссии для расследования взрывов 1999 года, — Путину? Было ли лишь совпадением, что Селезнев и Путин были информированы о взрыве в одном и том же городе, где действительно произошел сильный взрыв, но на следующий день? Почему Селезнев, тесно связанный с Путиным, не упомянул об «обычном» взрыве в сентябре 1999 года, когда впервые подняли вопрос о его осведомленности заранее?

И, наконец, если в записке, которую читал Селезнев, речь шла о незначительном преступном столкновении в Волгодонске, почему Селезневу сообщили об этом за два дня?..

После взрыва на телевизионных экранах появился Путин и заявил, что террористов нужно «мочить в сортире». В октябре, когда было предложено, чтобы Россия провела переговоры с повстанцами, Путин заявил, что это бандиты и если кто-нибудь попытается сделать это, то может получить «контрольный выстрел» в голову.

В течение нескольких месяцев после взрывов Путин невозмутимо и хладнокровно отвечал на самые разнообразные вопросы, за исключением вопросов о Чечне. Когда поднимали тему Чечни, он неизменно выходил из себя. Этот факт наряду с использованием им воровского жаргона заставляет некоторых предположить, что по каким-то причинам его задевает критика в адрес второй чеченской войны не только в политическом смысле, но и лично.

Между тем, почти с самого начала были и сомнения, действительно ли взрывы — дело рук чеченских террористов. И Аслан Масхадов, чеченский лидер, и Басаев отрицали тот факт, что чеченцы имеют какое-то отношение к этим взрывам. Однако еще сильнее, чем эти заявления, беспокоили обстоятельства самих взрывов, которые делали все более невероятными утверждения, что их устроили чеченские террористы. Во-первых, всем четырем взрывам был свойствен один и тот же почерк, судя по характеру разрушений, по тому, как рушились бетонные панели, и по размеру взрывов. В каждом случае в качестве взрывчатки применялся гексоген, и все четыре бомбы были подложены так, чтобы взрыв произошел ночью, чтобы вызвать наибольшее число жертв.

Во-вторых, чтобы без помощи специалистов совершить то, в чем их обвиняли, чеченским террористам понадобилось бы в течение двух недель в городах, значительно удаленных друг от друга, организовать девять взрывов (четыре, которые произошли, и пять, которые, по утверждению российских властей, им удалось предотвратить). Для этого пришлось бы действовать с молниеносной быстротой. Так, в здании на Каширском шоссе милиция проверила подвалы всего за три часа до взрыва.

В-третьих, чеченцам понадобилось бы также проникнуть на совершенно секретные российские военные заводы. Следователи сообщили, что каждая бомба содержала от 200 до 300 килограмм гексогена, который производился в России только на одном-единственном заводе в Пермской области, охраняемом ФСБ. Распределение продукции ведется там по строгому учету. Несмотря на это, предполагаемые чеченские террористы якобы могли получить этот гексоген и осуществить его транспортировку по всей России. И, наконец, чеченским террористам пришлось бы продемонстрировать техническую виртуозность. В Москве взрыв бомбы на улице Гурьянова вызвал обвал лестничных пролетов. На Каширском шоссе восьмиэтажное кирпичное здание было превращено в груду камней. В Волгодонске взрывом убиты 17 человек, и от него пострадало 37 зданий вокруг.

Чтобы добиться таких результатов, нужно тщательно определить и подготовить взрывчатые вещества. В Москве взрывчатка была подложена таким образом, чтобы разрушить наиболее уязвимые и важные структурные элементы, так, чтобы все здания рассыпались, как карточные домики. Такие тщательные расчеты под силу лишь опытным специалистам, а единственным источником таких специалистов в России являются спецназ, военная разведка (ГРУ) и ФСБ.

После этих взрывов Россия предприняла новое вторжение в Чечню, которое теперь встретило огромную поддержку населения.

Путин был назначен преемником Ельцина, и предвыборная агитация за него началась в то самое время, когда российские войска двигались по чеченской равнине к Тереку. В стране, уставшей от преступности и беспорядков, государственное телевидение помогло Путину создать образ компетентного, энергичного и решительного человека; за несколько недель его рейтинг совершил скачок от почти нулевого до главного кандидата в президенты. (После того как ранее не известный Путин стал премьер-министром во время предварительных выборов, его рейтинг был такой же, как у Ельцина. Из тех, кто голосовал за него, 2 % сказали, что голосовали бы за Путина как за президента…)

По мере продолжения чеченской войны и расширения кампании по выборам президента все более распространялись опасения по поводу того, что события, приводящие к войне, были спланированы заранее. Некоторые политические обозреватели в Москве отмечали, что события разворачивались таким образом, как это описывал в своей книге известный политолог из Чикагского университета Гарольд Лассвелл, и были наиболее оптимальными для успешной пропаганды. В книге, касаясь пропагандистской деятельности союзников во время Первой мировой войны, Лассвелл писал, что успех пропагандиста определяется степенью напряженности среди населения, которую автор называл «условием приспособления или плохого приспособления: сюда входят общественное беспокойство, нервозность, раздражительность, волнение, недовольство или напряжение». По мнению Лассвелла, «пропагандист, ведущий пропаганду в обществе с высоким уровнем напряженности, обнаруживает, что для воспламенения скопившейся в нем взрывной энергии достаточно маленькой спички, которой в обычном состоянии можно было бы разжечь только костер. Не было сомнения в том, что чеченскую войну Путин вел, имея дело с обществом, где степень напряженности после сентябрьских терактов сильно возросла.

Возможно, никогда не будет убедительных доказательств того, кто же организовал взрывы жилых зданий. Однако политическая ситуация в момент взрывов, степень подготовки организации и экспертизы, продемонстрированные при их выполнении, — все это говорит о том, что эти взрывы были организованы не чеченцами, которые ничего не выигрывали от них, а теми, кому нужна была еще одна война, способная протолкнуть Путина на пост президента и тем самым спасти свое добытое путем коррупции благосостояние. Это могли быть только лидеры самого режима Ельцина…

В октябре 1999 года окружение Ельцина способствовало организации «Единства» — прокремлевской политической партии, которая ассоциировалась с Путиным. В то же время партия «Отечество — вся Россия», организованная Лужковым и Примаковым, подвергалась жесточайшим нападкам прессы, контролируемой «семьей» Ельцина. В конце концов, несмотря на то что партия «Единство» не имела идеологической платформы, 17 декабря она набрала 23 % голосов, слегка отстав от Российской коммунистической партии, которая набрала 24 %. «Отечество — вся Россия», у которой ожидалось рекордное число голосов, набрала всего 13 %.

В свете полученных результатов Лужков и Примаков сняли свои кандидатуры на пост президента, расчищая дорогу Путину. Единственной проблемой оставалось время проведения президентских выборов. Чеченская война шла полным ходом, и рейтинг Путина был высоким, но не было гарантии, что такая ситуация удержится до запланированной даты выборов — в июне 2000 года. Но если бы Ельцин ушел в отставку немедленно, Путин стал бы временно исполняющим обязанности президента и выборы можно было бы провести через три месяца, что дало бы Путину огромные преимущества. Окружение Ельцина убедило его согласиться на это, и вот в канун Нового года Ельцин ушел в отставку, сняв в себя бразды правления.

Выборы были назначены на 26 марта, и Путин отказался от интенсивной избирательной кампании и избегал даже объяснений относительно своей позиции по главным вопросам, касающимся положения в стране. В результате россияне выбирали того, о ком они ничего не знали, и из-за этого наделили его чертами, на которые рассчитывали.

Благодаря сентябрьским взрывам гнев населения был перенесен с криминальной олигархии, ограбившей страну, на чеченцев. И поскольку было ясно, что война ведется успешно, Путин получил поддержку народа, которая в противном случае досталась бы тем, кто пытался бороться со смертельно опасным наступлением криминала на российское общество.

В результате Путин набрал 54 % голосов, Геннадий Зюганов — 30 %, на 2 % меньше, чем в первом раунде против Ельцина в 1996 году.

7 мая 2000 года, незадолго до полудня, Путин вошел в Андреевский зал Большого Кремлевского дворца и прошел по красному ковру к возвышению, где его ждал Ельцин. Два человека встали вместе под двуглавым золотым орлом. Огромное количество видеокамер запечатлевало то, что потом описывалось как первая демократическая передача власти мирным путем в российской истории.

Медленно произнося слова, как будто с трудом читая их по телесуфлеру, он сказал: «Теперь нам есть чем гордиться… Мы не позволили нашей стране попасть в руки диктаторов. Мы сохранили для России почетное место в мировом сообществе… и открыли дорогу для нормального удовлетворения потребностей людей». Ельцин обратился к Путину: «Берегите Россию». Как видели политические соперники Ельцина — Зюганов, Лужков и Григорий Явлинский, председатель партии «Яблоко», Путин положил правую руку на Конституцию и принес должностную присягу, пообещав защищать права и свободы граждан, целостность правительства и следовать Конституции.

Затем Путин произнес речь, которую, очевидно, заучил наизусть. «Мы обязаны сделать все, — говорил он, — чтобы власть, выбранная народом, работала в интересах народа, защищала российских граждан повсюду, в нашей стране и за ее пределами, и служила интересам общества». Он описывал, как в ходе избирательной кампании он встречался с людьми на улицах, которые говорили ему: «Мы просим вас по крайней мере не обманывать нас». Путин пообещал работать «открыто и честно».

Но, произнося свою речь в великолепном Андреевском зале, Путин дал понять, что ему не чужды цезаристские замашки. «В России, — заявил он, — глава правительства всегда был и будет человеком, который отвечает за все».

Таким образом, потенциальный вызов, брошенный системе криминальной олигархии в России, потерпел поражение. Эпоха Путина началась с того момента, где закончилась эпоха Ельцина. Александр Волошин, главный советник Ельцина, сохранил свой пост главы Администрации Президента. Михаил Касьянов, министр финансов в кабинете Ельцина, был назначен премьер-министром и вместе с большинством его главных министров имел тесные связи с «семьей» Ельцина.

И, что важнее всего, «семья» Ельцина определила выбор нового Генерального прокурора. 16 мая 2000 года Совет Федерации выдвинул на обсуждение кандидатуру Дмитрия Козака. Но на следующий день Путин предложил другую кандидатуру — временно исполняющего обязанности Генерального прокурора Владимира Устинова. Как писала газета «Сегодня», такой кардинальный поворот произошел после того, как кандидатура Козака была отвергнута Волошиным. Согласно газетной статье, такое решение было принято потому, что Волошин не был уверен в том, что Козак не будет продолжать копаться в делах, связанных с Аэрофлотом и «Мабетексом».

Через десять месяцев ситуация изменилась до такой степени, что многие даже не могли себе представить. Ельцину и его семье были предоставлены гарантии неприкосновенности, новое правительство было очень похожим на старое, представителям правящей олигархии не нужно было больше опасаться преследований за свою криминальную деятельность. Все разговоры о перепроверке распределения собственности в период процесса приватизации — самого преступного разбазаривания государственных ресурсов в истории — прекратились.

События в Рязани

…Сгустились сумерки, машины оживленно сновали по улице Новоселов на окраине города Рязани, делая круг перед 12-этажным домом № 14/16. Покупатели толпились в новом гастрономе «День и ночь» на первом этаже здания, а жители дома возвращались с работы, набирали коды своих квартир и открывали новую тяжелую металлическую дверь подъезда.

Мало что в этой сцене говорило о том, что 22 сентября 1999 года на том месте, где в настоящее время стоит здание, могла находиться зияющая яма и многие из тех, кто теперь спешит по своим делам, могли бы быть погребены под тоннами кирпича, если бы не чудо, которое спасло их от смерти.

Единственно, что напоминает об этом происшествии, — металлическая дверь, установленная через несколько месяцев после того, как в основании здания обнаружили бомбу, из-за чего пришлось эвакуировать почти 250 человек. Город охватила паника, пока Федеральная служба безопасности не объявила, что это была не настоящая бомба, а муляж, помещенный туда для «испытания».

После инцидента жители дома говорили в интервью по телевидению и в прессе, что после этого случая у них возникли проблемы со здоровьем, а их дети бояться ложиться спать. Они дали понять, что не верят тому, что их эвакуировали из квартир в ходе испытания, и были убеждены, что кто-то — возможно, сама Федеральная служба безопасности — намеренно пытается одурачить их. Пожилая женщина, входя в дом, сказала: «Это страшно даже произнести, но мне кажется — это было не тренировочное испытание».

«Чему я должен верить, — говорил 67-летний житель дома, — тому, что говорит правительство, или тому, что было в основании здания? Тогда спросите: кто несет ответственность за войну? Кому нужна эта война? Конечно, правительству». (На следующий день после этого инцидента правительство, обвиняя чеченских боевиков во взрывах жилых зданий в Москве, Волгодонске и Буйнакске, начало бомбить Грозный.) «Власти пытаются замять все это и скрыть от народа, — сказала Татьяна Боричева, другая жительница дома. — Я думаю, что это большая политическая игра. Здесь идет борьба за власть, а наша жизнь не стоит и копейки… [Они] хотели заставить чеченцев начать боевые действия и захватить власть».

Некоторые жители дома говорили, что собираются подать в суд на ФСБ. Другие проявляли большую осторожность. «Общее мнение гласит, что лучше нам не предъявлять им обвинения, — заметила Татьяна Лукичева, — или в следующий раз они на самом деле взорвут нас».

Дом № 14/16 по улице Новоселов был построен в 1987 году Рязанским радиозаводом, и большинство его жителей работали на нем. В основном это были патриотически настроенные граждане, не склонные критиковать правительство. Но после «тренировочного испытания» и событий, последовавших за ним, они пришли к убеждению — в некоторых случаях впервые, — что их жизнь в глазах властей не имеет ценности. Осмысление этой ситуации началось в тот вечер, который обитатели дома № 14/16 по улице Новоселов теперь считают своим вторым рождением.

В 20.30 22 сентября Алексей Картофельников, водитель городского автобуса, вернулся в Рязань после выходных, проведенных на даче. Он поставил свою машину подальше от дома и отправился домой пешком. Когда он подошел к подъезду, его внимание привлекла белая «Лада», припаркованная перед входом, на заднем сиденье которой сидел мужчина. Последние две цифры на номерном знаке автомобиля были заклеены бумагой, на которой было написано число «62», код Рязани. У входа стояла молодая блондинка и нервно оглядывалась по сторонам.

В свете произошедших за 18 дней в Буйнакске, Москве и Волгодонске взрывов четырех жилых зданий эта сцена показалась Картофельникову подозрительной. Он вошел в свою квартиру и набрал «02».

В это время Владимир Васильев, по профессии инженер, живший на восьмом этаже, возвращался домой и тоже заметил машину. Лист бумаги на заднем номерном знаке машины уже слетел, и появился номер 77, код Москвы. Васильев заметил, что номер на задней панели отличается от номера на передней. Блондинка, привлекшая внимание Картофельникова, теперь сидела с мужчиной в машине. Васильев поднялся на лифте до своей квартиры и также позвонил в милицию.

Картофельников непрерывно набирал «02», но номер был постоянно занят. Его дочь Юлия, 23-летняя студентка медицинской ординатуры, вышла на балкон, чтобы узнать, как разворачиваются события. Она увидела, что из подвала здания появился второй мужчина, посмотрел на часы и сел в машину, после чего она рванула с места с тремя пассажирами. В этот момент Картофельников дозвонился в милицию. Картофельников описал увиденное им, но вначале милиция отказалась проводить расследование. Однако тот настаивал, и милиция согласилась приехать. Отец и дочь встретили милиционеров у подъезда в 21.30. Юлия предложила им пройти в подвал, чтобы убедиться, не оставили ли там что-нибудь люди из машины. Местные бомжи использовали подвал в качестве туалета, и милиционеры не хотели туда идти, но Юлия настаивала, и они, наконец, решили спуститься. Несколько мгновений спустя один из милиционеров пулей вылетел наверх с криком: «Там бомба!». Другие два милиционера выбежали за ним, и один из них сказал Картофельникову: «Мы должны эвакуировать жителей дома».

В здании вскоре началась суматоха. Милиционеры стали стучать во все двери, приказывая людям покинуть квартиры. Жители вынимали грудных детей из ванночек, хватали документы и набрасывали на себя пальто. Те, кто был слишком болен или слаб, чтобы выйти самостоятельно, оставались на месте. Милиция окружила здание, а жители его, стоя на улице, смотрели, как милиционеры, включая Юрия Ткаченко, руководителя отряда саперов, входили в подвал. Толпа затихла в ожидании объявления, что все это ложная тревога. В подвале Ткаченко обезвредил взрывное устройство с часовым механизмом, а затем проверил три

мешка с белым кристаллическим веществом портативным газовым анализатором МО-2, который показал наличие в мешках гексогена, взрывчатого вещества, использовавшегося во время взрывов домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске. Теперь не было сомнений, что кто-то намеревался взорвать здание.

Милицейские и пожарные машины и автомобили технической помощи со всех концов города устремились к месту происшествия, а когда распространилась молва о том, что в подвале дома № 14/16 по улице Новоселов обнаружена бомба, жители соседних домов также в страхе покинули свои жилища. Дело кончилось тем, что почти 30 000 обитателей района Дашково-Песочня, в котором находится дом № 14/16 по улице Новоселов, провели ночь на улице.

Анна Савина описывала атмосферу паники, царящую в Рязани в связи с происшествием: «В 11 часов утра милиционеры стали ходить из дома в дом, требуя немедленно покинуть здание. Я была в ночной сорочке, но набросила на себя плащ и выбежала из дома. Только очутившись на улице, я поняла, что наше здание заминировано. Но моя мать осталась в квартире. Она абсолютно беспомощна. В ужасе я подбежала к милиционеру и сказала: «Разрешите мне вернуться в здание, чтобы забрать свою мать!» Но они не позволили мне вернуться. Только в 2.30 ночи они постепенно стали разрешать жителям возвращаться в свои квартиры, чтобы проверить, не было ли чего-то подозрительного. Когда подошла моя очередь, я показала на свою больную мать и сказала милиционеру, что без нее я не сдвинусь с места. Милиционер спокойно записал что-то в блокноте и исчез. Тогда я поняла, что я, возможно, осталась одна с матерью в заминированном здании. Это было ужасно… Но внезапно в дверь позвонили. На пороге стояли два старших офицера милиции. Они строго спросили меня: «Вы решили похоронить себя заживо?» У меня ноги подкашивались от страха, но тем не менее я настаивала на том, что без матери никуда не пойду. Услышав это, офицеры смягчились. «Хорошо, — сказали они. — Здание уже разминировано»… В этот момент я выбежала на улицу».

Милиционеры допросили Картофельникова, его дочь и Васильева и на основании их показаний составили фотороботы подозреваемых. Тем временем 1200 милиционеров были приведены в состояние боевой готовности, патрулировались железнодорожные вокзалы и аэропорт, а на всех шоссе при выезде из города были установлены контрольно-пропускные пункты. Милиция останавливала и проверяла каждую белую «Ладу».

Незадолго до полуночи генерал Александр Сергеев, начальник рязанской ФСБ, подъехал к дому № 14/16 по улице Новоселов и встретился у входа в здание с его жителями. «Можете считать, — сказал он, — что сегодня вечером вы родились заново». Он пообещал, что все смогут вернуться домой, как только станет ясно, что опасность миновала. Представитель ФСБ допросил Картофельникова, а после этого сказал ему: «Вы родились в рубашке».

В половине второго ночи ФСБ увезла мешки и детонатор на небольшом грузовике. Жители дома продолжали бродить на холоде до 3 часов утра, пока не открылась дверь кинотеатра «Октябрь», расположенного через улицу, и его заведующая не принесла из дома посуду и не напоила всех чаем. Он, однако, почти не помог успокоению расшатанных нервов. Для людей, у которых было плохо с сердцем или поднималось давление, непрерывно вызывали «скорую». Многие из тех, кто находился в кинотеатре, с трудом приходили в себя. Они понимали, что в подвал их дома кто-то подложил бомбу, но им сложно было осознать, что они и их семьи могли погибнуть. В 5 часов утра включили радио и жители дома слушали сводку новостей по Радио России о попытке взорвать здание. Диктор, рассказывая об инциденте, сообщил, что бомба должна была взорваться в половине шестого утра. После этих слов в кинотеатре воцарилась тишина, так как все понимали, что, если бы бомбу не обнаружили, им осталось бы жить всего полчаса.

Наступило утро, Рязань походила на осажденный город. Улицы были запружены вооруженными милицейскими патрулями и военными курсантами. Милиционеры в бронежилетах с автоматами в руках оцепили все выезды из города. Длинные шеренги автомобилей и грузовиков растянулись на многие километры по дорогам, и милиция производила обыск каждой машины и пассажиров. Портреты трех террористов были приклеены буквально к каждому столбу и дереву.

В 8 утра Российское телевидение сообщило о попытке взорвать жилой дом в Рязани и процитировало официальные сообщения Рязанского МВД о том, что в бомбе было взрывчатое вещество гексоген. Утром по рязанскому телевидению выступил Сергеев и поздравил жителей дома со спасением при теракте. Некоторое время спустя по государственному телевидению выступил министр внутренних дел Владимир Рушайло с заявлением о том, что попытка террористов взорвать пятое по счету российское здание была предотвращена. Тем временем, когда по Рязани поползли слухи, что город выбран местом проведения террористического акта из-за расположения здесь 137-го Рязанского парашютно-десантного полка, Павел Маматов, глава администрации Рязани, отдал приказ опечатать все чердаки и подвалы города.

В 19 часов в вечерних новостях выступил Председатель правительства Путин с заявлением о том, что российские самолеты начали бомбить Грозный. Смысл сообщения в стране, ожидавшей новых террористических актов, был понятен: террористы покушались на жизнь невинных людей, а значит, они будут наказаны.

К вечеру 23 сентября на автостоянке в Рязани была обнаружена брошенная белая «Лада». Через некоторое время был зафиксирован звонок в Москву — связистка, которая довольно долго оставалась на линии, успела поймать обрывок разговора. Звонивший сообщал, что у них не было возможности покинуть город незамеченными. Голос на другом конце провода ответил: «Разделитесь и выбирайтесь по отдельности».

Телефонистка доложила о звонке в милицию, которая установила номер звонившего. К их изумлению, звонили из ФСБ. Через короткое время рязанская милиция, с помощью местного населения, арестовала двух террористов. При опознании задержанных выяснилось, что они работают в ФСБ. По распоряжению из Москвы их вскоре освободили.

Теперь объяснение со стороны ФСБ РФ было неизбежно. В пятницу, 24 сентября, директор ФСБ Николай Патрушев, выйдя из Кремля после совещания, сообщил репортеру, что эвакуация людей из здания в Рязани была частью тренировочных учений и бомба была поддельной, подложенной с его ведома. Патрушев добавил, что в мешках, обнаруженных отрядом саперов, не было ничего, кроме сахарного песка. Данные газового анализатора о наличии гексогена были ошибочными. В других городах проводились аналогичные учения, и лишь в Рязани жители спохватились раньше времени. Он высказал восхищение жителями дома за проявленную ими бдительность.

Между тем, представители рязанского ФСБ ни перед чем не останавливались, чтобы убедить жителей Рязани, что они не знали о предполагаемых учениях. После заявления Патрушева Юрий Блудов, сотрудник пресс-службы рязанской ФСБ, заявил, что местную ФСБ не уведомили заранее о том, что в городе будут проводиться учения. Губернатор Рязанской области Б. Н. Любимов говорил, что ничего не знал о планируемых учениях…

В течение последующих недель для многих жителей дома жизнь постепенно возвращалась в свою колею. ФСБ устроила в Рязани церемонию награждения, во время которой Картофельникову и Васильеву подарили по цветному телевизору в награду за проявленную бдительность, также была награждена внимательная телефонистка Надежда Юхнова. Представитель ФСБ генерал Александр Зданович разъяснил, что газовый анализатор дал неправильные показания потому, что его не протерли спиртом — намек на то, что спирт «употребили», а у Ткаченко остались на руках следы гексогена, поскольку неделю назад он имел дело со взрывом.

Но подозрение на то, что это было вовсе не испытание, продолжало витать в воздухе. Жители дома хотели знать, почему, если данный инцидент был учебным испытанием, им не разрешалось вернуться в свои квартиры после успешного обезвреживания бомбы и почему им в течение двух дней не говорили об истинной причине случившегося? Их также интересовало, какое право имела ФСБ использовать их в качестве подопытных кроликов в подобных учениях, если это на самом деле были учения?

В то же время ФСБ утверждала, что те, кто принимал участие в «учениях», были тайными агентами и не могли появляться на публике. Однако по закону не существовало запрета на появление агентов перед журналистами. В статье 7 Закона о государственной тайне Российской Федерации, принятого 21 июля 1993 года, говорится, что информацией, которая не может считаться государственным секретом и считается секретными данными, являются данные о «чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности и здоровью жителей, и их последствиях… фактах нарушения прав и свобод граждан… [и] факты о нарушениях закона государственными органами и деятелями».

Через несколько недель после происшествия в Рязани российские войска вторглись в Чечню, начав «антитеррористическую акцию», и полным ходом стала набирать темпы предвыборная президентская кампания. В результате загадочный инцидент на время выпал из поля зрения общественности.

Но в феврале российские журналисты вновь обратились к расследованию событий в Рязани, и вскрытые ими факты почти полностью дискредитировали ФСБ в глазах жителей дома № 14/16 по улице Новоселов.

Наиболее важные сведения сообщил 30-летний корреспондент «Новой газеты» Павел Волошин, который до прибытия в Рязань придерживался официальной версии о тренировочных учениях. Волошин приехал в Рязань в начале февраля, зарегистрировался в гостинице и отправился в городское управление Министерства внутренних дел, где представился работнику пресс-службы и нескольким следователям, объяснив им, что занимается расследованием недавних учений. К его удивлению, милиция при виде его обрадовалась. «Мы очень уважаем «Новую газету», — заявил работник пресс-службы. — Мы отказали канадским и японским телерепортерам, но готовы помочь вам. Вероятно, вы хотели бы встретиться с Ткаченко, начальником отряда саперов».

На следующий день Волошина представили человеку, которому на вид было чуть больше тридцати. «Это Ткаченко», — сказал работник пресс-службы. Они остались вдвоем в одной из комнат, и Волошин задавал вопросы эксперту в течение двух часов.

Ткаченко настаивал на том, что версия событий, представленная ФСБ, ошибочна. У него не вызывало сомнений, что бомба, подложенная в подвал дома № 14/16 по улице Новоселов, была настоящей. Взрывное устройство, в том числе часовой механизм, источник питания и взрыватели были боевыми, явно изготовлены специалистом. Газовый анализатор, предназначенный для исследования выделяемых паров, четко показывал наличие гексогена.

Волошин спросил у Ткаченко, мог ли газовый анализатор дать неправильные показания, на что Ткаченко ответил, что это исключено. Качество таких анализаторов соответствует мировому классу. Каждый из них стоил 20 000 долларов и находился под контролем специалиста, который в соответствии со строгим графиком проверял приборы после каждого применения и производил частые профилактические проверки. Это необходимо, так как устройство содержит источник повышенной радиации. Ткаченко также подчеркнул, что тщательный контроль за состоянием газового анализатора нужен еще и потому, что от его надежности зависит жизнь самих саперов. Что же касается утверждения Здановича о том, что газовый анализатор якобы не промыли спиртом, то Ткаченко заявил, что спирт никогда не применяется для очистки газового анализатора. В ответ на заявление Здановича, что у Ткаченко остались следы гексогена на руках после того, как он имел дело с этим взрывчатым веществом неделю назад, Ткаченко сказал, что в течение той недели он много раз мыл руки.

В последующие несколько дней, находясь в Рязани, Волошин расспрашивал милиционеров, которые выехали на место происшествия по звонку Картофельникова. Они также настаивали на том, что данный инцидент не был тренировочным учением, да и по внешнему виду вещества, находившегося в мешках, было ясно, что это не сахар.

На основании этих и других интервью Волошин опубликовал статью в «Новой газете» от 14–20 февраля под заголовком «Что было в Рязани: сахар или гексоген?». Кроме изложения мнения Ткаченко и других присутствовавших на месте происшествия, в статье высказывалось предположение, что для разрешения сомнений ФСБ должна опубликовать отчет о тренировочных учениях и обеспечить журналистам доступ к материалам и к тем людям, которые установили бомбу в подвале.

Статья вызвала многочисленные споры среди населения, но правительство и российская пресса почти никак не отреагировали на нее. ФСБ РФ приказала Юрию Блудову, начальнику пресс-службы рязанской ФСБ, не комментировать события, имевшие место в сентябре 1999 года, а также издала аналогичные указы для рязанской милиции и работников спасательной службы.

В один прекрасный день, после публикации статьи, Волошину позвонила в офис «Новой газеты» какая-то женщина и сообщила, что у нее есть информация для него относительно событий в Рязани. Волошин с одним из коллег встретился с ней на станции метро «Библиотека им. В. И. Ленина». Женщине было 45 лет, и она преподавала в одном из московских вузов. Она сообщила, что подруга одной из ее студенток познакомилась с солдатом, который похвастался, что охраняет мешки с гексогеном. Солдата звали Алексей Пиняев, и он служил под Москвой, в Нарофоминске.

Волошин решил разыскать Пиняева. Через несколько дней после встречи с той женщиной он подъехал на машине к военной базе в Нарофоминске. Вход туда усиленно охранялся, но Волошину удалось проникнуть на базу через дыру в заборе. Он отправился в административное здание, нашел учетный стол и выяснил там, где разыскать Пиняева, объяснив, что он друг его родственников. Не задавая никаких вопросов, секретарь направил его в часть, где служил Пиняев, а когда Волошин вошел в здание части, солдаты указали ему на Пиняева, который только что кончил ремонтировать бензобак и был весь вымазан в горючем. Волошин объяснил ему, зачем он хотел его увидеть, и дал пачку сигарет. Затем они пошли в солдатское кафе, где Пиняев со всеми подробностями рассказал ему свою историю.

Из его рассказа Волошин узнал, что осенью 1999 года Пиняев был направлен из базы в Московской области на базу 137-го Рязанского парашютно-десантного полка, в 32 километрах от Рязани, где проводилась подготовка десантников для войны в Чечне. По прошествии некоторого времени учебной стрельбы и прыжков с парашютом ему поручили охранять товарный склад, где предположительно хранилось оружие и боеприпасы. Охранная служба была скучной и утомительной, и Пиняев с другим солдатом решили посмотреть, что же находится внутри этого склада. Они открыли металлическую дверь и увидели вместо оружия огромную кучу 50-килограммовых холщовых мешков, на которых было написано «Сахар».

Пиняев и его сослуживец были озадачены: зачем их поставили охранять мешки с сахаром, но, не желая уходить ни с чем, они потыкали штыком в один из мешков и отсыпали немного хранившегося там вещества в полиэтиленовый пакет.

Через какое-то время они насыпали содержимое пакета в чай. Вкус у чая был отвратительный, и они испугались, что выпили какой-то нитрат. Отнесли полиэтиленовый пакет к своему командиру, который вызвал эксперта по взрывчатым веществам. Эксперт проверил содержимое пакета и сообщил командиру, что в нем находится гексоген.

Почти сразу же, продолжал Пиняев, из Москвы прибыла группа сотрудников ФСБ, и его вместе со вторым солдатом освободили от обычных обязанностей и стали регулярно вызывать на допрос. К изумлению Пиняева, его с товарищем бранили не за то, что они украли сахар, а за «разглашение государственной тайны». Сослуживцы посоветовали им готовиться к длительному тюремному заключению. Но в конце концов дело было закрыто, и офицеры ФСБ посоветовали Пиняеву и второму солдату забыть о складе и «особом сахаре».

Между тем, рязанские специалисты говорили, что взрывчатые вещества не упаковываются и не перевозятся в 50-килограммовых мешках, потому что это слишком опасно. Чтобы взорвать небольшой дом, требуется всего около 500 г найденного типа взрывчатки. 50-килограммовые мешки со взрывчаткой типа гексогена нужны только для террористических актов. Поэтому кажется вполне логичным, что три мешка, помещенных под основные опоры здания в Рязани, поступили со склада, охраняемого Пиняевым.

Вскоре после случая с «мешками с сахаром» Пиняева переправили в Чечню, где бронетранспортер переехал ему ногу. Несчастный случай произошел в глубокой грязи, поэтому Пиняев не лишился ноги. После этого его направили в Нарофоминск на лечение, где он продолжил службу, выйдя из госпиталя.

История Пиняева была рассказана в выпуске «Новой газеты» за 13 марта под заголовком «Гексоген. ФСБ. Рязань». Дополнительные сведения увеличили вероятность того, что ФСБ преднамеренно хотела взорвать дом № 14/16 по улице Новоселов. Впервые в статье говорилось не только о том, что газовый анализатор обнаружил гексоген в мешках, подложенных в подвал здания (или что детонатор бомбы был настоящий), но и о том, что во время проведения рязанских «тренировочных учений» большое количество гексогена держали под охраной на складе военной базы в 32 километрах от Рязани в холщовых мешках с надписью «Сахар».

Волошин давал подробные интервью российским газетам и зарубежным корреспондентам. Тем временем группа депутатов предложила послать письмо Генеральному прокурору с просьбой ответить на вопросы относительно инцидента в Рязани, затронутые в статьях «Новой газеты»: «Проводился ли какой-нибудь анализ вещества?» и «Кто дал приказ проводить эти «тренировочные учения»?». 197 депутатов Думы проголосовали за предложение и 137 — против, а для утверждения этого предложения требовалось 226 голосов — абсолютное большинство; настроенная в пользу Кремля партия «Единство» единодушно проголосовала против.

Но сомнения, посеянные статьями «Новой газеты», получили такую широкую огласку, что руководство ФСБ согласилось принять участие в телепередаче, посвященной этому инциденту, на которой присутствовали жители дома № 14/16 по улице Новоселов. В передаче Николаева на НТВ со стороны ФСБ участвовали Зданович, Сергеев и Станислав Воронов, первый заместитель начальника следственного управления ФСБ. Также присутствовали депутат Думы Юрий Щекочихин, бывший генерал КГБ Олег Калугин и Евгений Севастьянов, бывший начальник московского управления ФСБ, а также жители дома № 14/16 по улице Новоселов, следователи, независимые эксперты, юристы, защитники прав человека и психологи.

Во время этой передачи Николаев изо всех сил избегал параллелей с терактами в Москве, Буйнакске и Волгодонске. Когда один из участников поднял эту тему, он заявил: «Мы не будем это обсуждать» — и выключил микрофон. Позже Волошину сказали, что по настоянию ФСБ, как условие ее участия в программе, все дискуссии о других терактах должны быть исключены. Николаев пригласил жителей дома, чтобы они задавали вопросы представителям ФСБ. Пожилой усатый мужчина в красной рубашке сказал:

— Это были не учения. Учения длятся всего несколько часов. Нам не разрешали вернуться в квартиры. На следующее утро нам разрешили вернуться, только чтобы переодеться, но не разрешили умываться и бриться. Больных людей оставляли в их квартирах.

Микрофон передали Здановичу, который ответил на этот вопрос:

— Это были учения. Реальной опасности не было. Позже я извинился перед жителями дома за причиненные неудобства, и Патрушев сделал то же самое. Мы можем доказать, что это планировалось заранее.

Жители дома спросили, где те люди, которые подложили мешки в подвал здания.

Зданович ответил:

— У нас работают тайные агенты, и мы не показываем их. В настоящее время начато судебное разбирательство по поводу этих учений. Если это будет необходимо в ходе расследования, они появятся. Но на данный момент мы можем разрешить, чтобы их сняли на пленку только со спины.

— В чем причина усиления внимания к данному инциденту? — спросил Николаев.

— В течение нескольких месяцев, — сказал Зданович, — не было особого интереса и публикаций. Эту тему стали опять обсуждать с самыми странными подробностями в канун президентских выборов, чтобы обвинить ФСБ в планировании взрыва, влекущего смерть людей. Такое часто используется в политической борьбе.

Седовласый мужчина спросил:

— Кто дал вам право проводить эти учения и издеваться над людьми?

Мы проводим предупредительные учения с целью тренировки захвата самолетов, — ответил Зданович. — Такие учения проводятся с нарушением прав людей. Они проводились и будут проводиться. Насколько нарушаются права граждан, когда психически неуравновешенный человек делает анонимный звонок? Нам приходится эвакуировать здания, больницы, заводы, магазины. Это также нарушает права граждан, но защищает самое важное право, право на жизнь.

Севастьянов, принимавший участие в передаче как независимый эксперт, сказал:

— Жители здания не должны были вовлекаться в эти учения. Мы проводим предупредительные учения, но без людей в самолетах.

Затем Николаев спросил Рафаэля Гилманова, независимого эксперта по взрывам, можно ли перепутать сахар с гексогеном.

— Никто из тех, кто видел гексоген, никогда не перепутает его с сахаром, — ответил Гилманов.

— Вы допускаете, что газовый анализатор может дать неправильные показания? — спросил Николаев.

— Нет.

Затем Николаев спросил, как получилось, что Сергеев по ошибке принял поддельную бомбу за настоящую.

— Генерал Сергеев, — объяснил Зданович, — не является экспертом в вопросах взрывных устройств.

Однако Сергеев говорил лишь то, что сказал ему Ткаченко, который разминировал взрывное устройство. Поэтому Зданович предположил, что саперы были некомпетентны.

Эксперт из ФСБ утверждал, что первый анализ был произведен неправильно: небольшое количество гексогена, которое было на крышке чемодана, принесенного на место происшествия одним из саперов, попало на лакмусовую бумажку, используемую для тестирования содержания мешков, в результате чего появились данные о наличии гексогена.

В конце концов микрофон передали полковнику Чурилову, начальнику базы, где были обнаружены мешки с гексогеном. Он

сказал, что не было никакого солдата Алексея Пиняева.

Тогда Николаев обратился к Павлу Волошину, который находился в зале. Волошин дал послушать аудиозапись своего интервью с Пиняевым и показал присутствующим фотографии солдата. После завершения первой части передачи стало ясно, как жителям дома № 14/16 по улице Новоселов, которые находились в зале, так и телезрителям всей страны, что ФСБ лживо описывает проведение «тренировочных учений». Дискуссия проводилась с целью прикрытия.

Севастьянов сказал, что он готов поверить, что ФСБ устроила тренировочные учения для испытания «бдительности» населения, но был обеспокоен тем фактом, что МВД, отвечающее за борьбу с терроризмом, информировали об этих учениях только через два дня после того, как они произошли.

— Почему же это произошло с таким опозданием? — спросил он.

— Вы не должны забывать, — сказал Зданович, — что действия разворачивались поздно вечером и продолжались на следующее утро. Нам нужно было время, чтобы изучить всю последовательность действий и произвести поиски террористов. Вот почему операция проводилась из центра, а МВД и рязанская ФСБ не были информированы.

— Действительная причина, — сказал мужчина из зала, — в том, что ФСБ нужно было два дня, чтобы выдумать подходящее объяснение.

— Работники ФСБ, организовавшие такие учения, являются преступниками, — сказал другой житель дома. — Это чудовищный, безнравственный эксперимент. Даже если это был сахар, что весьма сомнительно, они все равно преступники.

Николаев затем поднял вопрос о законности предполагаемых «тренировочных учений».

Адвокат Павел Астахов от имени группы жителей дома, которые собирались возбудить судебное дело, сказал, что закон об оперативных следственных действиях, где речь идет о проведении военных учений, не давал ФСБ права подкладывать бомбу в жилое здание и подвергать опасности жизни и здоровье людей. Более того, в статье 5 данного закона подробно говорится о необходимости соблюдения прав граждан во время проведения учений. В этом отношении инцидент в Рязани выходит за рамки российских законов.

Военнослужащий из зала добавил, что обстоятельства данных учений были чрезвычайно подозрительными и организация военных учений всегда сопровождается подготовкой машин «скорой помощи», лекарств, повязок, а также теплой одежды, даже более ответственные учения, если они касаются гражданского населения, всегда согласуются с местными властями и связанными с этим организациями. В данном случае ничего не было согласовано и подготовлено.

Затем Николаев спросил, по какой причине продолжается расследование инцидента.

— ФСБ обязана расследовать акты терроризма, — сказал Астахов. — Но в данном случае прокурор может закрыть дело. Если бы в тех мешках был сахар, дело было бы закрыто давным-давно.

Зданович пытался отклонить обвинения, выдвинутые против ФСБ.

— Мы готовы для дискуссии, — сказал он. — Именно поэтому мы здесь. Данные учения были направлены на охрану безопасности жителей. Мы делали это потому, что у нас не было выбора. Наши действия никогда не были направлены против интересов людей.

После окончания передачи, когда жители Рязани и сотрудники ФСБ выходили из зала, стало очевидно, что ФСБ потерпела серьезное поражение. Чины ФСБ осознавали это, что было видно по их угрюмым лицам. Зданович, Воронов и группа других сотрудников ФСБ подошли к Волошину у контрольно-пропускного пункта и сказали ему: «Вы работаете на Запад. Готовьтесь к неприятностям».

Трансляция этой встречи по НТВ, независимому российскому телевизионному каналу, 23 марта, за неделю до президентских выборов, имела огромный эффект. Люди были потрясены неумелыми попытками представителей ФСБ защитить действия своей организации, и программа создавала впечатление, что инцидент в Рязани был больше похож не на военные учения, а на неудавшуюся провокацию.

Но однажды утром в сентябре 2000 года НТВ получил коллективное письмо от жителей дома № 4/16 по улице Новоселов в Рязани, адресованное Николаеву. Программа «Рязанский сахар — тест, проведенный секретными службами, или Неудавшаяся бомба» была показана шесть месяцев назад и до сих пор вызывает споры. Пропрезидентский телевизионный канал ОРТ обвинил НТВ в организации предвыборной провокации, и, по предварительным оценкам, передача уменьшила шансы на победу президента Путина на президентских выборах на несколько процентов.

Данная передача была номинирована на высокую журналистскую награду, и появление письма, по-видимому, было связано с этой номинацией. В первом абзаце письма говорилось: «Мы, жители Рязани, проживающие в доме № 14/16 по улице Новоселов, решили выразить наш протест по поводу телевизионных передач, проводимых под вашим руководством, в которых снова и снова речь идет о прошлогодних событиях, связанных с учениями, проводимыми ФСБ».

Далее в письме жители дома выражали благодарность ФСБ, которую они не знали, как выразить раньше. «Мы всем сердцем

благодарны руководству ФСБ Рязанской области, которая с такой человечностью реагировала на все наши просьбы, оказывая помощь в ремонте и обновлении нашего дома… Мы заявляем вам со всей ответственностью, что все сотрудники ФСБ спасают заложников и каждую секунду рискуют своей жизнью в борьбе с террористами в городах России».

Заключение было написано в таком духе, что оставалось мало сомнений в том, на кого оно рассчитано. «Мы сообщаем вам, что копия этого письма будет направлена министру печати и информации и главе Администрации Президента».

Когда это письмо показали Николаеву, он был поражен. Все в нем отличалось от сказанного жителями дома раньше.

Поначалу показалось, что появилась еще одна тайна в этой истории, которая была зловещей с самого начала. Однако при тщательном изучении письма было установлено, что большинство подписей находилось на обратной стороне листа. Когда журналисты задали жителям дома вопрос об их подписях, они ответили, что никогда не расписывались под письмом, обвиняющим НТВ. Было установлено, что подписи собрал житель этого здания Виктор Кузнецов, бывший милиционер, который раньше выполнял мелкие задания ФСБ. Те подписи, которые Кузнецову не удалось собрать, он просто подделал.

Дом № 14/16 по улице Новоселов явился странным выбором для проверки бдительности, потому что в здании находился круглосуточно работающий гастроном и жители дома запросто могли подумать, что кто-то разгружает мешки с сахаром для магазина. В то же время эффект от тренировочных учений был бы минимальным, потому что дом находился на окраине города.

Однако здание очень хорошо подходило в качестве цели террористического нападения, особенно если цель его заключалась в уничтожении большого количества человеческих жизней. Взорванные здания в Буйнакске, Москве и Волгодонске тоже находились в окраинных рабочих районах. Это было еще одним признаком того, что «учения» в Рязани планировали те же самые люди, которые совершали предыдущие теракты.

Как и здание в Москве на Каширском шоссе, дом № 14/16 по улице Новоселов стандартной планировки был выстроен из кирпича. В случае взрыва он быстро разрушился, а значит, едва ли у кого-нибудь был бы шанс выжить. Более того, поскольку дом стоит на возвышении, он бы лавиной обрушился на соседнее здание, и, принимая во внимание неустойчивый песчаный грунт в данном месте, оба здания определенно развалились бы. Перед лицом рязанской трагедии померкли бы все остальные.

Поскольку те, кто подложил бомбу, равно как и все вещественные улики — мешки и взрывное устройство, находятся в распоряжении ФСБ, бесспорные факты с большим трудом поддаются обоснованию. Тем не менее таинственные тренировочные учения в Рязани едва ли будут забыты. Если бомба, подложенная ФСБ в подвале дома № 14/16 по улице Новоселов, была настоящей и могла уничтожить 250 человек, то кажется вполне правдоподобным и то, что террористические акты, имевшие место в Москве, Волгодонске и Буйнакске, во время которых погибли сотни человек, были также делом рук ФСБ.

…Через три дня после передачи НТВ о событиях в Рязани Владимир Путин, бывший руководитель ФСБ, был избран Президентом России. Тайна этих событий висит, как пелена, над Россией и над всем российским периодом реформ.

Трагедия «Курска»

В субботу, 12 августа 2000 года, при неярком дневном свете полярного лета, с развевающимися вымпелами, среди оглушительного грохота взрывающихся ракет и торпед, атомная подводная лодка «Курск» заняла свою позицию, чтобы принять участие в крупнейших морских учениях за всю историю российского Северного флота. Район, где проходили эти учения, в 130 милях к северо-востоку от Мурманска в Баренцевом море, имеет огромное стратегическое значение для России. Здесь расположена база Северного флота — наиболее боеспособной части российских ВМС, и его ключевая позиция позволяет России бросить вызов Западу и укрепить статус России как великой державы.

«Курск» — одна из восьми действующих подводных лодок класса «Антей» — являлся гордостью российского Северного флота. В случае войны его задача — разорвать связь стран НАТО через моря Атлантического океана. Его реактивные снаряды «Гранит» были способны уничтожить целую группу авианосцев или транспортный конвой США и, согласно данным российских морских источников, были снабжены ядерными боеголовками, ударная сила которых была эквивалентна 500 000 тоннам тротила, что достаточно для того, чтобы сравнять с землей Лос— Анджелес или Нью-Йорк. Задача «Курска» заключалась в том, чтобы продемонстрировать две главные его возможности: уничтожать авианосцы и ликвидировать подводные лодки. Сначала «Курск» применил свое главное оружие, ракету «Гранит», (кодовое название в странах НАТО «Shipwreck»), с обычной боеголовкой весом 726 килограммов, которая осуществила прямое попадание в корпус старого российского корабля, стоявшего на расстоянии более 200 миль.

Затем «Курск» подготовился вести огонь торпедами «SS-N-16», (кодовое название «Сталион») по муляжу подводной лодки. «Сталион», совершенно секретное оружие, приводилось в действие ракетным ускорителем, который воспламеняется под водой. Когда торпеда оказывалась на определенном расстоянии от подводной лодки, ракетный ускоритель поднимал ее на поверхность воды, и она попадала в цель наподобие ракеты. Снаряды «Сталион», которыми должен был стрелять «Курск», снабжены боеголовкой весом 220 тонн.

Но после запуска «Сталиона» случилось непоправимое. Ракетный двигатель торпеды взорвался, пламя от взрыва за несколько секунд расплавило металлический корпус торпеды. После этого взорвалась боеголовка, пробив дыру в армированном корпусе «Курска». Ледяная вода залила корабль, но не погасила пламя, поскольку ракетный ускоритель был предназначен для горения без доступа воздуха. Горящие части ускорителя попали в первый оружейный отсек. Подводная лодка резко пошла вниз, и менее чем через две минуты произошел второй сильнейший взрыв резервных торпед и крылатых ракет внутри торпедного отсека. В результате взрыва субмарина накренилась на правый борт и пошла ко дну. Вслед за ударной волной поток воды хлынул в отсек управления, в результате чего вышли из строя система электроснабжения, компьютеры и мониторы, составлявшие основу управления гигантского корабля. Отсеки, примыкающие к атомному реактору, были мгновенно затоплены, не оставляя морякам пути к спасению.

Вначале командование флота предположило, что взрывы силой 1,5 и 3,5 балла по шкале Рихтера произошли по вине ракеты и торпеды, которые были запущены с «Курска», но когда попытки установить радиосвязь с подводной лодкой потерпели неудачу, был дан сигнал тревоги и начались массированные поиски. В результате в 4.35 в воскресенье, 13 августа «Курск» был обнаружен на дне моря на глубине 100,5 метра. В 7.00 об этом сообщили президенту Владимиру Путину, который в это время находился на отдыхе в Сочи. Военно-морские силы начали операцию по спасению команды.

В воскресенье российские власти хранили молчание о пропавшей подводной лодке. В понедельник, 14 августа, в официальной российской прессе появились первые сообщения о катастрофе. В них говорилось, что в воскресенье на лодке возникли неполадки и «Курск» был вынужден «оставаться на морском дне». Некоторое время спустя было объявлено, что установлена связь с экипажем лодки, «Курск» снабжается электричеством и свежим воздухом и все члены команды живы. Все эти заявления, как показали последующие события, были неправдой.

В период «холодной войны» Советский Союз организовал службу спасения, которая, как предполагалось, ничем не уступала аналогичным службам НАТО. В 1991 году российские водолазы спасали людей на глубине 300 метров, за что были награждены звездами Героев России. Однако после распада Советского Союза служба спасения была расформирована. К 2000 году в российском морском флоте не было водолазов и его мини-субмаринам, которые издавна использовались главным образом для разведывательных целей, не хватало обученных спасателей. В случае с «Курском» российские власти оправдывали решение обойтись без действующей спасательной службы, утверждая, что подводная лодка непотопляема.

В тихом провинциальном городе Курске 14 августа, в понедельник, текла спокойная размеренная летняя жизнь. На улицах было мало народу, многие заводы не работали.

Город, прославившийся во время битвы на Курской дуге, ставшей поворотным пунктом во время Второй мировой войны, расположен на холмах и окружен полями пшеницы, ржи и подсолнечника. С распадом Советского Союза Курск оказался лишь в ста километрах от независимой Украины, но сохранял патриотическую общность с Россией и гордился тем, что его имя было присвоено самой современной российской атомной подводной лодке.

Валентина Старосельцева, сын которой, Дмитрий, был моряком на «Курске», сидела за своим столом в медицинской части шарикоподшипникового завода, где она работала физиотерапевтом. Но вместо того чтобы проводить обследование пациентов, она упаковывала посылку для сына. Она положила туда печенье, конфеты, ручки, одноразовые бритвы, бумагу и тетради — словом, все, чего так не хватало в Видяево, где находился Дима.

В три часа дня по телевизору передавали выпуск новостей. Валентина не обратила на него внимания. Внезапно она поняла, что диктор говорит о несчастном случае на борту «Курска». Валентина отложила посылку и стала слушать внимательнее. Дима ранее написал ей, что через три дня уходит в море. Она поняла, что с «Курском» произошло несчастье и ее сын находится на корабле.

В тот вечер во всех российских телевизионных выпусках новостей преобладала тема «Курска». Каждый час информационные службы передавали новые данные. Вскоре пресс-службы сообщили, что радиосвязь с кораблем прервалась и единственным признаком жизни был стук, исходящий изнутри корабля. Также давались разные цифры о количестве людей на борту: вначале от 107 до 130, затем 116 или 117 и, наконец, 118. Такие изменения заставляли предполагать, что официальные власти пытались скрыть присутствие гражданских специалистов на борту.

Когда армада российских кораблей собралась на месте происшествия в Баренцевом море, две спасательные бригады производили неоднократные погружения, но не могли добраться до борта «Курска». Сообщалось о сильном шторме в этом районе и о том, что спасательная команда не могла приблизиться к «Курску» вследствие того, что он затонул под острым углом, кроме того, сильное подводное течение, плохая видимость (всего 2 метра) и поднятый со дна ил мешали работе спасательной команды.

Великобритания, Норвегия и Соединенные Штаты предложили свою помощь в спасении моряков. И в Великобритании, и в Норвегии есть хорошо обученные водолазы; Великобритания, кроме того, предложила свою мини-субмарину «LR-5», способную сопротивляться подводным течениям и оборудованную специальным соединительным тросом, позволяющим зацепиться за люк подводной лодки независимо от ее наклона. Однако российское правительство ответило отказом на все предложения. Представитель Министерства обороны заявил, что у России есть все необходимое для спасения людей и присутствие иностранных кораблей лишь внесет путаницу в ход операции, да и технические параметры спасательных кораблей НАТО не совпадают с параметрами российской подводной лодки.

Морские службы начали также высказывать предположения, что причиной аварии стало столкновение с иностранной подводной лодкой. Такое предположение было опровергнуто Соединенными Штатами и Великобританией, единственными державами, чьи подводные лодки находились в данном районе, но российское верховное командование беспрестанно повторяло это, до некоторой степени отвлекая внимание от вопросов о некомпетентности командования.

Старосельцева сидела дома с друзьями. Она не могла ни есть, ни спать. Слушать официальную информацию не имело смысла. Что значит: лодка «лежит на дне»? Она затонула или просто отдыхает там? Если работа спасательной бригады продвигается «удовлетворительно», то почему люди до сих пор заперты в корабле? И почему власти отказываются принимать помощь других государств? Непрерывно звонил телефон. Мать и отчим Алексея Некрасова, друга Димы, который служил вместе с ним на «Курске», звонили из деревни, где они жили, в 50 километрах от Курска. Отчим Алексея, Владимир Шаляпин, в прошлом подводник, сказал Валентине, что на основании поступающей информации можно предположить, что их сыновья живы. Старосельцевой также позвонила Валентина Будикина, председатель местного Комитета солдатских матерей, и сообщила, что ей удалось связаться с верховным командованием Военно-морского флота и что для родственников команды «Курска» организуется поездка в Видяево.

Днем 15 августа, во вторник, число кораблей на месте происшествия увеличилось с пятнадцати до двадцати двух. Здесь находился «Михаил Рудницкий», который доставил на своем борту две мини-субмарины, «Приц» и «Бестер». Однако вскоре стало ясно, что усилия по спасению лодки фактически ни к чему не привели. Мини-субмарины снова и снова погружались в воду, но не могли зацепить крышку люка «Курска». Морские службы заявляли, что спасательные суда испытывают трудности в подстыковке к «Курску» из-за сильного повреждения стыковочного шпангоута вокруг люка, но они продолжают слышать стук внутри подводной лодки. В то же самое время водолазная служба сделала первые фотографии «Курска». По ним было видно, что весь носовой отсек снесен, как будто отрублен гильотиной. Теперь стало ясно, что если на «Курске» кто-то и уцелел, они должны были находиться в задних отсеках лодки, расположенных дальше всего от взрыва. Но даже там морякам угрожали затопление ледяной водой и быстрое уменьшение запасов воздуха.

Весь ужас создавшейся ситуации обрисовали военные врачи, интервью которых было опубликовано в прессе. Валерий Матлин, военно-морской врач из Владивостока, принимавший участие во многих спасательных операциях, писал: основными проблемами являлись холод, отсутствие света, возможно, пищи и избыточное давление воздуха, которое вызывает онемение конечностей… но при такой низкой температуре это практически незаметно и приписывается действию холода. Если система очистки воздуха вышла из строя, в нем может быть избыток углекислого газа и в связи с этим — понижение двигательных функций, сонливость и повышенное потоотделение, в результате чего моряков бросает из жара в холод. Кроме того, замедление метаболизма нарушает функцию кишечника, что вызывает запоры и резкую боль в животе.

Но самое страшное — это ослабление сопротивляемости организма и полное непонимание происходящего. Ребята совершенно не осознают своего положения. Они находятся в состоянии эйфории и уходят из жизни, не отдавая себе в этом отчета.

Октай Ибрагимов, главный психиатр Тихоокеанского флота, отмечал: «Данная ситуация усугубляется низкой температурой, при которой ускоряется процесс нарушения душевного равновесия… Конечно, на них оказывает воздействие отсутствие света; люди не знают, сколько часов они провели в подводном плену. Судя по всему, моряки «Курска» совершенно дезориентированы во времени. Но, несмотря ни на что, я сомневаюсь в том, что на борту возник массовый психоз: вероятно, там очень сильные личности».

Во вторник вечером военно-морские службы впервые признали возможность фатального исхода. Командующий флотом Владимир Куроедов сказал, что, принимая во внимание катастрофическое разрушение носового отсека субмарины, некоторые моряки, несомненно, погибли. Он заявил, что будут предприняты усилия для спасения тех, кому удалось выжить, но выразил сомнение, явившееся резким контрастом по отношению к высказываемым ранее оптимистичным утверждениям: «Боюсь, что надежда на спасение моряков невелика». Отвечая на вопросы журналистов, Куроедов говорил, что многое зависит от ситуации внутри подводной лодки, но он будет сохранять надежду до 18 августа.

Случившееся потрясло обыкновенных россиян, которые отождествляли себя с моряками, запертыми в железном гробу на морском дне. Тысячи людей шли в церковь, зажигали свечи и молились за спасение моряков. Со всех концов страны стекались денежные пожертвования в фонд помощи семьям команды «Курска». Среди них были даже пожертвования от бедных пенсионеров, некоторые из них могли внести не более пяти рублей.

В кабинете Комитета солдатских матерей Курска собрались родственники моряков с чемоданами и сумками с едой, готовые ехать на Север. Можно было видеть сцены страдания и замешательства. Первые несколько дней многие родственники моряков верили властям, но по мере того как проходили драгоценные часы и становилось очевидным заблуждение, в которое власти вводили людей, их страх постоянно нарастал.

В атмосфере растущего отчаяния члены семей моряков стали открыто высказывать властям свои подозрения. Многие не могли понять, почему Путин продолжает свой отдых в Сочи, а не летит в Видяево. Также вызывали подозрение непрерывные отказы властей принять иностранную помощь. Некоторые начали открыто высказываться, что действительная причина, по которой власти отказывались от помощи иностранных государств, заключалась в том, что они боялись разглашать военные секреты, даже если это стоило жизни морякам.

На месте катастрофы непрерывно продолжали свои погружения спасательные суда и мини-субмарины, но они не могли добраться до «Курска». Военно-морские службы, однако, сообщали, что с субмариной поддерживается «контакт» и спасательные операции проводятся «согласно плану».

Помогая Будикиной организовать поездку в Комитет солдатских матерей, Валентина слушала выпуски новостей по радио и телевидению. Из непрерывно идущих сообщений было ясно, что внимание всего мира приковано к драме находившихся в заточении моряков. В Соединенных Штатах сообщения о «Курске» явно диссонировали с положениями Национальной демократической конвенции, поэтому представитель Государственного департамента заявил: «Нас очень беспокоит судьба экипажа подводной лодки, и мы надеемся, что операция по его спасению пройдет успешно». Во всех странах Западной Европы передачи всех телевизионных каналов начинались и заканчивались сообщениями о «Курске». Лондонская газета «Таймс» писала: «Кошмар — это слово лучше всего подходит для описания состояния в данный момент моряков на борту подводной лодки «Курск». Аварийные огни горят в темноте, трудно дышать, пронизывающий холод и леденящий душу страх. Моряков поддерживает лишь надежда на спасение и вера в то, что они любой ценой должны продержаться и дождаться спасения».

Наконец в среду вечером, 16 августа, появились признаки того, что международная реакция на несчастье возымела действие. В телевизионных новостях сообщили, что после звонка президента Клинтона Путин приказал военно-морскому командованию принять помощь из любого источника. Услышав это, Валентина вздохнула с облегчением. Она была убеждена, что судьба ее сына находится в руках не России, а Великобритании и Норвегии.

В четверг, 17 августа, в 16.30 Валентина с дочерью Инной вместе с другими 14 родственниками членов команды «Курска» сели в Курске на поезд Симферополь — Мурманск. Они хотели ехать все вместе, и к поезду был прицеплен дополнительный вагон. Родственников провожала большая группа репортеров и друзей. Но по мере того как поезд удалялся на север через сердце России, родственники уходили в себя и почти не разговаривали друг с другом. Наступила ночь, и только станционные огни деревень мерцали в темноте. Валентина спросила Шаляпина, каковы, по его мнению, шансы их детей на спасение. Он на мгновение заколебался и ответил: «Пятьдесят на пятьдесят». В 0.30 поезд прибыл в Москву, но никто не вышел из него, чтобы купить минеральной воды или покурить на платформе. В последнем вагоне было совершенно темно. На следующее утро поезд сделал остановку в Петрозаводске, где на платформе стояла толпа сочувствующих. Они принесли еду — кастрюлю с горячей вареной картошкой — и выкрикивали слова ободрения.

С этого момента сочувствующие встречали поезд на каждой станции, предлагая родственникам продукты, деньги и слова поддержки. Но такие проявления чувств почти не меняли настроения пассажиров, которые были погружены в себя и находились как будто в тумане. Проводница потом рассказывала репортерам, что в их присутствии у нее поднималось давление и болело сердце.

На вторую ночь поезд миновал лесную зону, пересек Полярный круг и мчался меж голых холмов, утыканных карликовыми соснами. Надежда Шаляпина показала Валентине номер «Комсомольской правды» с фотографиями их сыновей, который она купила, перед тем как сесть на поезд в Курске. «Вот мой сын, а рядом с ним его друг Дима, — произнесла она. — Я думаю, наши ребята не сидят сложа руки. Они делают все, чтобы выжить. Я верю, что мой сын выживет». Валентина согласилась с ней, потом закрыла глаза и попыталась отдохнуть. Через два часа поезд прибыл в Мурманск.

Тем временем норвежские корабли «Морской орел» с норвежскими водолазами на борту и «Нормандский пионер», на борту которого находилась британская мини-субмарина «LR-5», направлялись в Баренцево море. Норвежские водолазы собирались подготовить «Курск» к прибытию «LR-5», который затем должен был присоединиться к российской подводной лодке.

Когда родственники моряков сошли с поезда в Мурманске, их встретила военно-морская охрана и проводила в автобус, который отвез их в гостиницу в Видяево. В Видяево море было спокойным. Одна из матерей заметила, что единственное, что Бог подарил им, это хорошую солнечную погоду.

В тот вечер Валентина пошла в церковь и помолилась за жизнь своего сына. Члены семей прибывали со всех концов страны, надежда у них оставалась только на норвежцев, которые, по данным радио— и телевизионных сообщений, то ли уже начали, то ли собирались начать спасательные операции. На службе присутствовало около 30 родственников членов экипажа. Некоторые из них были в церкви впервые за всю свою жизнь. Священник, отец Аристарх, сказал: «Возможно, некоторые члены экипажа уже мертвы, а некоторые живы. Мы будем молиться за тех, кто остался жив».

После службы Валентина и Инна вернулись в гостиницу и слушали по телевизору последние известия. Михаил Моцак, главнокомандующий Северным флотом, сказал, что оставалась надежда найти уцелевших моряков в 7, 8-м и 9-м отсеках. Однако Валентина больше не верила ни во что. Прошло уже семь дней с тех пор, как «Курск» затонул, и четыре дня с тех пор, как был слышен последний стук изнутри корабля. Слишком сложно было поверить в то, что моряки еще живы. Когда они с Инной пошли в свою комнату, Валентина сказала: «Дима мертв. Бесполезно продолжать обманывать себя». Проговорив это, она разрыдалась…

«Морской орел» и «Нормандский пионер» по пути в Баренцево море достигли мыса Нордкап в Норвегии. Для облегчения работы водолазов норвежские специалисты попросили у России выслать им информацию о подводных течениях и о том, под каким углом лежит субмарина, а также схемы расположения внутренних и внешних люков. Но вместо официальных чертежей им были переданы рисунки от руки и записи, от которых было мало пользы. Когда норвежцы пожаловались на то, что рисунки неподходящие, и попросили российскую сторону немедленно выслать морскую команду, которая смогла бы объяснить систему управления «Курском» специалистам на норвежской базе в Вардно, российская сторона заявила, что консультации будут проводиться на месте после прибытия кораблей. В конце концов, она послала команду в Вардно, но данная ею информация, хоть и более подробная, была неточной.

В субботу, 19 августа, когда прошла уже целая неделя после взрыва, два норвежских корабля достигли пункта в 20 милях от места происшествия, где были остановлены российскими военно-морскими силами. Об этом сообщили адмиралу Эйнару Скоргену, командующему вооруженными силами Северной Норвегии, который позвонил адмиралу Владиславу Попову, главнокомандующему Северным флотом, и спросил его о том, что происходит. Попов объяснил, что российские специалисты хотят сделать последнюю попытку спасти моряков своими силами. Шокированный и потрясенный, Скорген заявил, что, если норвежским кораблям не позволят немедленно продолжать свой путь, они вернутся домой. После этого русская сторона пропустила «Морского орла», но продолжала задерживать «Нормандского пионера». В воскресенье утром четыре норвежских водолаза спустились на водолазном судне к «Курску». Они увидели, что состояние корабля хорошее и что, вопреки утверждениям российских военно-морских властей, подводное течение было несильным. Позже им без труда удалось встать на поверхность подводной лодки. Водолазы установили, также вопреки утверждению официальных российских источников, что субмарина лежала не под острым углом, а была наклонена всего лишь на 10–20 %. Это упрощало задачу состыковки с люком и не создавало проблем для мини-субмарины «LR-5». Спасатели также обнаружили, что как наружный люк на корме, так и стыковочный шпангоут были совершенно не повреждены. Это означало, что в течение долгого времени сохранялись все условия для успешного спасения моряков. Начав спасательные работы, норвежские водолазы заметили многочисленные отметины на корпусе подводной лодки, в тех местах, где об нее многократно ударялись неумело маневрирующие российские спасательные суда.

Водолазы начали стучать по субмарине в районе люка и простукивали в течение получаса, надеясь получить отклик изнутри. Их стук передавался по кабелю, соединяющему их с водолазным колоколом, находящимся на «Морском орле» наверху. Когда ответа не последовало, они попытались открыть наружный люк. При этом произошла задержка, поскольку российские специалисты сообщили им, что рабочее колесо в верхней части люка нужно крутить в одну сторону, а на самом деле его нужно было поворачивать в другую. Российская сторона также дезинформировала норвежцев, каким образом нужно открывать вентиляционное отверстие.

Работа норвежских водолазов продолжалась все утро, до тех пор, пока методом проб и ошибок им не удалось открыть наружный люк. Они увидели, что шлюзовая камера, разделяющая наружный и внутренний люки, затоплена водой. Следующим шагом было вызвать LR-5, подсоединить его к субмарине и выкачать воду из пространства между люками, чтобы спасатели смогли войти в саму подводную лодку. Но перед тем как приступить к этому, надо было установить, на самом ли деле «Курск» затоплен водой. Если в задних отсеках был воздух, еще имелся шанс на спасение кого-то из моряков.

Водолазы не смогли проникнуть в шлюзовую камеру в своих громоздких костюмах, поэтому специалист на борту «Морского орла» приготовил специальный инструмент. С его помощью нижний люк удалось открыть наполовину. После этого водолазы использовали автоматическое устройство, которое помогло открыть нижний люк.

Из отсека вышел остаток газа, и спасатели увидели, что отсек полностью затоплен. Они поняли, что не было смысла вызывать LR-5, поскольку никого из команды «Курска» не было в живых.

20 августа Валентина четыре раза ходила в церковь. В гостинице морские офицеры встречались с родственниками членов команды, в каждый номер заходили врачи и спрашивали, нужна ли кому-нибудь помощь. Все знали о том, что скоро станет известно о норвежской спасательной операции, и с тревогой ждали новостей. В 18.00 передавали вечерний выпуск новостей. Все члены семей собрались у телевизоров в холле гостиницы. Диктор объявил, что у него есть важное сообщение о судьбе

«Курска». Норвежские водолазы открыли люки на корме и обнаружили, что подводная лодка затоплена. Это означало, что больше не оставалось никакой надежды на то, что кто-нибудь из членов экипажа остался в живых, и работа спасателей теперь будет прекращена.

После этого сообщения на экране появился адмирал Попов и сказал, что в силу указанных обстоятельств большинство моряков жили не более трех минут. «Мы, пытаясь спасти людей, делали все, что в наших силах… Простите меня, что я не смог защитить ваших мужчин». Члены семей залились слезами. Тамара Анненкова, мать Юрия, одного из членов команды из Курской области, потеряла сознание. Другие родственники в скорби разошлись по своим комнатам. Идя по коридору, Будикина слышала только плач. Ей казалось, что стены гостиницы почернели.

В последующие дни представители Северного флота приходили побеседовать с членами семей, как будто для того, чтобы ответить на их вопросы, но эти встречи лишь усиливали подозрение. Родственники спрашивали, как можно было проводить военные учения с участием атомных подводных лодок без надлежащего спасательного снаряжения. Они также задавали вопросы, почему власти не сразу приняли иностранную помощь. Но ни на один из них не было получено компетентного ответа. В течение недели, пока на «Курске» не были открыты люки, российское военно-морское командование неоднократно заявляло, что с подводной лодки слышны сигналы и некоторые моряки выживут до пятницы, 18 августа, или даже дольше. Некоторые должностные лица предсказывали, что кислорода на подводной лодке может хватить до 25 августа. Однако после окончания миссии спасателей официальные власти делали заявления, что все моряки погибли мгновенно, и что не было никакой реальной возможности их спасти. Илья Клебанов, первый заместитель премьер-министра, утверждал, что стук исходил не от моряков, а от разбитого снаряжения внутри подводной лодки.

Некоторые из родственников начали уезжать из Видяева, но Валентина не могла заставить себя сделать это. Ей было необходимо постоянно видеть молодых моряков в военно-морской форме, которую носил ее сын. Так она ощущала себя ближе к нему.

Во вторник, 22 августа, большая толпа родственников собралась в Доме офицеров и в 13.00 на встречу с ними прибыли Куроедов, Попов, Клебанов (на которых были возложены полномочия по расследованию данного инцидента) и Юрий Евдокимов, губернатор Мурманской области. В зале находились 215 человек, в том числе 6 беременных женщин.

Для каждого из собравшихся наиболее болезненным был вопрос о запоздалом принятии иностранной помощи. Увидев скорость, с которой норвежские водолазы открывали люки «Курска», многие родственники пришли к заключению, что, если бы норвежцев вызвали раньше, некоторых членов экипажа можно было бы спасти. В ответ на это Клебанов сказал: «Более раннее прибытие норвежских водолазов едва ли изменило бы ситуацию, потому что уже во второй половине дня 14 августа в живых, вероятно, не осталось никого из членов экипажа». Почувствовав скептическое отношение зала, Куроедов спросил:

— Вы верите, что ребята живы?

— Да, — послышался ответ.

— Вы не доверяете командующим флотом?

— Нет! — закричали ему.

— Вас и Попова нужно отдать под суд, — закричала одна из женщин. — Вы опозорили себя перед всей Россией.

Был объявлен день траура по команде «Курска», и этот жест еще больше взволновал толпу. «Объявляют день траура, и в результате прекращены все усилия по поискам. Мы даже не получили тел своих ребят». Куроедов сделал попытку ответить, но его прервали.

— Почему норвежские спасатели уезжают? Ведь они не спасли наших мужей!

— Почему вы не вызвали иностранных спасателей раньше? Чем вы занимались? Охраняли военные секреты?

— Я спасла своего сына из Чечни — отправила его во флот! Спасибо вам за то, что защитили его!

— Вы командир, который не умеет командовать. Снимите свои погоны!

— От нас все скрывают и от прессы тоже.

И, наконец, все голоса слились в едином вопле: «Не верьте ничему! Они намеренно не дают нам информацию. Они издеваются над нами!» Клебанов стоял у стены и хранил молчание, пока Куроедов пытался отвечать на вопросы. Внезапно одна из матерей приблизилась к нему, с криком схватила за галстук и начала душить. Два охранника немедленно оттащили ее и увели.

Многие из родственников были не в состоянии поверить, что их мужья и сыновья мертвы. Они настаивали на том, что те еще живут на единственном пузырьке воздуха в лодке, ожидая помощи. Обезумевшие от горя люди отказывались слушать какие-либо аргументы, оправдывающие поведение властей.

В тот вечер Путин, приехавший в Видяево еще до этой встречи, также беседовал с членами семей. Он стоял на возвышении в зале заседаний неподалеку от Куроедова и Попова. Путин выразил соболезнования по случаю этой «страшной трагедии». «Это страшная трагедия. Трудно даже вообразить такое, и для меня это также невыносимо… Для вас не секрет, что наша страна

находится в трудном положении и наши вооруженные силы тоже. Но я не мог и представить себе, что они находятся в таком состоянии».

Женщина (кричит): Почему сразу не позвали иностранных специалистов? Почему?

Путин: Я отвечу…Лодки эти конструировались сразу же со средствами индивидуального спасения для лодки… и все эти средства спасения — в ней. И Северный флот этими средствами спасения располагал. Поэтому на мой первый вопрос — Сергеев позвонил мне 13-го в семь утра…

Мужчина: В субботу пропала лодка, а позвонили в воскресенье!

Путин:…секундочку. Утратили контакт с лодкой… в 23 часа 12-го. Начали искать. В 4 часа 30 минут нашли. 13-го…Я об этом ничего не знал. О том, что происходит. Мне министр обороны позвонил 13-го в семь утра и сообщил: «Владимир Владимирович, во время учений нештатная ситуация, утрачен контакт с лодкой, мы ее нашли, она лежит на грунте… развернули спасательные работы…» Мой первый вопрос: Игорь Дмитриевич, что с реактором? И что мы можем сделать для спасения людей?…Нужна ли вам какая-нибудь помощь от любого министерства, ведомства, от страны? Вся страна готова помочь… Ответ был, в общем-то, понятным. Ну, теперь понятным. Действительно, военные считали, что у них в руках есть… все средства спасения… Что касается иностранной помощи. Сразу же, как только иностранная помощь была предложена — это было 15-го числа, так сразу же с ней Куроедов согласился… (Шум в зале, крики).

Путин: Это правда, правда. Телевидение? Значит, врет. Значит, врет. Значит, врет. Там есть на телевидении люди, которые сегодня орут больше всех и которые в течение 10 лет разрушали ту самую армию и флот, на которых сегодня гибнут люди. Вот сегодня они в первых рядах защитников этой армии. Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота. За несколько лет они денег наворовали и теперь покупают всех и вся! Законы такие сделали!

Мужчина:…Почему нашу… <лодку> которая нужна, чтобы спасти кого-то, ее на иголки списали?

Путин:…15-го числа впервые военные атташе официально предложили помощь… 21-го они залезли в отсек. На шестой день. Мы считаем, что, если бы сразу же военные наши не понадеялись на свои спасательные средства… если бы сразу 13-го обратились к норвежцам… 19-го они бы залезли в лодку… теперь по поводу вот этих спасательных средств. Развалили все средства, нету ни шиша. В стране нет ни шиша! Вот и все…

Крики в зале: Так они есть или нет? Вы же сказали…

Путин: Нет, я вам сказал, что у этих лодок, сконструированных в конце 80-х годов, есть специальные средства спасения… Вот именно поэтому они мне сразу ответили, что у нас все эти средства есть. Что касается аппаратуры для водолазов… Есть на Черном море и есть на Балтике, по-моему… Но для спасения этих лодок они не приспособлены… Вот и все…

Женщина (сквозь рыдания): Где же мой сын? Где мой сын? Другая женщина: Сколько времени они будут поднимать, сколько нам ждать здесь?! Сколько мне еще ждать сына?

Путин: Что касается… Я вас понимаю и понимаю, что невозможно уехать и сидеть невозможно…

Женщина: А вы им <военным> доверяете? Да надо их посадить. Они же вас, президента, обманули.

Путин: Нельзя сказать, что они обманули… Ведь они правду сказали. Эти спасательные средства были. Но не сработали… Они говорили, что аппараты для спасения у них есть…

Крики: 50-х годов…

Мужчина: Правильно ли мы поняли, что работа со спасательными снарядами… была узаконенная, предусмотренная всеми документами?

Путин: Да.

Мужчина: А все, что творилось с водолазами, — это импровизация?..

Путин: Да… Штатные спасательные работы были закончены неудачно.

Мужчина: А траур объявлен и считают погибшими, потому что нет средств на это и времени?

Путин: На что нет?

Крик: На водолазов.

Мужчина:…Мы не поняли друг друга. Я… еще раз повторяю вопрос: если у нас предусмотрены штатно только спасательные снаряды и больше ничего у нас в России нет… Значит… когда нам говорили, что все средства использованы, самые наилучшие из них, потому что другого ничего нет…

Путин: Да нет, рассчитывали на эти средства….

Мужчина: Все эти средства рассчитаны для работы чуть ли не на ровном киле….

Путин: Так рассчитано.

Мужчина: А не при всех этих реальных повреждениях, которые там были….

Крики: Запустили аварийно-спасательную службу!

Женщина (кричит): Восемь дней! Уже было видно на второй день, что ничего не получается….

Путин:…Восемь дней не получалось, потому что им не давал работать шторм…

Юноша: Норвеги залезли за один час!

Путин: Норвежцы пришли на пятый день, а залезли на шестой. И у правительства Норвегии нет, кстати, таких водолазов, они коммерческих взяли… Они вручную работали, по-простому… Просто подошли, подобрали ключи. Сделали ключ…

Из зала: А мы не могли. Господи…

24 августа, в четверг, через два дня после встречи с Путиным, была проведена панихида по команде «Курска». Автобусы с членами семей подошли к остановке у причала, где их уже ожидал пароход «Клавдия Еланская», чтобы повезти в Баренцево море.

— Ох! — кричала какая-то бабушка, крепко держась за своих внуков. — Он никогда не вернется к нам.

— Наши дети живы! — кричала другая женщина, размахивая кулаками. — Не смейте хоронить их!

Половина родственников смирилась со смертью своих близких, а другая половина нет и не хотела и слышать ни о каких похоронах, требуя продолжения спасательных работ. Люди упрямо верили, что их сыновья живы, возможно, по горло в воде и медленно задыхаются. Оркестр заиграл похоронный марш. Несколько женщин потеряли сознание. Какую-то женщину в черном поддерживали родственники. Она сжимала в руках красные гвоздики, которые смотрелись как капли крови на фоне белых халатов ожидающих рядом докторов. В течение одного вечера в администрацию района было доставлено 2000 цветов. Ими был устлан трап, ведущий к кораблю. «Для церемониального марша в память о наших героически погибших товарищах становись! Равнение на памятник». Старушка упала, но ее подхватили. У причалов стояли ряды подводных лодок. У половины из них корпус находился под водой. Перед кораблем вслух читали имена:

— Лячина! Дудко!

— Здесь.

— Матрос Сидюхин! Мама и папа!

Холмы на фьорде казались фиолетовыми, вода — ярко-бирюзовой. Огромная красная медуза подплыла к кораблю. Местные жители говорили, что вода здесь обычно бывает серой или серо-зеленой, но она изменила свой цвет на бирюзовый в тот день, когда пропал «Курск». «Уважаемые гости, — объявили по радио, — если кому-то нужна медицинская помощь, обращайтесь к врачу». Бесплатно давали кофе и чай. Люди не могли больше стоять на ногах. Их посадили за стол. Оказалось, что корабль не пойдет к месту трагедии, до которого было 6 часов хода. Он поплывет лишь в открытое море. Когда родственники узнали об этом, они стали выказывать недовольство, но были слишком измучены, чтобы что-то предпринять.

Иван Нидзиев, заместитель командующего дивизии атомных подводных лодок, объяснял репортеру, что родственников не повезут к месту аварии по требованию докторов. «Они могут попытаться прыгнуть с борта». Раздался громогласный голос:

— Эй, на корабле, приготовьтесь к возложению венков! Стоять! На корабле, приготовьтесь к оказанию последних почестей героически погибшим морякам подводной лодки Северного флота «Курск».

В полном молчании отец Аристарх провел православную поминальную службу. Имам Хатиб читал Коран — на «Курске» служило 8 мусульман.

«Приспустить флаг! Венки в воду!» Прозвучала сирена, и цветы бросили в море. Возле перил стояла женщина и сотрясалась от плача. Все рыдали. Венки качались на волнах. Здесь были венки, присланные Думой, правительством и от города; все они проплывали мимо корабля. Последней была брошена в воду шелковая женская шаль.

В течение 15 минут корабль совершал прощальный круг вокруг венков. После этого всем стало легче.

— Успокойтесь, — сказал мулла. — Видите, на горизонте идет дождь. Согласно исламским обычаям — это хорошая примета. Это означает, что умирает очень хороший человек.

— Поднять флаг! Курс на базу!

Стало накрапывать. Каждому из родственников дали пластиковую бутылку с водой из Баренцева моря, которая символически касалась останков их любимых близких. Лица людей стали спокойнее. Несмотря на все свои недостатки, церемония явилась для членов семьи неким подведением итогов. Теперь, после этого ритуала, — по крайней мере, в их сердцах — тела их близких упокоились с миром.

— На этом все, отец, — сказала одна молодая женщина. — Теперь мы можем ехать домой.

После поминальной службы родственники членов команды «Курска» начали возвращаться домой. 24 августа уехала в Курск и Валентина. У нее было чувство опустошенности, ее переполняла горечь несправедливости, что у нее отняли единственного сына. Дома трое друзей сказали ей, что видели сон о том, что Дима был жив и спрашивал ее: «Почему прекратили спасательные работы?»

Проходили недели, для родственников команды «Курск» жизнь возвращалась в свою колею. На стене дома Валентины появилась посвященная Диме мемориальная доска, которая гласила, что он героически погиб на борту атомной подводной лодки «Курск». В Курске был воздвигнут памятник семи членам экипажа из Курской области. Анненковой дали новый дом взамен лачуги в деревне Подасовка, где она много лет жила без элементарных удобств.

Но даже тех, кто смирился со смертью членов команды, одолевало несколько вопросов: если было ясно с самого начала, что все моряки сразу погибли, почему были сообщения о стуке изнутри субмарины и о скором успехе российской спасательной службы? И наоборот, если были признаки того, что моряки выжили после первых взрывов, почему российские власти выжидали 5 дней, прежде чем попросить иностранцев о помощи?

Валентина не знала ответов на эти вопросы, но она была убеждена, что спасение жизней членов команды не очень заботило правительство. Тем не менее ее осмысление того, что происходило с «Курском», оставалось туманным — до тех пор, пока до нее не дошло послание от самих погибших о том, как это было на самом деле.

Под давлением общественности Путин пообещал поднять тела моряков. Российских водолазов на несколько недель отправили в Норвегию для интенсивного обучения. 20 октября команда российских и норвежских водолазов спустилась к подводной лодке и начала вырезать отверстие в наружном корпусе над 8-м и 9-м отсеками. 25 октября водолазы проникли в лодку.

Такая операция по подъему лодки была необычной для российских вооруженных сил, но властям, дискредитировавшим себя вопиюще беспомощным поведением во время аварии с «Курском», уже ничего не оставалось, кроме как попытаться провести данную операцию. В течение последующих нескольких дней, перед тем как операция была временно приостановлена из-за сильных штормов, четыре тела были найдены и подняты на поверхность. Одним из обнаруженных оказался капитан-лейтенант Дмитрий Колесников. В его кармане водолазы нашли завернутую в целлофановый пакет записку, написанную между 13.34 и 15.15 часами 12 августа. Колесников писал, что в 12.58 все моряки из 6, 7-го и 8-го отсеков перешли в 9-й отсек. «Нас здесь 23 человека, — писал он — Мы приняли это решение в результате аварии. Никто из нас не может подняться наверх». Затем он перечислил имена выживших, которые находились в 9-м отсеке, вместе с их личными номерами. В конце записки было послание к его жене. В начале записки почерк четкий, но под конец слова стали неразборчивы. «Я пишу на ощупь».

Часть послания прочитали по государственному телевидению. Решение Куроедова обнародовать его было встречено с благодарностью и уважением со стороны российских военно-морских служб, хотя высказывались соображения, что Куроедов обнародовал послание выборочно, скрыв, таким образом, его содержание от общественности. Военно-морские власти заявили, что не обнародовали полный текст послания, так как часть его носила личный характер. Однако нельзя доподлинно утверждать, было ли это истинной причиной того, что послание опубликовали не полностью…

В начале ноября работа водолазов возобновилась, и тела еще восьми моряков были подняты с «Курска». После этого работы прекратились из-за ухудшения погоды и повышения риска для водолазов, с трудом маневрировавших внутри разбитой субмарины. 9 ноября заместитель командующего Северным флотом Владимир Доброскоченко на встрече с родственниками команды рассказал о существовании второй записки, найденной в одежде капитан-лейтенанта Рашида Аряпова. Записка была написана на странице, вырванной из детективного романа, и завернута в полиэтилен. Пресса о существовании этой второй записки, однако, умолчала.

Сообщение о том, что по крайней мере 23 моряка пережили взрыв, повергло членов семей в шок. Даже тех, кто верил, что их сыновья и мужья находились в переднем отсеке, ужасала мысль об уцелевших моряках, которые замерзали и задыхались, в то время как российские власти отказывались попросить столь необходимую иностранную помощь.

По прошествии недель становилось ясно, что российские военно-морские силы никогда бы не смогли спасти моряков сами, потому что у них не было ни водолазов, ни обученного спасательного персонала. В свете этого уверения Клебанова, что все 118 членов команды погибли одновременно, казались не чем иным, как попыткой скрыть безразличие военно-морских сил к жизни своих же моряков.

В то же время был и другой вопрос по поводу аварии «Курска»: что послужило ее причиной?

Во время катастрофы заявления российских властей, что «Курск» был потоплен иностранной подводной лодкой, были опровергнуты правительствами западных стран и звучали диссонансом на фоне общей трагедии. Для многих людей гораздо важнее была неспособность военно-морских служб действовать быстро для спасения выживших моряков. Но для многих российских военных и политических лидеров действительно гораздо важнее была истинная причина гибели «Курска». Жизни

не возвратишь, но некомпетентность России в обращении с оружием дискредитировала ее притязания на роль великой державы. Согласно одному подсчету, на «Курске» взорвался весь запас торпед мощностью, эквивалентной семи тоннам тротила. Подобного несчастья не знал ни один военно-морской флот в мирное время.

25 октября, когда останки капитан-лейтенанта Колесникова были подняты на поверхность, Куроедов высказался, что он на 80 % уверен в том, что причиной аварии было столкновение с иностранной подводной лодкой, и что он постарается установить и сообщит миру, чья это была лодка. Но 26 февраля 2001 года в «Известиях» появилось сообщение о второй записке, в которой Аряпов связывал с аварией взрыв экспериментальной торпеды. За два дня до этого «Комсомольская правда» привела цитаты из высказывания «капитана первого ранга К.», командира другой атомной подводной лодки, который видел эту записку и писал, что в ней давалась хроника разрушения «Курска». «Представьте, вы едете в поезде, в закрытом купе без окон, и поезд начинает рушиться под откос, а вы все это фиксируете». Аряпов служил в 6-м отсеке, где находился ядерный реактор. Значит, он мог быть в курсе того, что стало причиной первого взрыва. После второго взрыва моряки 6, 7-го и 8-го отсеков нашли убежище в 9-м отсеке. Принимая во внимание указанные обстоятельства, записка Аряпова подтверждала, что «Курск» был разрушен взрывом в 1-м отсеке, но такое объяснение было менее удобно для властей.

Наиболее правдоподобное объяснение случившемуся с «Курском» было в то время едва замечено на фоне проведения спасательных операций. 17 августа, в четверг, на сайте официальной газеты российского Министерства обороны «Красная Звезда» была опубликована статья, в которой высказывалось предположение, что в аварии с «Курском» виновато решение правительства принять на вооружение более дешевые торпеды. Статью быстро удалили с сервера газеты, и она не была напечатана в пятничном номере.

Как следовало из данного материала, в 1998 году «Курск» был переоснащен на судостроительном заводе Северодвинска «Севмаш» новым видом торпед. Представители российского морского флота выступали против их установки, но фирма-изготовитель ратовала за их применение. Новые торпеды было трудно и опасно хранить, потому что в них использовалось дешевое жидкое топливо вместо дорогих батарей серебряно-цинковых аккумуляторов. Такая «экономия» заставила лейтенанта Сергея Тылика написать своей матери: «У нас смерть на борту» — незадолго до того, как он ушел в свое последнее смертельное плавание. В 1980-е годы в российском Военно-морском флоте перестали использовать жидкое топливо для двигателей новых ракет, так как его считали взрывоопасным. 18 августа в выпуске «Красной Звезды» первоначальная статья о причинах аварии на «Курске» была заменена статьей, в которой высказывались предположения, что «Курск» столкнулся с «неопознанным объектом». Такая перемена могла быть объяснена только давлением сверху.

После этого у Клебанова появилось законное право предполагать, что «Курск» затонул в результате столкновения: ведь именно Клебанов, возглавлявший оборонную промышленность, поддерживал применение новых торпед. У Куроедова также была причина принять теорию столкновения, так как на нем лежала ответственность за то, что он не поддержал военно-морских специалистов, возражавших против использования новых недорогих, но опасных торпед. Норвежские водолазы, производившие обследование «Курска» во время первой спасательной операции, видели, что разрушения внутри лодки были вызваны взрывом, а не столкновением с внешним объектом. 18 февраля 2001 года «Новая газета» сообщила, что комиссия по расследованию результатов аварии пришла к заключению: столкновения с иностранной подводной лодкой не было, однако публично об этом не заявила. Согласно данным, приведенным в газете, подробный анализ показал, что «Курск» затонул в результате неисправности своего собственного оружия или по фатальной ошибке оператора. Газета писала: «случилось то, что не должно было случиться ни при каких обстоятельствах. В этом уверяли нас и самих себя ученые, конструкторы, кораблестроители, флотские начальники, руководившие учениями…».

Именно с этой верой обреченная команда «Курска», самого современного и мощного вида вооружения в российском арсенале, отправилась в плавание, чтобы продемонстрировать мощь России НАТО и всему миру…

Голод и холод в России

…В феврале 1998 года в Рязани лидер независимого профсоюза Людмила Тихонова сказала директору текстильной фабрики «Голубая Ока» Виктору Бурякову: «У одной из наших женщин обнаружили лейкемию. Ей нужны средства на еду и лекарства. Прошу вас, выдайте ей причитающиеся деньги». На улице при свете сумерек тающий снег превращался в серую слякоть. Автобусы и грузовики устало ехали в холодной темноте, а пешеходы, недавно закончившие работу, толпились на тротуарах, где фабричные работницы продавали в палатках сшитые на фабрике рубашки.

— Я ничего не могу сделать, — ответил Буряков. — У многих тяжелое положение. Мы не можем всем помочь.

— Но ведь это не обычная простуда, а тяжелое заболевание. Если бы у вашей матери или сестры такое обнаружили, как бы вы поступили?

— Как только у нас появятся деньги, мы окажем ей помощь. Людмила встала, чтобы уйти. Она не верила Бурякову, но была потрясена его цинизмом. В ту минуту она поняла, как мало значили рабочие в глазах директора фабрики. Он не хотел заплатить смертельно больной женщине причитающиеся ей деньги, хотя это могло спасти ей жизнь.

На фабрике «Голубая Ока», которая размещалась в трехэтажном кирпичном здании на оживленной улице неподалеку от рязанского Кремля, работало 500 человек. Там шили мужские рубашки, простыни, военные мундиры и средства маскировки. В основном здесь работали молодые одинокие женщины, многие из которых выросли сиротами. Заработки на фабрике были низкими, но платили их регулярно. Однако в 1996 году Министерство обороны, самый крупный заказчик фабрики, сократило свои заказы, и работницам перестали выплачивать зарплату.

Вначале дирекция уверяла, что задержка временная, но не уточняла, когда же работницы получат зарплату. В то же время было предложено платить зарплату рубашками. Некоторые работницы согласились на это предложение, и теперь пять дней в неделю они шили рубашки, а остальное время пытались их продать. Другие отказались от такой зарплаты и настаивали на том, чтобы им заплатили причитавшиеся им деньги. Прошло уже три года, но они продолжали ждать.

На протяжении весны, лета и осени женщины как-то существовали благодаря помощи своих родственников из деревни, которые делились с ними продуктами, выращенными на своих участках. Но когда пришла холодная зима, работницы стали болеть. Они худели и слабели, нередко у них случались обмороки и носовые кровотечения. Врачи, приезжавшие на фабрику по вызовам из службы «скорой помощи», говорили, что работницы страдают от истощения и недоедания.

Наконец в феврале 1997 года, не получая заработную плату 11 месяцев, работницы решили устроить забастовку. В последний день месяца был организован независимый профсоюз, и Тихонову выбрали председателем. Затем женщины разошлись по своим цехам, но работать отказались.

Такое поведение обычно покорных работниц произвело впечатление на руководство. Боссы подходили к работницам и пытались убедить их прекратить забастовку. «Потерпите немного, приступайте к работе», — говорили они. «Мы уже достаточно терпели», — отвечали женщины.

Забастовка длилась два месяца, несмотря на неоднократные угрозы со стороны руководства. В конце мая директора фабрики Людмилу Андрееву сменил Буряков. Вскоре после его прихода, 31 мая, работницы прекратили бастовать, в ответ на это Буряков выплатил каждой из них от 50 до 100 рублей. Благодаря этому многие смогли впервые за много месяцев купить себе продукты.

В оставшиеся месяцы 1997 года работницам выплачивали зарплату, достаточную для того, чтобы хоть как-то заставить их работать. Помимо других заказов, однажды фабрика получила заказ из одной американской тюрьмы, и женщины начали шить фланелевые пижамы для американских заключенных. К изумлению работниц, пижамы были из высококачественного материала и шились с пуговицами, карманами и декоративными элементами.

В феврале 1998 года частичные выплаты зарплаты прекратились. Буряков объяснял это отсутствием денег, но работницы восприняли его заявление с недоверием.

На самом деле руководство фабрики даже не скрывало свою коррумпированность. Работницам было известно, что директора совершают дорогие поездки за границу за счет фабрики и ее площадь сдается магазинам, а получаемый доход не отражается ни в каких документах. На их глазах исчезало оборудование, в том числе импортные швейные машины, а также принадлежавшие фабрике легковые автомобили и грузовики; квартиры в построенных фабрикой домах, предназначенные для работниц, продавались на сторону, также без всяких записей о том, что сталось с деньгами.

В этих условиях работницы снова устроили забастовку. Все было так же, как и в прошлый раз: женщины шли к своим машинам, но отказывались работать на них.

Забастовка взбесила Бурякова, но женщины, несмотря на словесные оскорбления, не уступали.

Именно в такой обстановке Тихонова подошла к Бурякову с просьбой о помощи швее, больной лейкемией, и получила отказ. Отказ директора выплатить задолженность по зарплате даже больной лейкемией потряс женщин и укрепил их решимость. Но последующие события сломили их волю к сопротивлению.

В марте один из грузчиков, отчаявшись прокормить свою семью, повесился у себя дома, оставив жену-инвалида и двоих детей. Вскоре после этого у электрика Виктора Пурикова нашли рак легких. Людмила умоляла Бурякова выплатить Пурикову задолженность по зарплате, чтобы он мог купить лекарства, но Буряков отказался. Вскоре у Пурикова открылась язва, и он умер.

Обе смерти вселили страх в рабочих. Многие из них решили, что, если они не вернутся к работе, они не смогут рассчитывать на помощь начальства. В конце апреля забастовка была прекращена. С глубоким смирением рабочие вновь приступили к работе, надеясь, что, раз фабрика снова начала выпускать рубашки, им будут платить достаточно для того, чтобы они могли выжить.

Положение швей на текстильной фабрике «Голубая Ока» стало обычным для положения рабочих в России. Реформаторами было обещано, что благодаря приватизации, которая к 1996 году сосредоточила 80 % российских промышленных предприятий в частных руках, рабочие станут совладельцами своих фабрик и заводов, но вместо этого рабочие подверглись неслыханной в Советском Союзе эксплуатации.

В результате ликвидации государственной собственности российские фабрики и заводы вышли из-под контроля правительства, и после того, как на них распались комитеты коммунистической партии, директора, будучи последними представителями советского режима, сосредоточили в своих руках полный административный контроль. Формально последней инстанцией считались акционеры, но в действительности они были не в состоянии диктовать свою волю директору. Поскольку именно директор распоряжался наймом и увольнением рабочей силы и продвижением по служебной лестнице, а также контролировал всю информацию, он играл главную роль на собраниях акционеров, даже если ему принадлежала лишь небольшая доля акций. Именно он решал, какая информация будет доступна для акционеров, а поскольку фамилии акционеров были написаны на избирательных бюллетенях, голосование против директора грозило переводом на менее квалифицированную работу или увольнением. Характер деятельности директоров предприятий, занявших свои посты еще в советское время, быстро изменился. Те из них, которые раньше стремились к выполнению планов и часто мало разбирались в других вопросах, начали расхищать имущество своих заводов и фабрик. Один из способов грабежа заключался в невыплате необходимых платежей, в том числе заработной платы, и вкладывании денег на депозитные счета под проценты. Директор обычно устанавливал тесные личные взаимоотношения с местным банком, делая его зависимым от завода, а следовательно, и от самого себя. Доходы завода затем клались в этот банк на депозитный счет с высокими процентами, при этом директор и должностные лица банка делили между собой прибыль.

Другим способом расхищения имущества заводов было создание дочерних компаний, которые играли роль посредников, запрашивая непомерно высокие цены за незначительные услуги. Благодаря их доступу в магазины и на оптовые склады и приобретению контроля над транспортом и охраной директора крали оборудование, сырье и продукцию, которая после приватизации стала исчезать в больших количествах с российских заводов и фабрик. В первые годы реформ огромные очереди грузовиков выстраивались перед российскими пограничными пунктами, так как на грузовых машинах вывозились в иностранные порты материалы, украденные с предприятий их управляющими.

Видя ненасытность директоров и понимая собственную уязвимость из-за краха промышленного производства, рабочие оказывались беспомощными и пассивными, что отражалось в их письмах в российские газеты. «Я работаю на машинном заводе, где нам не платят зарплату, — писала женщина из Липецка в письме в газету «Липецкие известия». — На моем иждивении находится больной сын. Моя заработная плата нищенская, и даже ее я не получаю. Не так давно нам заплатили за февраль. Я просила заплатить за март, но моя просьба так и лежит на столе у главного бухгалтера. Я устала ходить и попрошайничать, словно ни на что не имею право».

На это газета в колонке «семейный адвокат» ответила ей: «Вы можете сменить рабочее место, но едва ли вы найдете завод с вакансиями… Вы могли бы обратиться в трудовой комитет и в суд. Но поможет ли это вам получить деньги? Лучший совет, который я могу вам дать: попросите о встрече с директором, и, может быть, в виде исключения он согласится удовлетворить вашу просьбу».

Этот случай, приведенный в бюллетене телеграфного агентства «ИРА-СОК», был напечатан с кратким комментарием редактора бюллетеня: «Было бы лучше не ходить к директору, а отнестись к нему с подобострастием. Тогда вы произведете на него впечатление своей беззащитностью. В нашей стране любят покорных и послушных». Действительно, именно беззащитность российских рабочих при росте слоя директоров криминализированных заводов и фабрик и бессилии официальных профсоюзов вызвала у рабочих первые протесты. Они были безжалостно подавлены, но их тщетность показала истинное положение рабочих в постсоветский период.

…3 декабря 1998 года в Ульяновске первые провожающие выстроились у входа в дом, где еще недавно жил в квартире на четвертом этаже Юрий Моторин со своей семьей. Вскоре вся лестница заполнилась людьми. В квартире Моторина зеркала и телевизор были завешены льняной тканью, а перед иконой в серебряной раме горела свеча. На небольшом столе стояли хлеб, стопка с водкой и блюдце с солью. Их поставили там для души Моторина, которая, согласно православной вере, остается с родственниками покойного в течение сорока дней перед тем, как подняться на небеса. Открытый гроб установили посреди комнаты, и священник вел заупокойную службу, размахивая кадилом, распространявшим запах ладана. Теща Моторина склонилась над его телом и причитала: «Зачем ты оставил нас, ведь все мы так тебя любили? Видишь ли ты, сколько людей пришло проводить тебя в последний путь?»

Вдова Моторина, его сын и дочь, сидя на скамейках перед гробом, видели, как пришедшие проститься входили в квартиру и непрерывным потоком шли мимо гроба, отдавая долг уважения учителю, который умер в возрасте 42 лет в результате голодной забастовки, протестуя против невыплаты заработной платы. Из окон квартиры вдали виднелись футбольные поля, а за ними

открытая ровная местность. А за тысячи километров от этой равнины тянулись горы Афганистана, где воевал Моторин и был награжден орденом Красной Звезды за проявленную доблесть.

В полдень, после того, как мимо гроба прошли сотни людей, в комнату вошли шесть десантников в военной форме с черными повязками на руках, подняли гроб, снесли его вниз по лестнице и вынесли из дома. На улице собралось почти 1500 человек, которые, несмотря на сильный холод, сняли шапки и стояли молча. Жители верхних этажей и соседних домов наблюдали со своих балконов, так как, по народной примете, нельзя смотреть на мертвого человека из окна. Многим казалось, что они присутствуют на похоронах всего российского образования.

Голодная забастовка учителей в Ульяновске, стоившая жизни Моторину, имела свои корни в гигантомании советского военно-промышленного комплекса и неспособности реструктурировать экономику после развала Советского Союза.

Ульяновск, город, в котором родился Ленин, расположен на высоком западном берегу Волги, в среднем ее течении. А на другом берегу реки к востоку до самого горизонта раньше тянулись пшеничные поля и заливные луга.

Но в 1970-е годы Советский Союз начал готовиться к широкомасштабной военной экспансии. Была поставлена задача увеличить вместимость авиатранспорта, входящего в состав вооруженных сил. Советские руководители одобрили план выпуска грузового самолета Ан-124, также известного как «Руслан», который стал самым большим самолетом в мире. Для его производства советская администрация начала строительство завода «Авиастар» и жилого района для его рабочих. Новый город-спутник был построен на противоположном берегу Волги и стал называться Заволжским районом. В начале 1980-х годов, в период наибольшего размаха деятельности завода «Авиастар», на нем работали 23 000 рабочих, и он выпускал до семи самолетов Ан-124 в год. Этот комплекс также начал изготовлять пассажирские самолеты Ту-204, напоминавшие Боинг-747. Но в 1991 году, с развалом Советского Союза, становилось труднее производить Ан-124, потому что завод, выпускающий для него двигатели, находился на Украине, ставшей независимым государством. В то же время спрос на оба вида самолетов резко упал. В 1995 году завод был приватизирован; начались задержки с выплатой зарплат. В сентябре 1996 года «Авиастар» начал массовое увольнение рабочих, и те, кто мог найти другой способ заработать на жизнь, так и делали. К началу 1998 года на «Авиастаре» осталось всего 11 000 рабочих, и из них по-настоящему работали лишь 4000 человек. Когда производство на «Авиастаре» фактически остановилось, семьи многих рабочих завода жили за счет заработка своих жен, работавших в сфере образования.

Новый район притянул тысячи молодых семей из соседних деревень, потому что на заводе была высокая зарплата и у рабочих, казалось, было надежное и спокойное будущее. Эти семьи также поселились здесь, потому что в те времена, когда в стране ощущалась серьезная нехватка жилья, рабочим «Авиастара» давали квартиры в Новом городе с учетом количества детей в каждой семье. Таким образом, в семьях росло число детей, ведь благодаря этому можно было улучшить жилищные условия. Растущее число «квартирных детей» повысило спрос на учителей, который частично пополнялся за счет жен заводских рабочих. Вскоре в Новом городе открылось 49 детских садов со 150–200 детей в каждом.

Теперь, в начале 1996 года, начались задержки в выплате зарплаты и учителям. Многие семьи остались без источников дохода. Семьи начали делиться продуктами и закладывать свои ценные вещи. В марте 1997 года учителя десяти школ Нового города устроили забастовку. Она была прекращена, когда местное начальство пообещало платить зарплату вовремя, но соглашение было тут же нарушено. К маю 1998 года городские учителя уже четыре месяца не получали зарплату. Небольшая группа учителей устроила кратковременную голодную забастовку, и в результате задолженность в выплате зарплаты сократилась до двух месяцев. В июне, когда учителя не получили летние отпускные, сорок учителей разбили палатки перед зданием областной администрации и организовали четырехдневную голодную забастовку. Они получили свои летние отпускные в сентябре. В октябре им заплатили за май, но не за сентябрь и октябрь. В конце октября руководители Заволжского стачечного комитета, основу которого составляли стачечные комитеты, выбранные в школах в прошлом году, стали угрожать устроить новую забастовку.

В ответ на это городские власти заявили, что они не могут платить зарплату, потому что у них нет средств. Сколько у них денег было на самом деле, точно не известно. Бюджетные данные Ульяновской области оставались недоступными не только для обычных людей, но и для журналистов и депутатов областного парламента. Один из пунктов бюджета назывался «непредвиденные расходы», и никто не знал, что туда входило. Другой пункт назывался «поддержка средств массовой информации», и здесь также была полная неясность. Одной из крупнейших компаний области была фирма «Продовольствие», которой принадлежали магазины, автозаправочные станции и коллективные хозяйства и которая продавала продукты областным школам, больницам и детским домам. Главным акционером этой компании было областное правительство. Директор фирмы Олег Горячев был сыном губернатора Юрия Горячева. Компания оказалась очень прибыльным предприятием, но в областном бюджете не было и намека на прибыль.

Компания постоянно тратила бюджетные деньги не по назначению. В ходе обсуждения выполнения бюджета области на первую половину 1998 года было установлено, что по некоторым статьям бюджета вложение средств отсутствовало, в то время как по другим статьям финансирование превышало норму на 60 %.

Все это было известно отчаявшимся учителям, которые в 10 из 17 школ Заволжского района решили объявить забастовку. В школах, которые объявили забастовку, учителя встречались с родителями, объясняя им, что не смогут выполнять свои обязанности по отношению к детям в период забастовки, и просили родителей держать детей дома. Единственной проблемой на тот момент был вопрос, следует ли наряду с отказом от работы объявить также голодную забастовку. Учителя боялись голодной забастовки. Годы лишений для многих из них обернулись сердечными заболеваниями, гастритами, диабетом и гипертонией. Но учителя видели, что их отказ от работы может не дать серьезных результатов. Они также знали, что в связи с

забастовкой 15 000 детей окажутся на улице, и не хотели, чтобы такая ситуация продолжалась бесконечно.

17 ноября 465 учителей договорились на следующий день начать бессрочную голодовку.

Вечером 17 ноября Моторин был дома со своей семьей, готовясь участвовать в этой акции. Про себя он считал, что голодная забастовка была бессмысленной, но, как бывший военный и член стачечного комитета, он не мог оставаться в стороне, в то время как его коллеги-женщины собирались рисковать своими жизнями. Утром 18 ноября бастующие учителя собрались в десяти участвующих в забастовке школах. Они принесли с собой раскладушки, матрацы, простыни, а также бутылки минеральной воды и витамины. Моторин отправился в школу № 20, где он преподавал ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности) и был избран членом стачечного комитета. В здании было холодно, так как школа № 20, как и любая другая школа, пыталась сэкономить деньги на топливе. Тепло одетые учителя устраивались в самых теплых классах на третьем этаже. Моторин и другие учителя-мужчины собирались спать в одном классе, а женщины — в двух других.

Опираясь на свой военный опыт, Моторин предупредил учителей, чего можно ожидать. Он сказал, что на третий день голодания организм в поисках пищи начинает отравлять себя и самый лучший способ выжить — это спокойно лежать, не двигаясь.

Моторин, однако, не последовал собственному совету. Штаб забастовки находился в школе № 72, в другом конце Нового города, и Моторин отправлялся туда вместе с Галиной Мухиной, еще одним членом стачечного комитета, не реже одного раза в день. Это означало подъем на три лестничных пролета в обоих концах. Поход занимал полчаса в один конец, и Моторин продолжал курить.

Зрелище почти 500 учителей, устроивших голодную забастовку, и поразило, и испугало городские власти. Представители районного управления образования ходили из одной школы в другую, пытаясь отговорить учителей от голодовки. Они говорили: «Женщины, пожалейте себя, у вас и так хронические заболевания. Вы заболеете. Кто позаботится о ваших детях?»

Когда учителя спрашивали, когда они получат свою зарплату, официальные представители отвечали, что им заплатят, как только появятся деньги.

Весть о голодной забастовке поразила Ульяновскую область. Местное радио и телевидение подробно освещали происходящее, журналисты брали интервью у школьников, их родителей, у бастующих учителей, и по всему городу люди доказывали, что при коммунистах жизнь была лучше. В то же время по каналу ОРТ стали рассказывать об этих событиях всей стране.

Учителя надеялись, что голодная забастовка заставит изменить отношение местных властей, но, несмотря на гласность, местные политические лидеры, включая губернатора, отказались встречаться с учителями, очевидно рассчитывая на то, что те вскоре обессилят. На второй и третий день голодной забастовки к учителям часто приходили ученики. Учителя шутили и пытались улыбаться, но дети, глядя на ослабленных учителей, были подавлены. Одна группа школьников написала городским властям, угрожая также устроить голодную забастовку.

В это время учителя школы № 20 измеряли друг другу давление. Первые данные показали, что давление Моторина заметно повысилось. Когда у некоторых учителей появились опасные симптомы, они были освобождены от забастовки. В школе № 20 Нахиль Прокуров, учитель географии, отправился домой после того, как у него открылась язва. Несмотря на то, что он срочно нуждался в медицинском лечении, у него не было 800 рублей, чтобы заплатить за лекарства, поэтому он не поехал в больницу. В школе № 63 у Людмилы Абрамченко, одного из лидеров забастовки, резко повысилось давление. Она не могла разговаривать и страдала от сильнейших головных болей. «Скорая помощь» отвезла ее домой, где она постепенно начала принимать пищу. В субботу, 21 ноября, учителя написали жалобу в Красный Крест и в Комитет ООН по защите прав человека; родители, у которых были дома компьютеры, отослали ее. После этого в школы стали поступать звонки из этих организаций, которые поддерживали боевой дух голодающих учителей.

Учителя неоднократно звонили в офисы мэра и губернатора из центра забастовки в школе № 72. Оба чиновника отказались встречаться с ними. На пресс-конференции в здании областной администрации Юрий Горячев сказал: «Если я заплачу учителям, вся область устроит голодную забастовку». Представители Министерства образования сообщали учителям, что денег нет.

Бастующие учителя также встречались в школах с директорами, которые убеждали их вернуться на работу, говоря, что властям нужно разрешить ситуацию в отношении всех школ, а не только тех, которые устроили голодную забастовку.

Учителя вежливо слушали, но осознавали, что ни директора, ни представители Министерства образования не могут ничего решить. Все зависело от губернатора…

Чувство безысходности поселилось в Новом городе. Район с большим количеством безработных и рабочих, не получивших свою зарплату, ночью казался почти безлюдным, и только свет, горевший допоздна в 10 бастующих школах, был единственным признаком жизни среди 9-этажных бетонных жилых зданий, молчаливо возвышавшихся на краю суровой степи.

23 ноября бастующие учителя и почти 300 родителей собрались в школе № 20. Хотя учителя были почти окончательно ослаблены и истощены, они старались выглядеть нормально.

Все были на стороне учителей. Родители договорились устроить демонстрацию перед зданием мэрии в понедельник, 30 ноября, если к тому времени требования учителей не будут удовлетворены; но председатель родительского комитета также заметил, что

родители хотели бы знать, когда их детей снова начнут учить.

К седьмому дню почти все голодающие учителя лежали на своих раскладушках, так как были слишком слабы, чтобы стоять. Школьники продолжали приходить к учителям, и те просили их не беспокоиться. Но когда несколько учителей попытались встать, то потеряли сознание. Моторин был одним из немногих, кто мог двигаться, и его невозмутимость успокаивала других. Но он продолжал курить, и временами у него болела грудь. Когда другие учителя спрашивали, что с ним, он отвечал: «Так иногда бывает».

Геннадий Веретенников, главный врач области, в интервью по радио предупреждал, что жизнь учителей в опасности и, хотя для здорового человека десятидневное голодание обычно не является смертельным, вся Россия уже много лет вынуждена находиться в состоянии голодной забастовки…

Проходили дни, но власти не шли навстречу учителям. Последние говорили друг другу, что властям наплевать, что они рискуют своими жизнями. На восьмой день выведенные из себя отношением властей многие учителя пришли в состояние сильного нервного напряжения, и в школе № 72, служившей штабом забастовки, часто споры перемежались с истериками.

Вечером восьмого дня учителя-мужчины из школы № 20 собрались и пошли группой в одну из комнат, которую занимали учителя-женщины, и намекнули им, что пора прекращать забастовку. «Думаю, нам следует спросить себя, есть ли смысл продолжать, — сказал Моторин. — Я мужчина и могу продержаться еще две недели, но вы, женщины, подумайте о себе. Сколько еще вы сможете выдержать?» В атмосфере напряженности многие женщины мгновенно отреагировали на предложение Моторина, заявив, что будут продолжать забастовку по крайней мере до пятницы, 27 ноября. Только Мухина, хорошо знавшая Моторина, почувствовала, что действительная причина его предложения — это критическое состояние его здоровья, но он боялся в этом признаться.

«Мы ничего не достигли, — сказал Моторин. — Может, имеет смысл прекратить голодную забастовку, но продолжать общую забастовку?» Учителя-женщины ответили, что никого не заставляют голодать против воли. Если у мужчин кончилось терпение, они могут прекратить голодовку. «Вы плохо о нас думаете», — ответил на это Моторин. С этими словами мужчины повернулись и ушли. В четверг, 26 ноября, на девятый день забастовки, в школе № 72 состоялось заключительное совещание. Наступали выходные, и учителя понимали, что в ближайшие два дня власти не будут решать никаких серьезных вопросов. Это означало, что бастующие должны либо немедленно прекратить голодовку, либо продолжать ее до 30 ноября. Однако на 13-й день появилась опасность, что некоторые умрут от истощения и хронических заболеваний. На этот счет была устроена дискуссия. Одни утверждали, что пора признать поражение, потому что они слишком ослабели, чтобы продолжать забастовку, а многие рассчитывали на то, что голодовка поможет им накормить своих детей. В конце концов, несмотря на опасность, стачечный комитет проголосовал за продолжение забастовки.

Но вечером 26 ноября глава районного отдела образования Александр Буркин пришел в штаб забастовки и сообщил учителям, что на следующий день они смогут получить часть зарплаты за сентябрь, а также за ноябрь, при условии если приступят к работе не позднее 1 декабря. Остальные деньги за сентябрь будут заплачены через неделю.

В пятницу в школе № 72 состоялось собрание, в котором приняли участие члены стачечного комитета и представители местных властей, включая Буркина и главу Заволжского района. Обещания зарплаты произвели впечатление на бастующих учителей, однако оставался вопрос: заплатят ли учителям также за те дни, когда они бастовали? Они отказались от первого предложения властей заплатить учителям по 50 % от их заработка за этот период. Когда власти наконец согласились заплатить учителям полностью за дни, когда они не работали, учителя приняли решение прекратить забастовку. Многие из учителей были настолько слабы, что едва могли говорить, но они чувствовали облегчение, что их испытание наконец подошло к концу. Однако соглашение в действительности мало что им дало. После 10-дневной голодной забастовки им пообещали выплатить то, что задолжали, но не было никакой гарантии, что им будут платить в будущем. Тем не менее учителя, получив часть зарплаты, разошлись по домам. Из 465 учителей, начавших забастовку, примерно 300 додержались до конца.

Моторин вернулся домой к своей семье в субботу и уже в понедельник нормально питался. Он также много курил. Чтобы бастующие смогли прийти в себя и набраться сил, им предоставили выходной день, понедельник. Во вторник был сильный мороз. Моторин отправился на работу, но вернулся, жалуясь на плохое самочувствие. Он прилег, и некоторое время спустя его жена услышала стон. Когда она вошла в комнату, он был мертв…

Гроб с телом Моторина поставили на возвышение перед домом, и присутствующие несколько минут хранили молчание. Девять коллег Моторина из школы № 20 плакали, стоя у гроба. Затем гроб подняли и понесли через Новый город. Процессию возглавляли члены семьи Моторина. За ними шли его коллеги, ученики и друзья, которые несли венки с лентами, на которых было написано: «От коллег», «От родственников» и «Любимому учителю от учеников». Несмотря на сильный ветер, толпа еще несколько раз останавливалась и устраивала минуту молчания. Затем гроб поставили на катафалк. Узнав о смерти Моторина, учителя со всей России посылали деньги, чтобы помочь его жене и детям оплатить похороны. Некоторые из этих денег были использованы на то, чтобы заказать автобусы и отвезти около 400 провожающих на Архангельское кладбище в четырех километрах от города. Когда кортеж уезжал на кладбище, военный оркестр играл «Траурный марш» Шопена. По пути из Нового города автобусы проехали мимо завода «Авиастар» и соседнего машинного завода, который так и не был достроен.

На кладбище провожающие пошли на Аллею славы с могилами тех, кто погиб во время недавних российских войн. Десантники отнесли гроб на участок за молодыми, где было не так ветрено. Вдалеке белые стволы берез и белые, черные, серые и голубые могильные камни выделялись на фоне светлого неба.

Гроб с телом Моторина поставили рядом с вырытой могилой, и один за другим выступали его коллеги, рассказывая о том, каким он был хорошим, добрым и умным, и обещали, что он останется в их сердцах и сердцах детей, которых он учил. «Мы помним, с какой смелостью ты прошел через Афганистан и выносил сложности нашей жизни», — сказал один из афганских ветеранов.

После окончания речей почетный караул дал залп над могилой, чтобы почтить память бывшего армейского капитана. Десантники заколотили гроб, и каждый из провожающих бросил на него горсть земли. В течение нескольких дней после похорон Моторина учителя Ульяновска испытывали чувство безысходности. Занятия возобновились, но зарплату за вторую половину сентября, которую пообещали заплатить в качестве условия окончания забастовки, так и не выплатили. Подавленные своим поражением, учителя снова стали брать деньги в долг. Учителям казалось, что они на пределе. В том, как закончилась забастовка, была какая-то горькая символика. Почти 500 учителей потратили много сил на эту голодную забастовку, все они рисковали своей жизнью, но единственной зарплатой, которую заплатили в полном объеме, была зарплата Моторина, выплаченная посмертно.

…В январе 2001 года во Владивостоке температура упала до -20 °С, снег стал заносить крыши жилых зданий. Люди и машины скользили по льду, покрывшему владивостокские тротуары и улицы.

В доме № 13 по улице Часовитина пенсионерка Фаина Кобзарь сидела на кровати, а ее муж-инвалид Иван Иванович, лежа под одеялом, дрожал от холода. Стоявший в нескольких метрах от кровати электрообогреватель с красновато-оранжевой решеткой давал мало тепла. «Когда есть электричество, обогреватель всегда включен, — объяснила Фаина. — Благодаря ему температура в комнате бывает 8 или 9 градусов».

Днем раньше на три часа было отключено электричество, и здание, как и тысячи других во Владивостоке, заледенело. Фаина сказала, что обложила пластиковыми бутылками с горячей водой парализованного после инсульта Ивана Ивановича и накрыла его одеялами. Сегодня дела обстояли лучше, но Иван Иванович лежал в постели в меховой шапке, свитере и ботинках, и Фаина приложила бутылку с горячей водой к его неподвижным ногам.

Иван Иванович попытался добавить что-то. Но ему сложно было описать, каково жить в холоде. Едва начав говорить, он заплакал. Двенадцатиэтажное здание на улице Часовитина, в котором жили Кобзари, было построено в 1988 году судостроительным заводом «Дальзавод», на котором они проработали 50 лет: она учетчицей на лесопилке, а он в ремонтном цеху, где занимался восстановлением подводных лодок. После развала Советского Союза обслуживание дома, в котором они жили, прекратилось. Трубы заржавели и засорились песком. В 1994 году здание было передано городу, но это ничего не изменило, обслуживание его не улучшилось, и в 1996 году отопительная система полностью вышла из строя: жителям дома, включая ветеранов Курской и Сталинградской битв, пришлось согреваться с помощью электрических обогревателей и электроплитами. Городские власти начали ремонтировать отопительную систему в декабре 2000 года. Через несколько недель температура упала до -40°, и работа прекратилась. Город пообещал возобновить ремонт в «ближайшем будущем».

«Я не думаю, что мы доживем до весны, — сказала Фаина. — Раньше электрообогреватель немного согревал нашу комнату, но в этом году иногда на целый день отключают электричество, поэтому мы просто обречены».

Ситуация, аналогичная положению семьи Кобзарь, была характерна для многих жителей Владивостока и Приморского края зимой 2000–2001 гг. С годами инфраструктура области ухудшилась, и дело дошло до того, что во многих районах не было центрального отопления. В январе 2001 года отключение электричества в Приморье стало массовым явлением, и иногда его не было по 21 часу в сутки. Такое отключение, в свою очередь, препятствовало отоплению зданий, в которых все еще функционировала система центрального отопления. Без электричества нагревательные станции не обеспечивали подачу горячей воды, а из-за страшного холода трубы замерзали и лопались.

Поскольку многие районы Приморья оказались без электричества и отопления, школы и медицинские учреждения закрылись. Мэр Владивостока Юрий Копылов признал, что «энергетическая система Приморья развалилась». Его признание явилось одним из немногих правдивых оценок ситуации, сделанных приморскими властями, и стало логическим завершением массового грабежа одного из богатейших районов России.

Ограбление города совершалось криминальной олигархией под началом губернатора Евгения Наздратенко, который, находясь в 10 000 километров от Москвы, установил свою собственную систему тоталитарного правления.

В августе 1992 года, когда предприятия начали свободно устанавливать экономические связи по своему усмотрению, 213 директоров самых больших предприятий Приморья, в большинстве своем заводов оборонной промышленности, организовали Приморскую корпорацию производителей товаров (ПКПТ), мнимой целью которой была помощь делу перехода к рыночной экономике.

Директора продавали продукцию своих заводов ПКПТ по минимальным ценам, а ПКПТ затем перепродавала их по рыночным ценам, распределяя прибыль поровну между директорами, которые использовали полученные средства для приватизации заводов. Основатели ПКПТ также стремились установить контроль над вывозимой из края продукцией, лицензиями и бюджетом. Однако это привело к конфликтам с тогдашним губернатором Приморья Владимиром Кузнецовым, который стремился к поощрению вложений извне, а не к сохранению существующей промышленной базы ради обогащения группы супермонополистов.

ПКПТ, однако, установила связи с высокопоставленными чиновниками в Москве. В мае 1993 года она организовала смещение

Кузнецова и назначение Наздратенко, депутата Верховного Совета и члена совета директоров ПКПТ, в качестве нового губернатора. Своими заместителями он выбрал двух других членов совета директоров ПКПТ Игоря Лебединца и Анатолия Павлова.

Директора заводов, входящих в состав ПКПТ, считали Наздратенко человеком, который будет выполнять их распоряжения. Но, заняв пост, он расширил личные полномочия, устранив многих бывших покровителей, и установил контакты с организованной преступностью края. Когда появилась возможность путешествовать, жители Приморья старались попасть в Японию, чтобы купить подержанные машины. Владивосток вскоре стал центром торговли японскими машинами, и преступники начали встречать паромы из Японии, заставляя каждого покупателя платить «налог» за приобретенную машину. В конце 1980-х годов Сергей Бауло (Баул), авторитет Дальнегорска (где Наздратенко, перед тем как быть избранным в Верховный Совет, был президентом горнодобывающей компании «Восток»), перебрался во Владивосток и занялся рэкетом. Когда Наздратенко стал губернатором, Бауло снял офис в здании театра им. Горького, расположенного напротив здания краевой администрации, и вскоре занялся рэкетом в городе. В последующие несколько месяцев в ходе кровавого раздела сфер влияния были убиты девять высокопоставленных чиновников. К тому времени, когда битва была закончена, Бауло стал неофициальным «вицегубернатором» преступного мира Приморья.

Наздратенко стал требовать, чтобы директора завода занимались бизнесом с фирмами, созданными криминальными структурами, и выплаты этих фирм поступали в администрацию края. Администрация основала густую сеть посреднических фирм, которые делали закупки, используя бюджетные средства. Эти фирмы поднимали цены в крае на все, начиная с бензина и угля и кончая сахаром, хлебом и электричеством. При этом «прибыль» получали чиновники края. В обмен на взятки они почти даром сдавали в аренду преступным и полупреступным группировкам недвижимость, расположенную в стратегически важных пунктах. За взятки власти края выдавали преступным группировкам лицензии на эксплуатацию природных ресурсов Приморья. Наиболее прибыльными были квоты на рыбу; получившим их предоставлялось бесконтрольное разрешение на ловлю рыбы, и они многократно окупали «стоимость» лицензии, продавая улов иностранным судам в открытом море. Затем прибыль поступала на счета в иностранных банках.

К началу 1994 года администрация края подчинила себе экономику Приморья, а с началом приватизации во Владивостоке она получила возможность умножать свое богатство неограниченно. В июне 1993 года депутат парламента края Виктор Черепков был выбран мэром Владивостока, победив 18 других кандидатов и набрав 67 % голосов. В прошлом морской капитан, Черепков прославился тем, что за три месяца до выборов рассказал о жестоком обращении с матросами на морской базе, расположенной на острове Русский близ Владивостока, где четыре матроса умерли от голода и почти тысяча была госпитализирована из-за плохого питания.

Избрание Черепкова пришлось на благоприятное время. В октябре 1993 года Ельцин распустил парламент страны, и администрация края собиралась приватизировать здания, заводы, рыбные и морозильные суда и портовые станции без законодательного надзора. Многие из этих учреждений, однако, находились во Владивостоке, что означало, что процесс приватизации не может продолжаться без согласия мэра. Черепков дал понять, что готов бороться с коррупцией, и отказался принимать любые подношения. Более того, он предъявлял федеральным органам власти факты о злоупотреблениях администрации края, после чего в Приморье приехали первые следственные комиссии.

Реакция администрации края не заставила себя долго ждать. Это привело к одному из самых странных событий в истории Приморья, но с далеко идущими последствиями.

Как только Черепков занял свой пост, он стал принимать у себя граждан, выслушивая их просьбы. За две недели 1115 человек записались к нему на прием, и он принимал людей с 10 часов утра до 3.30 следующего дня. 6 февраля 1994 года к Черепкову пришел человек по фамилии Волков, который представился как ветеран войны в Афганистане и попросил помещение для организации ветеранов в Приморье. Черепков попросил свой персонал уделить внимание этой просьбе, и четыре дня спустя Волков вошел в офис Черепкова, чтобы поблагодарить его за помощь. Затем он снял с себя берет и бросил его на стол Черепкова. Позже он утверждал, что в берете лежали деньги.

11 февраля 200 милиционеров окружили мэрию для обыска кабинета Черепкова. Во время обыска они обнаружили листок бумаги, в который, по словам Волкова (который оказался Валерием Бугровым, старшим лейтенантом милиции), были завернуты деньги, которые он дал мэру. В то же время обыск проводился в доме Черепкова, где в рваном кармане старого пальто милиция обнаружила в конверте миллион рублей, а также швейцарские часы «Омега» на книжной полке.

В 5 часов утра Черепков был смещен с поста мэра и отвезен к городскому прокурору Вячеславу Ярошенко, который должен был выдать ордер на его арест. Однако Ярошенко отказался и, возможно, этим спас жизнь Черепкову; Черепкова предупредили, что готовится его убийство в тюремной камере, которое выглядело бы как самоубийство. Смещение Черепкова с поста мэра сопровождалось «чисткой» в городской администрации; за одну ночь были уволены 126 человек. Милиция выбивала двери, спускала служащих с лестницы и забирала ключи и компьютерные диски. Многие чиновники были смещены на следующее утро по указам Константина Толстошеина, чиновника, известного своими связями с организованной преступностью края, которого Наздратенко назначил вместо Черепкова. Но принудительное смещение избранного мэра вызвало протесты во Владивостоке, и в итоге дело Черепкова было передано из рук местного прокурора в ведение Генерального прокурора в Москве, и последний начал расследование. В результате подозрения с Черепкова были сняты и было возбуждено уголовное дело против следователя Владимира Дудина и трех милиционеров, сфабриковавших обвинение. Но сведения, добытые Генеральным прокурором, имели мало значения для Наздратенко. Он обратился к президенту с требованием уволить Черепкова, несмотря на имеющееся опровержение, и 23 декабря 1994 года Ельцин подписал указ об увольнении Черепкова в связи с «длительным невыполнением

своих обязанностей». Указ был подготовлен с помощью покровителей Наздратенко в Москве, в число которых входил Александр Коржаков.

Черепков уехал в Москву, где следующие полтора года боролся за свое восстановление в должности. Тем временем Наздратенко превратил Приморье в мини-государство с тоталитарным режимом. С уходом Черепкова Наздратенко решил подчинить себе прессу. В июле 1994 года в телестудию Приморского коммерческого телевидения (ПКТВ), которая находилась в оппозиции Наздратенко, ворвались бандиты. Они уничтожили оборудование и убили механика. Они же стреляли в окна квартиры Михаила Вознесенского, спецкора ОРТ; а Алексея Садикова, молодого радиорепортера, который в своем репортаже высмеивал Толстошеина, похитили из Владивостока, избивали и мучили в течение 24 часов.

Пелена страха, знакомого жителям Приморья с давних времен, нависла над краем. Разговоры об администрации края велись только шепотом. Критические статьи о Наздратенко исчезли из местной прессы. Жители Владивостока, если их приглашали выступить по радио, называли только свои имена или не называли себя вообще. Полночная тишина Владивостока теперь часто нарушалась звуками пальбы и взрывов. Газеты кишели новостями о жестоких убийствах местных «бизнесменов», а по улицам шли бесчисленные погребальные процессии с десятками дорогих машин, движущихся под аккомпанемент милицейских сирен.

Атмосфера страха парализовала милицию. Представители федерального правительства во Владивостоке боялись покровителей Наздратенко в Москве, а местные следователи опасались, что Наздратенко жестоко отомстит им.

В то же время разграбление Приморья приобретало огромные масштабы. Ниже приведены примеры коррупции, которые были документально подтверждены федеральными следователями.

1. 5 ноября 1994 года фирма «Транзит», основанная в Москве родственником Михаила Савченко, заместителя главы администрации края, заключила контракт с китайской фирмой на покупку 250 000 тонн угля по цене 12 долларов за тонну. Два дня спустя был подписан второй контракт между фирмой и администрацией края на покупку тех же 250 000 тонн, но по цене 16,49 доллара за тонну. Разница, равная 4,49 доллара за тонну, принесла прибыль «Транзиту», равную 1 122 500 долларов. Оплату было сложно оправдать на основании реальных действий «Транзита». Китайцы доставили уголь к русско-китайской границе, а «Транзит» организовал только его перевозку в российский пограничный город Полтавку. Оплата за китайский уголь также производилась заранее, так что «Транзит» успел собрать проценты на эти деньги, кроме того, «Транзит» был освобожден от таможенных пошлин на основании того, что поставка угля производилась как часть помощи затопленным районам Приморья в сентябре.

2. В апреле 1994 года администрация края одобрила беспроцентный заем 1,4 млн. долл. фирмы «Интерфлот», которая была основана Александром Захаренко (Захар), бизнесменом, имеющим тесные связи с Наздратенко и организованной преступностью. Мнимой целью займа была покупка крабов и икры, «чтобы накормить бедных». Икра и крабы, однако, так и не были получены, а деньги не были возвращены. Когда чиновников края спросили, что случилось с продуктами, им ответили, что продукты пропали в связи с землетрясением в Кобе (Япония).

Тем не менее Захаренко арестовали. После двух месяцев, проведенных в тюрьме, его освободил суд Ленинского района по ходатайству Наздратенко. Несколько дней спустя он был убит бомбой, взорвавшейся у входа в его дом.

3. В ноябре 1994 года администрация края стала закупать продукцию нефтеперерабатывающего завода Комсомольска-на-Амуре, где цена была на 30 % выше, чем та, которая была назначена бывшим поставщиком в Восточной Сибири. Закупки были сделаны фирмой «Представитель» от лица Михаила Чечельницкого, возглавлявшего департамент топливных ресурсов края — и частичного владельца фирмы. Первые выплаты края «Представителю» составляли 2,8 млрд. рублей (849 000 долл.). Однако ревизия банковского счета фирмы показала, что она потратила всего лишь 1,2 млрд. рублей на покупку нефтепродуктов. Что произошло с остальными 1,6 млрд. рублей, так никогда и не было выяснено.

Обнаружение дефицита, казалось, предвещало расследование всей системы закупок нефти и нефтепродуктов в Приморье. Чечельницкий стал бы главной фигурой в таком расследовании. 28 декабря 1995 года его пригласили на чашку чая в офис Наздратенко. Несколько часов спустя он неожиданно скончался в возрасте 38 лет. Согласно данным вскрытия, он умер от сердечного приступа, но многие считали, что его отравили. Год спустя в Москве возобновился интерес к злоупотреблениям властью Наздратенко, были произведены эксгумация тела Чечельницкого и новое захоронение, появились слухи о том, что тело кремировали во избежание новых экспертиз после эксгумации. К концу 1994 года истощение бюджета края породило жестокий финансовый кризис. Учителя, врачи и другие государственные служащие сидели по нескольку месяцев без зарплаты, необходимое обслуживание отсутствовало, и больницы, школы и детские дома больше не получали продовольствия.

Влияние коррупции также распространилось на угледобывающие районы. Поскольку администрация края забрала деньги федерального правительства, которые предназначались «Дальэнерго», государственной компании-производителю электроэнергии, и использовала их, вместо того чтобы залатать бреши в бюджете края, вызванные коррупцией, «Дальэнерго» прекратил выплату зарплаты шахтерам. Шахтеры устраивали забастовки в конце 1994 года и объявляли голодовки в 1995 году. В итоге они перестали поставлять уголь на электростанции. В результате в Приморье отключали электричество, отопление и воду.

В начале 1996 года бывали дни, когда электричество во Владивостоке отключали на 23 часа в сутки.

В такие дни люди возвращались домой и обнаруживали, что нет ни тепла, ни света. Первым делом они зажигали свечи или керосиновые лампы. Затем подогревали в темноте еду на газовых плитах. Пищу, как правило, готовили предыдущим вечером. В

какой-то момент в здании загорался свет и раздавались крики: «Включили!» Люди бросались включать все, что только можно: плиты, чайники, холодильники, обогреватели, стиральные машины и телевизоры, — чтобы принять душ, приготовить еду, постирать одежду.

Хаос повседневной жизни коснулся всех. Люди боялись заходить в лифт в страхе застрять на несколько часов в коробке, подвешенной на высоте девяти этажей. Сложно было помыться, постирать и погладить белье, сделать самые простые дела и создать нормальные условия жизни для себя и своей семьи.

Те, кто мог себе это позволить, покупали генераторы, которые обычно хранили на балконах, но завистливые соседи часто жаловались на шум. Ходили слухи, что в зданиях, которыми владели «новые русские», электричество никогда не отключали. Больше всего жителей города приводила в ярость световая реклама отелей, ресторанов и казино, которые работали круглосуточно. Цены поднялись в семь раз, но большинство людей не понимало причин этого. Несложно было догадаться, что произойдет, когда в один прекрасный день люди потеряют терпение и не будут довольствоваться «выпуском паров» и проклятиями в адрес властей.

В июне 1996 года политическая ситуация неожиданно изменилась: Ельцин уволил Коржакова, Михаила Барсукова (главу ФСБ) и Олега Сосковца (заместителя премьер-министра) и назначил Анатолия Чубайса главой Администрации Президента. Эта перемена имела важное значение для Приморья, поскольку Коржаков был главным покровителем Наздратенко в Москве, а Чубайс — его давним врагом. Чубайс вскоре предпринял некоторые меры, ограничивающие всевластие Наздратенко. 5 августа кремлевский представитель объявил журналистам, что 60 млн. рублей, предназначенные на зарплату шахтерам в Приморье, были переведены и положены на банковский счет под проценты в банках, чьи владельцы были друзьями Наздратенко.

14 августа Черепков, который в течение многих месяцев вновь и вновь пытался оспорить президентский указ о его смещении с поста мэра, неожиданно был восстановлен. Московский суд постановил, что Ельцин, увольняя Черепкова, нарушил восемь статей конституции, три федеральных закона и пять собственных указов. Через некоторое время Черепков вернулся во Владивосток, несмотря на предупреждения, что его убьют сразу же, как только он сойдет с самолета. Возвращение Черепкова во Владивосток позволило продолжить борьбу с Наздратенко. Находясь под круглосуточной охраной, Черепков попытался прекратить злоупотребления городскими фондами, и вначале ему это удавалось. Он ослабил энергетический кризис во Владивостоке, добившись закупки угля непосредственно на шахтах и доставки его на электростанции в обмен на электричество, минуя «Дальэнерго». В результате город пережил зиму с наименьшими потерями.

Но первоначальные успехи оказались временными. Такие попытки работать непосредственно с электростанциями были прекращены, когда «Дальэнерго» под давлением администрации края запретил электростанциям принимать уголь из города. Наздратенко также перестал поддерживать Владивосток, выплачивая лишь самые необходимые платежи из бюджета края. В 1997 году деньги, выделенные городу администрацией края, составили лишь 14 % бюджета края, несмотря на то что население Владивостока составляло более 30 % его населения.

В результате даже в начале 2000-х годов жители города переживали такие экономические трудности, каких не было здесь даже в суровые дни Великой Отечественной войны. К сожалению, этот случай далеко не единственный в России.

Опасности для путинской России

В 1999–2001 годах, после десятилетия неуклонного спада экономики, благодаря возросшей в три раза цене на нефть и девальвации после финансового кризиса в августе 1998 года, в России впервые появились признаки экономического роста.

Майкл Биньон, корреспондент лондонской газеты «Таймс», писал: «Многие россияне никогда не жили так хорошо… Путин пожинает плоды своей решимости изменить Россию. Снова он был выбран в России человеком года».

Биограф Ельцина Леон Арон писал в «Уикли Стандарт»: «Революция, проведенная Ельциным, стала необратимой… В 1990 году на 100 семей было 18 машин; в 2001 году — 42. Дефицит продовольствия и повсеместные очереди советской эпохи забыты. Повсюду можно купить свежие и вкусные продукты. Впервые с конца 1920-х годов Россия не только кормит свой народ и развивает животноводство, но и стала экспортером зерна».

Андерс Аслунд, экономический консультант и автор многих статей, писал в «Москоу таймс»: «В то время как другие страны оказались в кризисной ситуации, в России наблюдается резкий подъем… Пришло время признать, что Россия — страна, которая решает свои проблемы с такой эффективностью и скоростью, которым страны Запады могут только позавидовать».

И действительно, были некоторые основания для таких лестных отзывов. Экономическое положение России немного улучшилось. Выпуск продукции легкой промышленности, например, увеличился с 12 % от уровня 1990 года до 18 %, капиталовложения — с 22 до 27 %, а средняя заработная плата достигла 100 долл. в месяц, что было значительным достижением, хотя она составляла две трети от уровня заработной платы до финансового кризиса в августе 1998 года.

Положение России, однако, нельзя охарактеризовать только этими цифрами. Несмотря на них (возможно, они бы выглядели лучше, если бы из-за войны на Ближнем Востоке не поднялись цены на нефть), перед Россией до сих пор стоят серьезные проблемы, угрожающие ее стабильности и ставящие под сомнение ее будущее. Процесс реформ проходил без осознания роли высших ценностей, и в результате этого в России образовался нравственный вакуум. В итоге России угрожают три опасности: диктатура, экономический крах и сокращение численности населения, которые определяют условия существования страны и, несмотря на колебания, могут сохраниться в обозримом будущем.

Опасность диктатуры в России вытекает из того, что, несмотря на прошедшие выборы и широкую популярность Путина в настоящее время, демократия является фактором конъюнктуры, а не базируется на нравственных ценностях всего общества. Россия может немедленно перейти к диктатуре, если нынешняя олигархия почувствует серьезную угрозу.

Возможность появления диктатуры в будущем была продемонстрирована некоторыми поступками Путина после его вступления в должность, и все они отражают склад ума, характерный для лидера полицейского государства.

Путин предпринимал шаги по установлению своего культа личности. В России появилась детская азбука, иллюстрированная фотографиями Путина в детстве, а также скульптуры Путина и картины с изображением президента, смотрящего из Кремля на Москву-реку, совсем как Сталин или Ким Ир Сен. В то же время официальные лица в Администрации Президента основали молодежное движение сторонников Путина под названием «Идущие вместе», которое заявило о себе митингом в защиту Путина у Кремлевской стены. На митинге молодые люди в футболках с изображением Путина несли лозунги со словами: «Вместе с президентом!» и «Молодежь следует за президентом!».

Членам молодежной организации «Идущие вместе» было предписано читать по крайней мере шесть произведений русской классики в год и посещать места боевой славы. Они занялись также «очищением русской литературы». Группа осудила современные произведения с реалистическими описаниями жизни в нынешней России и предложила заменить их сборниками рассказов о победах Красной армии во Второй мировой войне.

В дополнение зарождающемуся культу личности, при Путине была ограничена свобода слова: были закрыты независимые каналы НТВ и ТВ-6, единственные национальные каналы, не подчинявшиеся государственному контролю. В обоих случаях государственные энергетические компании оказывали финансовое давление на руководство каналов.

В случае с НТВ поводом для таких действий, по-видимому, стал показ накануне президентских выборов «тренировочных учений» в Рязани. Предполагалось, что из-за этой передачи шансы Путина на победу уменьшились, и сразу вслед за этим последовали действия против владельца канала Владимира Гусинского. В мае 2000 года вооруженные агенты налоговой службы в масках совершили налет на центральный офис Медиа-МОСТа, холдинговой компании, которой принадлежал канал НТВ, и обвинила службу безопасности Гусинского в подслушивании. В июне Гусинский был арестован и помещен в Лефортовскую тюрьму по обвинению в хищении, совершенном после приватизации фирмы «Русское видео». После освобождения из Лефортова Гусинский передал Медиа-МОСТ Газпрому в обмен на 473 млн. долл., которые был ему должен, и 300 млн. долларов наличными. Было заключено соглашение о снятии с Гусинского обвинения в коррупции и возвращении свободы передвижения, которое в числе других подписал Михаил Лесин, министр печати и информации в правительстве Путина.

Евгений Киселев, бывший руководитель телеканала, вместе с группой журналистов-единомышленников перешел на канал ТВ-6, 75 % которого принадлежало Борису Березовскому. Этот канал продолжал сообщать важные новости, касающиеся правительства. В мае 2001 года пенсионный фонд российского нефтяного гиганта «ЛУКОЙЛ», «ЛУКОЙЛ-Гарант», владевший 15 % ТВ-6, что составляло наименьшую часть канала, находившегося в собственности государства, возбудил дело о банкротстве, требуя ликвидации станции, поскольку ее долги превысили ее активы. ТВ-6 заявлял о своей рентабельности согласно западным

бухгалтерским меркам. Тем временем закон, позволяющий меньшинству акционеров вести дело о банкротстве компании, истек 1 января 2002 года.

Тем не менее 11 января 2002 года Высший арбитражный суд, отклонив решение апелляционного суда, признавшего недействительным решение нижестоящего суда, приказал ликвидировать станцию. 14 января ведущего ток-шоу на ТВ-6 прервали на полуслове и вместо этого на экране появилась техническая таблица и слова «Нас победили». После этих действий, направленных против последних двух независимых телеканалов, общероссийские телеканалы, главный источник информации для большинства россиян, впервые с наступления постсоветской эпохи стали монополией правительства.

Кроме опасности возвращения к диктатуре, Россия стоит перед опасностью экономического краха.

Во-первых, Россия сильно зависит от мировых цен на нефть. Увеличение цены на нефть на 1 доллар приносит государственному бюджету, грубо говоря, доход в 1 млрд. долл. и самым непосредственным образом влияет на способность правительства распределять бюджет, платить государственным служащим и выплачивать долги России иностранным государствам.

В то же время Россия стоит перед лицом полного развала своей экономической инфраструктуры. Согласно проведенным оценкам, модернизация российской экономики обойдется в 2 триллиона долларов. Россия нуждается в модернизации всего, начиная с домов и телефонов и кончая дорогами, заводами, атомными электростанциями и плотинами. Больше половины оборудования российской электрической системы нуждается в замене, так же, как и примерно половина подвижного состава ее железных дорог и около 60 % оборудования, используемого в нефтяной промышленности. Если при таких обстоятельствах в одно и то же время упадут цены на товары и начнется развал важнейших составных частей российской инфраструктуры, нет гарантий, что в России сохранится экономическая стабильность.

В докладе о социально-экономическом положении в России шведского Института оборонных исследований в Стокгольме сообщается о возможном экономическом крахе в России. И хотя последовательность событий, представленная в докладе, исходит из самых неблагоприятных условий, все же это следует иметь в виду. По шведскому сценарию падение цен на сырье на мировом рынке способствует возникновению экономического кризиса. Далее: «экономическая ситуация постепенно ухудшается. В результате ряда катастроф, подобных чернобыльской, правительство окажется не в состоянии сохранять основную инфраструктуру. При существующих обстоятельствах дефицит бюджета резко возрастает, и в соответствии с этим растет инфляция. Международный валютный фонд отказывается давать новые кредиты. Иностранный и российский капитал утекают из России, которая заметно сокращает свои капиталовложения.

Постоянно сокращается импорт, и снабжение страны продовольствием оказывается под угрозой, поскольку производство в агропромышленном секторе продолжает уменьшаться. Новая Дума, а также консервативный и авторитарный президент пытаются спасти положение частичным возвратом к административно-командной системе. Это приводит к еще большему кризису экономики и падению курса рубля.

Резко возрастает экспорт валюты, и происходит почти полное изъятие денег из обращения, при этом 90 % торгового оборота происходит в форме бартера. Повсеместно распространена бедность, и 70 % людей живут на зарплату ниже прожиточного минимума. Те, у кого есть возможность, эмигрируют на Запад. Положение России оказывает влияние на экономику развивающихся стран Азии и Южной Америки, которые поразил новый кризис. В результате зарубежные страны уже не хотят иметь дело с российскими проблемами.

Итогом катастрофического неурожая и истощения запасов стал повсеместный дефицит продовольствия, и все больше людей перебирается в центр России, а также в соседние страны. Внешний мир реагирует на это закрытием своих границ и посылкой небольшого количества гуманитарной помощи, но эти меры мало что меняют».

Третья и в некотором смысле наиболее серьезная опасность, с которой сталкивается Россия, — это уменьшение численности ее населения.

В России один из самых низких уровней рождаемости в мире, а уровень смертности — как во время войны. По мнению Игоря Гундарова, директора Российского государственного центра профилактической медицины, если современное положение вещей будет сохраняться, население России через 80 лет уменьшится в два раза и достигнет 73 миллионов и в таком виде, в каком российское государство находится сейчас, оно станет непригодным для жизни. За годы реформ в России, не считая Чечни, не было случаев массовой резни. Тем не менее данный период не обошелся без жертв. Увеличение уровня смертности за период реформ привел к 5 миллионам преждевременных смертей — страшное свидетельство платы за «шоковую терапию».

Вначале резкое увеличение уровня смертности объяснялось как результат внезапного обнищания населения. Однако рост смертности нельзя было объяснить одной лишь бедностью. Экономический уровень в 1990-е годы упал до уровня 1960-х годов, но в 1960-е годы уровень смертности в СССР был самым низким среди развитых стран мира. В Москве, где уровень жизни в 1990-х годах был в 1,5 раза выше, чем в остальной части России, уровень смертности стал в 2 раза выше (10 на 1000 в Москве по сравнению с 6 на 1000 по России в целом). Уровень смертности также был выше в России, чем в бывших советских республиках, с гораздо более низким уровнем жизни, например в Грузии, Узбекистане и Туркменистане.

В заключение Гундаров отметил, что бедность, поощряемый государством алкоголизм и ухудшение системы здравоохранения лишь на 20 % виновны в сокращении продолжительности жизни в России. Оставшиеся 80 %, по его мнению, связаны с

духовным кризисом общества из-за отсутствия новых идеалов в российском обществе после падения коммунизма. «Продолжается попытка «трансплантации душ» и замены старой, не привыкшей к рыночной экономике души новым деловым прагматичным подходом к жизни, — писал Гундаров. — У многих отсутствуют идеалы, ради которых следует меняться. Для многих россиян, которым нужно для чего-то жить, происшедшая в обществе перемена была непереносима, и они потеряли волю к жизни, потому что она больше не имела никакого смысла».

На самом деле решающее влияние духовных факторов на уровень смертности не было чем-то новым для России. В 1943 году, несмотря на тяготы войны, уровень смертности среди гражданского населения был вдвое ниже уровня смертности 1939 года. Причина заключалась в том, что после Сталинградской битвы появилась вера в окончательную победу.

После Второй мировой войны уровень смертности сократился вдвое, несмотря на экономический беспорядок. У людей было приподнятое настроение благодаря надеждам на новую жизнь. Уровень смертности снова начал расти только после завершения «хрущевской оттепели», когда в советском обществе стало распространяться чувство разочарования. В 1970-е годы, когда экономическое положение было довольно благоприятным, но не было надежды на перспективные изменения, смертность стала расти.

Когда к власти пришел Горбачев и начал свою политику гласности и перестройки, уровень смертности упал на 40 %. Несмотря на сложности экономического положения, сопровождающегося дефицитом продуктов и длинными очередями, наблюдался эмоциональный подъем в ответ на дарованную свободу слова и открытие границ.

Катастрофический рост смертности, начавшийся в октябре 1991 года, был настолько сильным, что сначала западные демографы даже не поверили этим цифрам, продолжался до 1994 года. В середине 1990-х годов уровень смертности упал, но лишь временно. После финансового кризиса в августе 1998 года он снова достиг уровня 1994 года, численность населения в 1999 году упала почти до 800 000 человек. В 2000 году число рождений в России упало до 750 000, а в первые шесть месяцев 2001 года — до 458 400 человек. На Митинском кладбище в Москве участки, покрытые надгробными памятниками, тянутся до самого горизонта. Корреспондент «Москоу Ньюс» разговорился с могильщиком, который сказал ему: «Даже невооруженным глазом видно, что количество смертей не стоит на месте. Сейчас умирает гораздо больше молодых людей, моложе 50 лет». Из-за высокого уровня смертности среди мужчин трудоспособного возраста в России непрерывно увеличивается доля нетрудоспособного населения — детей, инвалидов и пенсионеров.

Сокращение населения России также имеет геополитическое значение. Плотность населения в Европейской части России составляет 8,5 человека на квадратный километр, в 3 раза меньше, чем в Соединенных Штатах, в 14 раз меньше, чем в Китае, в 17 раз меньше, чем в Западной Европе, и в 38 раз меньше, чем в Японии. В Сибири плотность населения составляет 2,5 человека на квадратный километр. Если население России будет продолжать уменьшаться, соседним странам будет сложно противостоять искушению захвата пустых территорий; и даже без открытого присвоения территорий Россия будет вынуждена приглашать иностранных граждан, чтобы те помогали ей в жизненно важных отраслях промышленности.

Опасность новой диктатуры, краха экономики и надвигающейся демографической катастрофы заслоняет заметные изменения в экономическом положении России, которые непосредственно связаны с ценами на нефть.

Эти угрозы вызваны моральным вакуумом в российском обществе, и до тех пор, пока существует этот вакуум, будущее страны будет в опасности.

Как в России, так и в странах Запада существует тенденция говорить об успехах России только в экономических терминах. К сожалению, проблема России заключается в том, что в российском обществе отсутствует нравственная основа, и те, кто стоит у власти, часто интерпретируют свободу как возможность делать то, что они хотят, независимо от благополучия других. При таких условиях обыкновенные граждане не способны защитить свое достоинство, и униженность человека является основной причиной неблагополучия всей России.

Многие дискуссии об опыте реформ в России касались относительных достоинств «шоковой терапии» по сравнению с правительственными постановлениями. Но если 145 миллионам людей регулярно демонстрируют, что лучший способ приобретения собственности — это кража ее, такие диспуты имеют мало смысла. Любая экономическая мера, проведенная в такой обстановке, будет тут же извращена безнравственностью общества и его политической системы.

Вместо послесловия

Итак, близоруко ли это — оценивать российский прогресс на основе сугубо внешних материальных критериев?..

После многих лет бурных перемен в России Москва переживает «бум»: некоторые московские районы выглядят просто по-западному. Главная артерия Москвы — улица Тверская — заполнена прогуливающимися туристами, автомобилями самых последних моделей и открытыми кафе. В кофейнях на улице Новослободской не найти свободного столика; в новом российско-китайском торговом центре «Дружба» также полно народу. По всему городу восстановлено множество красивейших зданий архитектуры XIX века; по ночам подсвеченные иллюминацией фасады зданий и сверкающие купола православных церквей создают атмосферу динамизма и возвращающегося российского величия.

Нынешний стиль московских улиц, столь разительно отличающийся от уныло-обветшалого однообразия коммунистических времен, очень нравится западным наблюдателям. К сожалению, однако, реальное положение вещей в России не определяется одним лишь внешним блеском. Реформы, изменившие московский городской ландшафт, проводились без учета высших ценностей и ввергли Россию в некий моральный вакуум. За фасадом относительного благополучия, ставшего возможным благодаря некоторым успехам в экономике, скрываются многие нерешенные проблемы: рост преступности, беззаконие, безразличие к человеческой жизни и глубокая духовная депрессия; все эти факторы являются источником угрозы долгосрочному выживанию России.

Основой всей жизни в стране служит правовой беспредел. Российский бизнес развивается по законам джунглей: все основные функции могут выполняться лишь под защитой оружия и силы.

Рост преступности в России ощущается как на уличном уровне — в терроре, развязанном против общества гангстерскими группировками, так и в коррумпированности клановых структур на самом верху власти. Миллионы граждан не чувствуют себя в безопасности, выходя на улицу. В России невозможно просто открыть свой бизнес. Этот бизнес должен иметь защиту — так называемую «крышу» — предоставляемую какой-либо криминальной группировкой от других криминальных группировок (или от себя самой) за определенный процент от дохода.

Система «крышевания» настолько четко отлажена в России, что целые регионы поделены между конкурирующими преступными сообществами, и граждане обращаются к бандитам за помощью в урегулировании проблем и возврате долгов. При этом моральные границы оказались настолько стертыми, что многие россияне рассматривают требование «отстегнуть» часть своей прибыли как нечто вполне законное.

Единственной реальной оппозицией криминальным группировкам являются правоохранительные органы.

Довольно долго гангстеры фактически держали монополию на рэкет; однако со временем, оценив размер возможных доходов, главы правоохранительных ведомств также занялись «крышеванием» бизнеса. Сегодня охранные фирмы, связанные с системой МВД, управлениями борьбы с организованной преступностью (УБОП) и Федеральной службой безопасности (ФСБ), также предлагают защиту платежеспособным клиентам — особенно в Москве. Официальная «крыша» имеет ряд преимуществ перед бандитской: милицейские чиновники реже предают своих клиентов; кроме того, в отличие от бандитов, их можно уволить.

Однако участие милиции в охранном рэкете подрывает само понятие правоохранительной деятельности и подспудно способствует общественному восприятию вымогательства как нормы жизни.

Если охранный рэкет господствует в российском бизнесе на «уличном» уровне, то правительство предоставляет «крышу» компаниям олигархов, которые имеют собственные службы безопасности и могут защититься от грубых бандитских «наездов». Когда реформы в России только начинались, деньги были сосредоточены в руках гангстеров и спекулянтов черного рынка, а собственность — в руках государственных чиновников. Следовательно, главной задачей каждого вновь открывающегося предприятия был подкуп чиновников. Успешная попытка подкупить одного государственного чиновника открывала возможности для подкупа других; и достаточно скоро Россия оказалась под контролем олигархических кланов, которые фактически стали платить зарплату правительственным структурам. В результате возникла страна, характеризующаяся, с одной стороны, массовой бедностью, а с другой — поразительной концентрацией богатств. Сегодня восемь олигархических групп контролируют 85 процентов стоимости 64 крупнейших российских частных компаний; доходы от продаж продукции 12 крупнейших частных компаний в совокупности равны доходам всего государственного сектора России.

Примером того, как действует такая система, стала деятельность МДМ — одной из самых мощных в России банковских групп. За годы пребывания Путина у власти МДМ скупала российские производственные предприятия, в том числе оборонные, с такой скоростью, которая была бы невозможна без поддержки со стороны правительства. В один прекрасный день МДМ положила глаз на «Невинномысский азот» — одного из крупнейших в стране производителей удобрений, имеющего ежегодную прибыль в 30 млн. долларов.

Однако директор завода Виктор Ледовский оказал МДМ сопротивление и создал фирму, через которую рабочие смогли покупать акции своего предприятия, и обратился к правительству с призывом не продавать свою долю собственности в предприятии, дающем неплохую прибыль.

В ответ на это налоговая полиция Ставропольского края обвинила Ледовского в организации схемы хищения денег у рабочих. Ледовский представил справку от Российского института государства и права о том, что его деятельность вполне законна и что

права рабочих соблюдены, но этот документ был оставлен без внимания. 4 июля 2001 г. Ледовского арестовали — якобы для того, чтобы не дать ему уехать из страны. Свидетельством его намерения перебраться за рубеж был билет на самолет до Мюнхена, купленный на его имя на 8 июля, т. е. через 4 дня после ареста. Когда Ледовский оказался за решеткой, Госкомимущества РФ получил возможность продать государственный пакет акций «Невинномысского азота» группе, представляющей интересы МДМ, всего за 25 млн. долларов — фактически по начальной цене.

Многие из основных олигархических кланов объединяла их связь с Борисом Ельциным и близкими ему людьми, известными под коллективным прозвищем «семья».

Однако после прихода к власти Путина «семья» оказалась лицом к лицу с сильным конкурентом — группой «питерцев», в основном состоящей из сослуживцев Путина и ветеранов разведслужб. Однако в целом обстановка не изменилась.

Одним из фаворитов Путина среди олигархов является Олег Дерипаска, директор корпорации «Русский алюминий», производящей около 80 процентов всего алюминия в России.

Джалол Хайдаров — один из бывших соратников Михаила Черного, партнера Дерипаски, известного своей близостью к криминальным группировкам, — дал интервью для Monde, в котором рассказал о механизмах работы этой системы:

«Вы спрашиваете, для чего «Русский алюминий» приобретал тот или иной завод. Они скажут вам, что были приобретены акции. Однако если посмотреть поближе, можно увидеть, что бывший акционер либо в тюрьме, либо признан «наркоманом», либо вообще исчез.

Когда я работал вместе с Михаилом Черным, группа ежегодно давала взяток на сумму от 35 до 40 млн. долларов. Всегда можно было купить судью, губернатора или закон. В начале 1990-х годов они убивали. Сейчас они предпочитают возбуждать уголовные дела и сажать людей в тюрьму. Они могут все».

Помимо беззакония будущему России угрожает то, что в российском обществе ни в грош не ставится человеческая жизнь. Это подтверждается многочисленными фактами из обыденной жизни. Сегодня в России ежегодно совершается 40 тыс. убийств — в три раза больше, чем в 1990 г.

По этому показателю Россия занимает второе место в мире (после Южной Африки). К сожалению, однако, официальные данные могут быть существенно занижены. По данным российских демографов, в дополнение к официально подтвержденным убийствам в России ежегодно регистрируется еще 40 тыс. насильственных смертей, причина которых (убийство или несчастный случай) не может быть установлена, плюс 20 тыс. случаев бесследного исчезновения людей.

Согласно журналу «Weekly», цифры по всем категориям насильственных смертей в России намного превосходят соответствующую западную статистику. При сравнении данных по России и Англии, например, выясняется, что гражданин России в пять раз больше, чем гражданин Англии, подвержен риску погибнуть в автокатастрофе, в 25 раз больше — случайно отравиться (обычно алкоголем), в три раза больше — погибнуть при случайном падении с высоты, в 31 раз больше — утонуть, в 7 раз больше — совершить самоубийство и в 54 раза — быть убитым.

Среди причин летальности российской жизни — и тот факт, что при попадании в смертельно опасную ситуацию россияне редко могут рассчитывать на своевременную помощь.

Помимо опасностей, ежедневно подстерегающих россиян в быту, неуважение к человеческой жизни в России проявляется и в готовности правительства жертвовать своими гражданами. В самом обобщенном смысле, это проявилось в сути программы экономических преобразований, которая была осуществлена без анализа ее возможных последствий для здоровья населения и сопровождалась пятью миллионами преждевременных смертей.

Как уже говорилось, высокие показатели смертности в постсоветской России — не случайность. Это следствие конкретной политики, которая свидетельствует о безразличии властей к жизни человека. Во-первых, правительство отменило все запреты на продажу алкоголя. В результате этого, несмотря на то, что покупательная способность среднего россиянина упала вдвое, по отношению к стоимости водки заработная плата возросла втрое. Эпоха дешевой водки совпала по времени с пиком приватизации, и последовавшее «одурманивание» населения способствовало снижению сопротивления криминальному разделу богатств страны, пусть даже ценой ухудшения здоровья населения.

Одновременно с этим государство не смогло обеспечить финансирование системы общественного здравоохранения. Впервые россияне должны были платить за многие медицинские услуги, начиная от необходимых лекарств и кончая экстренными операциями, необходимыми для спасения жизни людей. Отсутствие возможности платить за медицинскую помощь привело к росту смертности среди россиян. Государство оказалось не в состоянии обеспечить надлежащее финансирование даже таких больниц «скорой помощи», как Институт хирургии Вишневского, который простаивает, несмотря на рост показателей смертности.

О безразличии к человеческой жизни свидетельствуют и войны в Чечне, в ходе которых власти мало заботились о жизнях своих граждан, будь то российские солдаты, чеченцы или русские. Но трудно найти более яркий показательный пример безразличного отношения властей к гибели людей, чем их действия во время кризиса с захватом заложников в октябре прошлого года, когда 800 человек оказались в руках чеченских террористов в московском театре на Дубровке.

С момента захвата театра стало ясно, что все происходящее станет проверкой отношения государства к жизням своих граждан. Никогда еще раньше террористы не захватывали такое количество людей. Среди террористов было 18 камикадзе, обвязанных поясами смертников. Десятки зарядных устройств были установлены на опорах здания. Террористы грозились привести в действие эти взрывные устройства и уничтожить здание театра, если их требования не будут выполнены.

Когда разразился этот кризис, президент Путин заявил, что спасение жизней заложников — его главная задача и есть все предпосылки мирного разрешения конфликта.

Сначала террористы требовали прекратить войну в Чечне и вывести российских солдат, и эти меры, как свидетельствовали опросы общественного мнения, поддерживали 65 процентов российских граждан.

25 октября, на второй день кризиса, террористы даже согласились освободить заложников в обмен на заявление Путина об окончании войны и реальном выводе войск только из одной части Чечни.

Кроме того, и что, пожалуй, гораздо важнее, большинство взрывных устройств, в том числе огромная бомба в центре зала, начиненная 40 килограммами динамита, даже не были приведены в боевую готовность. Это дает основания полагать, что террористы вообще не собирались взрывать здание и убивать заложников.

Работники ФСБ знали о том, что многие взрывные устройства не приведены в готовность, поскольку среди заложников был сотрудник ФСБ, который по мобильному телефону передал своему руководству подробную информацию о количестве террористов и состоянии взрывных устройств.

Несмотря на тот факт, что переговоры были вполне возможны, российские власти, тем не менее, так и не сели за стол переговоров и, судя по всему, даже не рассматривали возможность серьезных политических переговоров с террористами. Власти не отреагировали на предложение о частичном выводе войск из Чечни; вместо этого они дали согласие на переговоры между террористами и представителем президента Виктором Казанцевым, которые должны были начаться в 11 часов утра 26 октября. Но это был всего лишь маневр для отвода глаз. В театр пустили отравляющий газ, и сотрудники ФСБ, и подразделения специальных формирований штурмовали здание за шесть часов до намеченного начала переговоров.

В результате получилось так, что во время штурма были убиты все террористы (41), причем большинство из них были застрелены, когда они находились без сознания. Число погибших заложников варьирует от 129 до 136 человек, причем 75 человек, которые предположительно находились в здании, до сих пор числятся пропавшими без вести. Все погибшие заложники, за исключение троих, умерли в результате отравления газом, который использовался для их «спасения».

Не только отказ от переговоров, но и характер спасательной операции позволяют предположить, что штурм был предпринят с целью уничтожения террористов, т. е. можно сказать, что жизни заложников занимали далеко не первое место в системе приоритетов властей. Врачам, прибывшим на место трагедии, не сообщили, что заложники были отравлены ядовитым газом, и не снабдили их необходимым антидотом, который нужно было ввести немедленно. Приказ об отправке машин «Скорой помощи» к зданию театра поступил через 45 минут после начала операции, в результате чего многих заложников пришлось доставлять в больницы на автобусах, микроавтобусах и машинах. В одном случае 30 заложников разместили в военном микроавтобусе, рассчитанном на 12 пассажиров, если считать лежащих на полу, и 13-летняя девочка просто была раздавлена насмерть под грудой других тел и умерла по дороге в больницу. Несмотря на то, что у московских органов здравоохранения было несколько дней, чтобы подготовиться к последствиям штурма, почти сто человек, которые погибли от отравления газом или от других причин, могли бы быть спасены, если бы спасательные мероприятия были организованы надлежащим образом.

Помимо криминализации и безразличия общества к ценности человеческой жизни, будущему России угрожает еще более фундаментальная проблема: глубокая моральная неудовлетворенность, которая свидетельствует на сегодняшний день о неспособности России найти новые моральные ориентиры после крушения коммунизма.

В основе коммунистического строя лежали «коммунистические ценности»: понимание того, что такое хорошо и что такое плохо, определялось классовыми интересами. В свете крушения коммунизма моральное единство общества можно было бы обеспечить только на основе общих ценностей. С практической точки зрения для этого были необходимы усилия православной церкви и, пожалуй, правительства. Однако церковь запятнала себя сотрудничеством с КГБ, а сменяющие друг друга правительства делали упор не на неприкосновенности личности, как основном источнике ценностей, а на прерогативах государства.

Историю православной церкви после крушения коммунизма можно назвать историей нереализованных возможностей. После неудавшегося коммунистического переворота 1991 года Глеб Якунин, священник-диссидент и депутат парламента, на короткое время получил доступ в отдел архивов КГБ, в которых высшие иерархи Московской патриархии числились агентами КГБ. Самым главным агентом КГБ был сам патриарх Алексий II. Якунин обратился с Алексию с письмом, в котором призвал его и других церковных лидеров опровергнуть обвинения в сотрудничестве или попросить о прощении, указав на то, что «народ все простит». Но только архиепископ Литовский Хризостром имел мужество признать, что он был агентом КГБ, и сообщил свою кличку — Реставратор. Все остальные запятнавшие себя церковные лидеры предпочли хранить молчание.

После перехода к капитализму церковь предпочла незамедлительно воспользоваться плодами официальных привилегий, в том числе правом на беспошлинный импорт алкоголя и табачных изделий и торговлю алмазами. Нет ничего удивительного в том, что это дало толчок к повсеместной коррупции. Несмотря на то, что церковь жаловалась на отсутствие средств на благотворительную деятельность и религиозное образование, ее коммерческая деятельность приносила огромные доходы,

которые затем куда-то исчезали. Например, в 1995 г. Николо-Угрешский монастырь, который напрямую подчинялся Патриархии, заработал 350 млн. долларов на продаже алкогольных напитков, а департамент патриархии по связям с церквями за рубежом получил 75 млн. долларов от продажи табака. Но данным Патриархии, ее годовой бюджет в 1995–1996 гг. составил всего 2 млн. долл.

В таких условиях роль религии как источника морального возрождения неизбежно была крайне ограниченной. Церковные лидеры преследовали свои коммерческие интересы, чем, в свою очередь, подавали пример простым священникам, которые развивали свой, получивший благословение бизнес, создавали банки, строили дома, покупали автомобили и за определенную плату изгоняли «нечистую силу». В то же время церковь не позволяла себе играть хоть мало-мальски политическую роль, храня молчание в связи с такими очевидными проблемами морали, как повсеместная коррупция и убийство мирных жителей в Чечне.

Государство тем временем продолжало разрушать моральные устои нации, стремясь доказать законность нового авторитарного правления за счет прославления государственной власти. Одной из составных частей этих усилий является культ личности, который был создан вокруг Путина. Сначала в России появилась детская азбука, иллюстрированная фотографиями Путина в детском возрасте. За этим последовало массовое производство скульптурных и портретных изображений президента, простирающего свой взор из Кремля над Москвой-рекой — в духе Сталина и Ким Ир Сена. Затем, по случаю пятидесятилетия Путина, группы молодежи стали воспевать ему хвалебные гимны, что широко освещалось в прессе. Среди подарков ко дню рождения Путина были хрустальный крокодил из Молдавии, медленно растущая сибирская ель из Томска, копия шапки царя Мономаха и украшенная бриллиантами золотая корона. В его честь назвали горную вершину в Киргизии.

В конечном счете, Россия сможет преодолеть системные проблемы, которые ставят под угрозу ее будущее, только на основе уважения человеческого достоинства и формирования приоритетного отношения к духовным ценностям, основанным на равенстве перед законом.

Русский религиозный философ Николай Бердяев писал, что в душе русского народа должны появиться постоянная религиозность и постоянная мораль, для которых высокое духовное начало создает внутри себя преобразующее и творческое начало. В этом он видел надежду на будущее. Русский народ, писал он, должен обогатиться за счет новых ценностей и заменить «славянскую религиозную и социальную философию» на «свободную религиозную и социальную философию». Ему необходимо признать святость человеческих добродетелей справедливости и чести. В этот момент, утверждал он, произойдет победа творческих инстинктов над хищническими инстинктами.

Нам и русскому народу остается только ждать, когда этот момент наступит.

Литература

• *Aron L.* Putin's Progress: Russia Jons the West // Weekly Standard. 2002. Feb 7.

• *Aslund A.* The Russian Success Story // Moscow Times. 2002. Feb 7.

• *Beaver P.* Darkness, Dampness, and Cold //Times. 1999. Aug. 16. *Belin L.* Ten Ironies of the NTV Saga // RFE/RL Russian Political Weekly. 2001. Ap. 16.

• *Bernstein J.* Watergate: Day at the Beach // Moscow Times. 1996. Nov. 22.

• *Binyon M.* Booming Russia Has a Happy Christmas // Times. 2002. Jan 7.

• *Bivens M., Bernstein J.* The Russia You Never Met // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Demokratization. 1998. № 6.

• *Duparc A., Ivanidze V.* Iouri Loujkov et «Sistema», ou I'archetype de I'oligarchie muscovite // Le Mond. 1999. Fev. 26.

• *Elliot L., Satter D.* Three Days, That Shook the World // Reader's Digest. 1992. Jan.

• *Felgenhauer P* Time to Let Go of the Past // Moscow Times. 2000. Nov. 9.

• *Freeland K.* Sale of the Century: Russia's Wild Ride from Communism to Capitalism. New York: Crown-business, 2000.

• *Glinkina S., Grigoriev A., Yakobidze V.* Crime and Corruption // The New Russia: Transition Gine Awry / Ed. by L. R. Klein, M. Pomer. Stanford: Stanford Univ. Press, 2000.

• *Graff* P Russian Closure of Independent Television Sparks Wide Concern // Reutes. 2002. Jan. 22.

• *Jensen D. N.* How Yuri Luzhkov Runs Moscow // Johnson's Russia List. 1999. Nov. 20.

• *Klebnikov P.* Godfather of the Kremlin: Boris Berezovsky and the Looying in Russia. New York: Harcourt, 2000.

• *Lasswell H.* Propaganda Technique in the World War. New York: Garland, 1972.

• Lost Russian Submarine Continues to Generate Controversy // Jamestown Foundation Monitor. 2000. Dec. 4.

• *Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democraty. Washington, D.C.: US Inst, of Peace Press, 2001.

• Russia is Said to Have Known of Sub Flaw // New York Times. 2001. Feb. 23.

• *Saradzhyan S.* After One Year, Blast Probe Still Drags on // Moscow Times. 2000. Sept. 15.

• *Satter D.* Age of Delirium: The Decline and Fall of the Soviet Union. New Haven: Yale Univ. Press, 2001.

• *Shenfield S.* On the Treshold of Disaster: The Socio-Economic Situatuin in Russia // Johnson's Russia List. 1998. July 2.

• *Shenfield S.* On the Treshold of Disaster; *Feshbach M.* Russia's Population Meltdown (Wilson Quarterly) // Johnson's Russia List. 2001. Jan. 11.

• *Weir F.* A Slow Descent, . 1997. Sept. 25

• *Weir F.* On Kursk, a New Caring Kremlin // Christian Science Monitor. 2000. Nov. 2.

• *Аманова Н.* Россия — страна универсального взяточничества // Разбор: Приложение к «Аргументам и фактам». 1998. № 6.

• *Аслунд А.* Три основных источника богатства новых русских // Известия. 1996. 20 июня.

• *Бахрошин Н.* Кто взорвал Россию: зачем ФСБ пыталась взорвать сахар? // Версия. 2000. 22–28 фев.

• *Болошин П.* И вновь ФСБ — Гексоген, Рязань: история одной фальшивки // Новая газета. 2000. 21–24 сент.

• *Волошин П.* Человек человеку — собака Павлова // Новая газета. 1999. 4 — 10 окт.

• *Глинкина С.* Преступные компоненты российской экономики // Рабочий доклад № 29, Berichte des Bundesinstituts fur Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1997.

• *Глинкина С.* Характеристики теневой экономики в России // Независимая газета — Политэкономия. 1998. № 5, март.

• *Гундаров И.* Демографическая катастрофа в России: причины, механизм.

• *Данилкин А.* Мафия — наш рулевой // Труд. 1994. 10 дек.

• Двойка по поведению? // Комсомольская правда. 1997. 18 ноября.

• *Емельянов А.* «Курск» не сталкивался с иностранной подлодкой // Новая газета. 2001. 18 фев.

• *Жукова С.* Ледяной дом // Владивосток. 2001.25 янв.

• *Ибрагимов О.* Массового психоза на лодке нет // Комсомольская правда. 2000. 13 авг.

• *Крыштановская О.* В чьих руках собственность? // Аргументы и факты. 1997. № 15.

• *Литвиненко А., Фельштинский Ю.* ФСБ взрывает Россию // Новая газета. 2001.27 авг.

• *Лунев С.* Российская организованная преступность // Jamestown Foundation Prism, 1997. 30 мая.

• *Матлин В.* Они уходят из жизни, даже не понимая этого // Комсомольская правда. 2000. 14 авг.

• *Медведев Р.* Капитализм в России? М.: Права человека, 1998.

• *Политковская А.* Норильск готов пойти в банк // Общая газета. 1997. 6 — 12 марта.

• *Романов С.* Мошенничество в России: как уберечься от аферистов. М.: Эксмо, 1998.

• *Скойбеда У.* Всем нам хватит воды, всем нам хватит беды // Комсомольская правда. 2000. 24 авг.

• *Скойбеда У.* Расследование по письму вдовы // Комсомольская правда. 2001.24 фев.

• *Скуратов Ю.* Интервью с Ильей Тарасовым. Pravda.ru, 2001.5 ноября.

• *Соловей П.* Разыскивается убийца // Труд. 1995. 13 сент. Тишина после взрывов // Московский комсомолец. 2000. 19 янв.

• *Ципко А.* «Семья» приобретает контроль над национальной политикой России/Jamestown Foundation Prism. 2001. Сентябрь.

Что случилось после свержения коммунистического режима? Криминальный режим (интервью Д. Саттера для агентства slon.ru)

— ...Дэвид, у вас очень мрачный взгляд на Россию. Даже среди экспертов по России в Вашингтоне, в котором можно найти тех, кто пытается более-менее оптимистично смотреть на происходящее.

— Большинство экспертов по России, кто более оптимистичен, не провели в России столько времени, сколько провел я. Кроме того, многие из них более заинтересованы в отношениях между нашими правительствами, а интересы российского общества их впрямую не касаются.

— А вы очень мрачно оцениваете и историю, и прогнозы у вас неутешительные. Вы это признаете?

— Россия — это страна, которая по культурологическим причинам фактически обречена в данной ситуации повторить свою авторитарную историю, если не будет сдвига в отношении отсутствующего уважения к правам личности.

— То есть вы не считаете, что Россия уже авторитарное государство? Это — оптимизм!

— Да, авторитарное государство, но — мягкое, хотя для тех, кто был убит, как Анна Политковская, не такое уж и мягкое. Фактически — да, авторитарное. Но вернемся к вопросу о пессимизме в отношении России. Он будет не оправдан только тогда, когда русское общество поймет, что нельзя обосновать демократию и справедливость, используя человека как расходный материал, а это — в русской традиции. Если кто-то, зная эти факты, не будет пессимистом, это значит одно, он — дурак.

Если не будет в России понимания, что человек обладает определенными правами, что его личность имеет ценность, если идея, что можно просто использовать людей для разных идиотских политических целей (что, между прочим, делали и младореформаторы), то нельзя ожидать в России демократии. Единственный вариант — более или менее жестокий авторитарный режим.

Другое дело, что значит пессимист? В данной ситуации это не означает враг России или враг русского народа. Наоборот. Россия не сможет выйти из этой ситуации, сказав себе, что все хорошо. Что случилось после свержения коммунистического режима? Криминальный режим. Можно себя спросить — все эти усилия противостояния тоталитарному советскому режиму были для того, чтобы создать тот режим и общество, что существуют в России сейчас? Может, лучше было создать режим, который, наконец, уважал человека, общество, где люди имеют защиту в законе?

И кто сейчас враг? Во время бесланских событий 2004 года кто-то дал приказ открыть огонь из огнеметов, гранатометов по спортзалу, где были сотни заложников. Они сгорели заживо. Кто враг? Кто мог дать такой варварский приказ? Ни одна цивилизованная страна на это не пошла бы. Сказать после этого, что вы — пессимист по поводу будущего России… А какой другой выход здесь возможен? Никакой.

Ельцин дал приказ или кто-то другой дал приказ — бомбить Грозный в 95-м году, естественно, без разбору, в русском стиле. И там, по разным оценкам, 20 000 человек были убиты, умерли под бомбами. Это продолжалось пять недель. Большинство тех, кто был в центре Грозного, были этническими русскими, большинство чеченцев бежали в горы, к своим семьям. Что мы можем сказать о такой стране? Враги — это те, кто так использует жизни сограждан и обогащается. А те, кто украл миллиарды и спрятал на Западе? Вот это — настоящие враги.

— Вы ведь «список Магнитского» поддерживаете?

— Естественно. Это — минимум, что нужно делать.

— Зачем это делать, если Госдеп, посольство могут и так запретить въезд?

— Все должно быть публично, ясно и без исключений. Не должно быть тихо, по бюрократическим причинам…

— А то, что последуют ответные меры, вас не смущает?

— Я не очень в это верю, но даже если они будут… Когда я впервые приехал в Россию, тогда — в Советский Союз, меня спросили — вы не боитесь писать против них, потому что ведь будут ответные меры? И я сразу понял, что если я все время буду думать об ответных мерах, я ничего не смогу написать. Решил раз и навсегда об этом не думать.

— Вы ждете ужесточения сейчас в России?

Справедливости ради нужно сказать, что хотя я думаю, что путинский режим способен на большие преступления и совершил большие преступления, он на фоне русской традиции — относительно мягкий. Людей, которые у власти, больше интересует накопление награбленного, они считают (и правильно считают), что если люди будут только говорить и ничего не делать, то им ничто не угрожает. Сейчас в России новый этап — люди организуются, особенно в Москве, что наиболее опасно. Но в этом плане ситуация похожа на Советский Союз — когда назрел кризис, в правящих кругах не было защитников, которые хотели бы умереть или бороться за этот режим. И в случае путинского режима — тем более. Что мы видим в русских криминальных бандах? Когда они вместе награбят, они — братья по жизни, любят друг друга безмерно, но когда нужно делиться — начинаются конфликты, начинают убивать друг друга. И на многих кладбищах России вы увидите, что на одной стороне похоронена одна

группа, на другой — другая, а раньше они все были большими друзьями. И я думаю, что эта психология в правящих руках России тоже существует. Люди все жадные, нет правил, нет этики, нет нравственных ограничений. Все это должно довольно серьезно вызывать напряжение, если кризис власти будет развиваться. И мне кажется, так и будет. Ужас, да? Вы не можете это слышать.

Если хотите оптимистический, розовый взгляд, таких у нас много. Но что важно сказать — ситуация не безнадежна. Путь из этой ситуации есть. Люди должны осознать, что сейчас, наконец, должно быть твердое намерение говорить правду обо всем, все секреты, и постсоветского периода, должны быть раскрыты. Абсурд говорить, что все это началось с Путина. То, что существовало при Ельцине, не лучше того, что существует сейчас.

Я думаю, что Россия нуждается в эквиваленте Комиссии правды и примирения, которая существовала после апартеида в Африке.

И люди должны понять, что коррупция — только симптом нравственного порока в обществе, что не нужно с ней только бороться (хотя это и нужно). Основу порока составляет идея, что человек — это средство к достижению политических средств. Это трагично, но общество разделяет такую точку зрения, иначе оно по-другому бы реагировало на события вокруг Беслана, Дубровки, на взрывы домов, на убийства журналистов. Общество должно осознать себя, и есть немало людей, которые это понимают. Сейчас в России будет второй шанс на демократию, но чтобы его не терять, люди должны понять, что если после распада Советского Союза они не смогли установить демократическое общество, значит, есть что-то, что нужно в самих себе поменять.

— Но для этого нужно, чтобы это стремление к демократии было.

— Это зависит от тех, кто сейчас пытается противостоять авторитарному режиму. И я лично знаю многих людей, которые понимают, что я говорю, — что нужна честная оценка коммунистического и посткоммунистического режимов. В России вопрос честности очень важен. Вообще русские — это нация правдоискателей, которые иногда ищут правду там, где ее не найдешь. Они часто хотят видеть абсолютную правду на земле, и это то, что нужно в нынешней ситуации.

— Например, про Америку.

— Америка — другая. Это общество прагматичных людей. Им чужды абстрактные идеи, они мало, по сравнению с русскими, читают. Этические вопросы для них давно решены, закон американцы уважают, и они не пытаются найти истину в первой инстанции. Но как это ни странно, они создали для себя, для своих детей более-менее приличное общество.

— Правда, о которой вы говорите, в России уже выходила наружу. Как вы думаете, почему через двадцать лет ее снова нужно искать?

— Это результат советского наследства и идеи о том, что капитализм можно создать без закона. Младореформаторы, которые были у власти, были по сути советскими людьми. Они хотели создать безвозвратную ситуацию, чтобы люди не могли вернуться к коммунистическим привычкам, и это — несмотря на то, что население поддерживало реформы. В результате — криминализация всей страны.

Чтобы сделать лучше в этот раз, надо все-таки осознать себя и понимать, что нужно создать ситуацию, где каждый человек будет защищен в его правах. И это, между прочим, существует и в Европе, и в Америке. Русский человек, когда он переходит границу, моментально приобретает права, которых он не имеет дома. Нельзя полицейскому в Лондоне просто убить человека на улице и не понести за это ответа, а в России — вполне возможно. И многие русские, как мы знаем, сейчас живут в Англии.

Во времена Ельцина тоже были заказные статьи, нарушение закона, уголовник был королем, и в окружении Ельцина были уголовники, включая олигархов, но все это оттого, что не было понятно, что важно уважать закон. Младореформаторы думали, что если умрут миллионы людей, то они все равно построят капитализм. Это сталинская логика. Нет, Ельцин не был лучше.

— А Америка, меж тем, помогала Ельцину.

— Да, помогала. Мы поощряли как могли, максимально, деструктивные тенденции, но русские все же сами многое сделали. Вообще русские видят во всем заговор.

— Да!

— Но я уверяю вас, что это был не заговор, а — глупость, поверхностный подход к России и во многом — карьеризм тех людей, кто делает карьеры в Госдепартаменте. Из-за поверхностности делаются огромные ошибки. Нет, это не заговор. Просто не поняли, что случилось в России. Им было не до того, чтобы всерьез понимать. Они вмешивались, влияние было отрицательным, но все же русские, как всегда, губили себя сами. Даже если бы наши специалисты были гениями, не думаю, что они смогли бы предотвратить развитие русского общества — того, каким оно было в 90-е годы.

— А почему вы так уверены, что это не заговор? Может, все же он?

— Нет, наши люди не способны на заговор. Это — свойство другой культуры.

Есть ли оппозиция в России?

(Д. Саттер в передаче на «Радио Свобода»)

12 декабря оппозиционные силы России собрались на всероссийский гражданский конгресс «Россия за демократию, против диктатуры». А накануне журналист «Московского комсомольца» Александр Минкин преподнес оппозиции неприятный сюрприз в виде статьи под названием «сосать пустышку».

Елена Рыковцева: Автор публикации Александр Минкин — один из гостей нашей сегодняшней программы. В передаче также участвует Дэвид Саттер, американский журналист, автор книг о современной российской политике. В студии у нас также Владимир Энтин, адвокат, один из авторов закона о средствах массовой информации. И с нами на связи по телефону Александр Подрабинек, видный российский правозащитник, главный редактор информационного агентства «Прима».

И Дэвид Саттер, и Александр Подрабинек присутствовали на Конгрессе, который состоялся в воскресенье. А наш сегодняшний вопрос аудитории звучит так: оставляете ли вы хоть какой-то политический шанс демократам «старой волны»? Кто из них все еще способен удерживать ваше доверие? Или таких не осталось совсем — нужны совершенно новые люди?

И я сразу задаю вопрос Александру Минкину, примерно такой, какой и слушателям. Создается ощущение, по вашей статье, что вы поделили оппозицию на «чистых» и «нечистых». Но если имена «нечистых» вы перечисляете, и слушатели только что эти имена, этот список получили, то про «чистых», вот про этих «добрых, хороших, честных и умных», вы ничего не сказали. Кто эти люди?

Александр Минкин: Ну, я могу сказать, что мои похвалы могут же сработать и в минус. Потому что если я не нравлюсь, то мои похвалы людям не в прибыль. Это Дима Муратов, главный редактор «Новой газеты». Он честный, умный и хороший человек, но слишком добрый. Это (при всех оговорах) все-таки Явлинский, который не служил властям, никогда не врал, в отличие от тех, кого я перечислил, он просто никогда не врал. Он не был решительным, он, скажем так, был недостаточно решительным. И комфортабельное существование «Яблока» в Думе, когда ты можешь иметь и трибуну, и при этом по малочисленности фракции невозможно к тебе предъявить претензии за политику… ну, не могут 50 человек что-то изменить в Думе, где машина работает. Тем не менее, вот Явлинский (при всех оговорках), мне кажется, может быть, еще способен… Но это больше от него зависит, потому что все эти вещи, о которых я пытаюсь сказать в статье, и все то, о чем вы, наверное, хотите спросить, если и есть, то внутри человека, снаружи их взять негде.

Елена Рыковцева: Александр, и вот такой вопрос. Ведь заметно по материалу, что вы выводите из игры, вот из этого списка Явлинского, — это и так видно, что Явлинского там нет…

Александр Минкин: Я вам могу на этот вопрос ответить следующее.

Елена Рыковцева: Я его еще не задала.

Александр Минкин: Вы задали его. У меня колоссальные претензии к Явлинскому и к «Яблоку». Но поскольку это претензии другого плана, это претензии, которые можно обсуждать. А с ними — вот с теми, кого я перечислил, обсуждать вообще нечего.

Елена Рыковцева: Нет-нет, я вопрос не закончила, Александр. И вот поскольку чувствуется по материалу, что вы его вывели за скобки, а сейчас объяснили почему, вот не кажется ли вам, что вы тем самым оказали ему накануне этого Конгресса некую медвежью услугу? Потому что у них и так сложные отношения между собой, а вы как бы противопоставили одних другим в этой публикации.

Александр Минкин: Ну, вот я его хотя бы не назвал — пусть скажет спасибо. Это раз.

Елена Рыковцева: Ну, догадались, я думаю, те, кому нужно.

Александр Минкин: Второе. У меня есть еще такое соображение. У него столько ненавистников с той стороны… Я ведь не служу, в «Яблоке» не состою. Но у него столько там ненавистников, подчеркиваю, не критиков — это совсем другая история, а ненавистников, что пусть они справляются сами. Зачем я буду им помогать?

Елена Рыковцева: И последний уточняющий вопрос по вашему тексту. Вот тем людям, которых вы перечислили, вы совсем отказываете в праве заниматься политикой?

Александр Минкин: Вы знаете, что сказала на днях Хакамада? По-моему, она это на Конгрессе сказала. Это потрясающая вещь, если ее на русский язык переводить. Она сказала: «Мы сделали ошибку — мы не думали о людях. Надо думать о людях. Вот теперь я буду думать о людях». Если перевести на русский язык, это примерно так: «Невыгодно не думать о людях. Теперь я поняла — выгодно о них думать. Выгодно любить, потому что если их не любишь, они за тебя не голосуют. Теперь я поняла, что мне выгодно любить». И будет теперь любить простой народ в промежутках между вот этими пьянками.

Елена Рыковцева: Я тогда уточню у Александра Подрабинека. Это корректный пересказ того, что говорила Хакамада? Потому что мало кто представляет, что там было на этом Конгрессе…

Александр Минкин: Я это слышал в эфире, по-моему, по «Радио Свобода» вчера.

Елена Рыковцева: А я читала в пересказе на каком-то из сайтов.

Александр Минкин: Фраза ее была прекрасная, только смыслы в ней вот эти: «теперь я поняла, что невыгодно пренебрегать, пренебрежительно, высокомерно относиться к людям».

Елена Рыковцева: Так вот я и уточню у Александра Подрабинека, он так же понял смысл этой фразы, которую я читала, а Александр слышал?

Александр Подрабинек: Вы знаете, фраза прозвучала, но как ее интерпретировать… Я не уверен, что Александр интерпретирует ее таким образом. Можно такой смысл вложить, можно — другой.

Александр Минкин: Пусть тогда психологи скажут.

Александр Подрабинек: И я хотел бы заметить, что я не был участником Конгресса. Я журналист и присутствовал в качестве журналиста на этом Конгрессе.

Елена Рыковцева: Да, поэтому я у вас и уточняю, просто как у человека, который был на Конгрессе, как вы это ощутили, как вы поняли…

Читаю первое сообщение от слушателей. «Минкин, в общем, прав. Какая же это оппозиция, если они не во власти? Так и я могу назвать себя оппозицией. Оппозицией можно назвать ту силу, которая что-то может, а так это идеологическая игра. Но идеология важна во власти, там она работает».

Дэвид, что скажите Дмитрию, который написал нам это сообщение?

Дэвид Саттер: Я думаю, что он прав. В самом деле, что важно для тех, которые не сидят в Думе и не имеют настоящую власть, — это их ценности, которые они могут выразить и пропагандировать, но в лучшем смысле. Они не должны путать эти две разные вещи. Потому что они уже не имеют власти, но играют в то, как будто бы они это имеют. И жертвуют всем, что они могут делать. А могут они недвусмысленно говорить о вещах, которые надо обсудить в обществе.

Ведь интересно, что на съезде никто не подумал, что важно говорить, например, о происхождении режима Путина. Мы знаем, что есть много спорных вопросов вокруг происхождения этого режима, имея в виду взрывы в 1999 году в жилых домах. Никто не подумал, что об этом надо говорить. Хотя это очень важный вопрос. И это тоже вопрос ценностей.

Я хочу сказать, что меня очень впечатлила статья Александра, потому что он был умышленно нетактичен. Он напомнил людям об их прошлом. Это фантастически невежливо, и особенно в России, в странах бывшего Советского Союза, где очень много людей имеют что скрывать.

Елена Рыковцева: Дэвид, вы что же, предлагаете совсем не говорить об их прошлом?

Дэвид Саттер: Нет, я думаю, что это абсолютно фундаментально. Но если человек честно признает, что он делал, объясняет собственную вину и просит прощения за это, признает, что что-то не так в самом деле случилось, то он может еще быть пригодным для политической жизни. А здесь, конечно, проблема в том, что люди делают вид, что ничего не случилось. И это умалчивание по разным вопросам — по вопросам карьеры, по вопросам всего того, что творится в стране, — это одна из самых больших угроз для демократии.

Елена Рыковцева: Теперь понятно. Послушаем Сергея Николаевича из Москвы. Здравствуйте.

Слушатель: Добрый день. Мнение очень большого количества людей, с которыми я беседовал и которые недалеко от меня сейчас находятся, такое, что самыми честными людьми, после всех перипетий — и того, что Путин делает, и прочего, прочего, и того, что в последнее время творится с Украиной, ведь он здесь, конечно, совершил много ошибок (Путин, я имею в виду) — самыми честными оказались, безусловно, лидеры «Яблока», лидеры СПС, Рыжков, само собой, Гайдар. То есть те, кто начинал перестройку и идет до конца. Это люди, которым может доверять честная часть населения России.

Елена Рыковцева: Сергей Николаевич, я вас благодарю за точный ответ на наш вопрос. Вот как был вопрос поставлен, так вы на него и ответили: кто еще остался, и остался ли еще кто-то вообще?

Владимир Львович, а вас убедила та система аргументов, которую приводит Александр Минкин?

Владимир Энтин: Александр Минкин всегда пишет хлестко, говорит убедительно, и когда его слушаешь, тяжело бывает с ним не согласиться. Но я все-таки рискну и попробую.

Первое. Давайте, как в математике, сделаем так. Исходные постулаты. У демократии есть признаки, таковых первичных признаков два — это свободная пресса и оппозиция, причем без оппозиции свободная пресса лишается смысла. Ну какой смысл в свободе, если можно только свободно хвалить власть? Оппозиция полезна, оппозиция нужна, она даже институционализирована. В Великобритании ее именуют громко «оппозиция Ее Величество», лидерам оппозиции платят зарплаты. У нас зарплату не платят, потому, как если платить зарплату всем оппозиционерам, — бюджета не хватит.

Возникает вопрос: дискредитировали или не дискредитировали себя демократы «первой волны», те самые люди, кому мы поверили, за кого мы голосовали, кто был у всех на устах, во всех печатных изданиях очень и очень долго? Опыт бывает разный — позитивный и негативный. Негативный — это когда ты набрал некую критическую сумму ошибок, в результате которых сказали: «Все. Сколько уже можно? Уйди от власти. Дай тем, кто лучше с этим справляется, поработать». Эти люди работали ради осуществления определенных идеалов. Вот они считали, что то, что они прочитали в книгах, те самые схемы, они должны сработать сами по себе, что вот еще чуть-чуть, немножечко потерпеть — шоковая терапия, потом еще — и дальше уже все наладится, железная рука рынка все выправит, и все будет чудесно. Но при этом получилось, что эта железная рука рынка оказалась костоломом, она сломала не только достояния очень многих людей и их надежды экономически преуспеть, но и политическую судьбу — политическую судьбу как раз тех, кто был здесь назван, Александр Минкин перечислил их поименно.

Елена Рыковцева: Послушаем, кого назовет Виктор из Омска, здравствуйте.

Слушатель: Добрый день. Вы знаете, вот вы привели в пример Явлинского Григория Алексеевича. Я, в общем-то, этого человека глубоко уважаю тоже за его взгляды. Но я боюсь, что ведь он же тоже из тех людей, которые делали революцию, то есть тоже из демократов «старой волны».

Елена Рыковцева: Прочитаю несколько пейджерных сообщений.

«Люди, входящие в «Комитет-2008», практически все достойны уважения. Но что они могут? Оранжевые шарфы они не наденут…». Кстати, по-моему, надели, Дэвид, да? Оранжевого цвета, говорят, много было на конгрессе в воскресенье. Вы обратили на это внимание?

Дэвид Саттер: Я про это читал, но, честно говоря, я не видел.

Елена Рыковцева: Не заметили.

Дэвид Саттер: Я был в том же самом качестве, что и Александр Подрабинек, и не заметил такого количества…

Елена Рыковцева: Понятно… «Оранжевые шарфы они не наденут. И это совсем не та сила. А из политиков у очень многих адекватных людей самым большим уважением пользуется Рыжков», — пишет Ирина.

«Простите, но Явлинский обещал поддержать Черномырдина, как премьера. На следующий день вильнул. Таких примеров много. Его амбиции не позволяют объединяться с другими демократами, что имеет печальный результат», — так пишет Крылова из Санкт-Петербурга.

«Ленин как говорил: сначала власть возьмем, а там посмотрим. Вот это реальный политик, а не болтун. А Явлинский никакая не оппозиция. Он же не во власти. Чего попусту ковры обивать?» — пишет Дима.

«Никому из лидеров оппозиции не доверяю, кроме Явлинского», — Вячеслав.

«Хакамаду не выбрали потому, что выбросили ее бюллетени», — так думает Татьяна Ивановна.

«Не будем мудрствовать лукаво: фразу и смысл в своей интерпретации Минкин передал точно. Вот такие у нас политики! Хакамаде веры давно нет», — Марина.

«Елена, поблагодарите Минкина. Слушатели точно такого же мнения о Хакамаде». Так, дальше ругательства в адрес Хакамады — не читаю.

Александр Минкин: А почему?

Елена Рыковцева: Не буду…

«Старые правозащитники и партийные лидеры устроили дедовщину — умышленно не допускают молодых к оппозиции», — пишет Орлов.

«Лидеры оппозиции-2008 должны не только покаяться, но и вернуть все награбленное — тогда народ их простит и, может быть, еще и выберет», — пишет Раиса Ивановна.

«Уважаемый Александр Минкин, главная оппозиция режима, который образовался в 1917 году, есть новый лидер России, всенародно избранный президент Путин. Он является не только лидером оппозиции большевистскому режиму, но и станет могильщиком коммунизма в России. Став самодержавным, он стал главным оппозиционером прогнившему большевизму. Путин настоящий демократ», — пишет Сморчевский.

Ответ на наш вопрос, который мы задавали…

Александр Минкин: То есть ругательства вы не читаете, а сумасшедшие заметки вы читаете?

Елена Рыковцева: Да нет, там совсем ругательства. Ну что ж вам так хочется, чтобы Хакамаду-то… господи, прости, да вы сами ее уже приложили достаточно. Ответ на наш вопрос: «Буковский, Ходорковский, Гусинский», — Ольга. «Честность в политике

ничего не значит. Это и Путин доказывает своими действиями. Вчера он говорил одно, а сегодня — другое. Когда у других прав нет, все определяет целесообразность. Все, что Путин ни сделает, то правильно».

И последнее сообщение читаю. «Демократы ельцинской поры своими грабежами настолько довели народ и дискредитировали саму идею демократии, что шансов у них нет никаких», — Михаил.

Послушаем Анатолия из Москвы.

Слушатель: У меня вопрос Дэвиду Саттеру. Почему вы думаете, что оппозиция должна быть во власти, и будет ли она когда-нибудь во власти? Я очень советую вам объединиться с кем-то, потому что один вы не выдержите целые сутки, и побудьте на выборах рядом с комиссией, так, чтобы держать их (в переносном смысле) за руки.

Елена Рыковцева: Ага, в наблюдатели вас приглашают. Наталья Азарова из Уфы, здравствуйте.

Слушатель: Здравствуйте. По поводу политиков, которые в Конгрессе участвовали, ну, странным образом, у меня такое же ощущение, что Явлинский со всей его командой, он мне откровенно никогда не лгал, то есть я не чувствовала этого на уровне своей интуиции, меня не обманывала эта партия никогда. И когда Елена Боннэр высказывается, доверяет Явлинскому и этой партии, когда туда приходит Пионтковский, когда туда приходит Дмитрий Муратов, это укрепляет меня в доверии. Хотя большого будущего в нынешних условиях я не вижу. Дело в том, что, по моему мнению, к сожалению, Явлинский с его партией тащит вот эти вериги тех… ну, не ошибок, наверное, сознательных действий, которые, находясь у власти, Чубайс и прочие совершили. Явлинский еще в 1995 году говорил, что есть другой путь. Я его услышала в 1995 году. На него посыпалось, боже мой, столько обвинений… И теперь его обвиняют в том, что делали те люди, против действий которых он высказывался.

Елена Рыковцева: Наталья, у него будущее есть, у Явлинского, с вашей точки зрения?

Слушатель: Я не знаю, наберется ли критическая масса людей, которые умеют видеть и слышать. Вот все от этого, я считаю, зависит.

Елена Рыковцева: Понятно. Спасибо вам за звонок. И Александр Минкин, пожалуйста, ваш ответ на все, что вы сейчас услышали.

Александр Минкин: У меня есть несколько очень лаконичных соображений, я их просто не буду связывать в связную речь, а просто выскажу.

Елена Рыковцева: Хорошо, послушаем бессвязную речь.

Александр Минкин: Поскольку слушатели, не читавшие заметку, не понимают, что за заголовок такой странный «Сосать пустышку», в статье это объясняется. Когда ребенку суют в рот пустышку, он некоторое время чмокает, и очень довольный. Но когда у него появляется настоящий голод, он ее выплевывает и уже не хочет больше ее сосать. Вот эти наши оппозиционеры — СПС и тому подобные — это пустышка, в этом смысле.

Второе. Лаконичное изложение в эфире моей заметки по смыслу было правильное, но она лишилась доказательных примеров из-за этого. Перечислю только два.

Когда взорвались два самолета одновременно, нам всем было понятно, что это теракт, и, скорее всего, это чеченский теракт. Так оно и подтвердилось. Но власть в первые день-два-три пыталась сказать, что это техническая неисправность. И именно Ирина Хакамада, и это было опубликовано в «Коммерсанте», сказала: «Ну, всем мерещатся всюду теракты. Это были просто очень старые самолеты с минимальным числом пассажиров». Минимальное число в данном случае было 89. Вот этого одного достаточно. «Ну какая разница, взорвались два старых самолета, и всего 89 человек», — это напечатано в «Коммерсанте», а вовсе не в «Московском комсомольце».

Елена Рыковцева: Вы знаете, я просто вот что хочу сказать. И это не об Ирине Хакамаде. Просто бывает, что журналист звонит с вопросом…

Александр Минкин: Бывает-бывает.

Елена Рыковцева:…И вот что-то такое человек, с ходу, не подумав…

Александр Минкин: Она нигде не опровергла. У нее было два месяца, чтобы это опровергнуть.

Второе. Звонила женщина сейчас к нам в эфир и сказала: «Вот честный Чубайс, честный Гайдар…». В моей статье именно приводится факт, когда Гайдар, а у него есть Институт экономических проблем переходного периода, вот именно Гайдар и его институт подали в правительство доклад, толстый доклад, как надо правильно брать акцизы и пошлины за табак. А мне мои друзья принесли доклад корпорации, которая называется «British American Tobacco», и показали, что доклад Гайдара — это буквальный, с точностью до запятой перевод с «British American Tobacco». Таким образом, Гайдар честный предложил нашему правительству брать пошлины, акцизы, налоги так, как это выгодно «British American Tobacco». Но он это предъявлял как разработку своего института. Это просто, ну, на мой взгляд, это уголовщина.

Елена Рыковцева: Хорошо.

Александр Минкин: Я договорю. С Гайдаром — все.

Елена Рыковцева: Не с Гайдаром, а с примерами из статьи.

Александр Минкин: Теперь насчет «оранжевых» интересов. В моей статье как раз и сказано, что «оранжевые» интересы в Киеве — это не интересы России, совсем нет. И Янукович — это плохая кандидатура для России, очень плохая. И все, что Путин ездил и за него агитировал, — это ужасно просто для нас. Но и целовать Ющенко — это все равно что целовать Саакашвили. Это, уж извините, американские интересы. Зачем их так поддерживать? Не знаю. Ну, «Радио Свобода» — здесь особенная ситуация.

Елена Рыковцева: «Радио Свобода» не поддерживает Ющенко, а поддерживает право на свободный выбор украинского народа.

Александр Минкин: Спасибо. Я тоже.

Елена Рыковцева: Слава тебе Господи.

Александр Минкин: Это тоже. Теперь то, о чем Дэвид сказал, что невежливо напоминать людям их прошлое, это такой юмор английский. Так вот, они как раз в Англии, в Америке, в Европе — везде, они очень тщательно следят и помнят, что было прошлое. И политик с таким прошлым, как у наших, никаких шансов не имеет. Дэвид сказал, что это невежливо. Он имел в виду, что это вызывает гнев у тех, про кого я сказал. Ну, действительно, эти люди, про которых я сказал, они делали все, чтобы Ельцин сначала прошел на второй срок, а потом они делали все, чтобы пришел Путин, а теперь они — оппозиция.

И последнее, это уже по адресу соавтора закона о печати. Вы сказали, и на этом я заканчиваю, что главные признаки демократии — это, простите, свобода печати и что— то еще…

Владимир Энтин: И оппозиция.

Александр Минкин: И оппозиция. Я хочу вам сказать, я думаю, что вы сильно ошибаетесь. Номер один, о котором вы не сказали, — это справедливый, независимый суд. Если нет независимого суда, все остальное не работает. И мы это сейчас наблюдаем. Свобода слова есть — вот видите, как мы разговариваем, и есть у нас вроде бы выборы, и вроде бы свобода слова, и вроде бы то, что вы там еще назвали, а ничего не работает, потому что нет суда, где любой человек может отстоять свои законные, в том числе политические, интересы. Спасибо.

Елена Рыковцева: И вам спасибо. Александр Подрабинек, скажите, а вам те аргументы, которые Александр Минкин привел в этой части нашего разговора (он пересказал их для слушателей, которые всю статью не читали), показались достаточно убедительными, «убойными»?

Александр Подрабинек: Вы знаете, вот то, что касается российских интересов и выгодно ли России поддерживать Януковича или Ющенко, и Янукович плохой, а Ющенко, он как бы за американцев, мне кажется, это совершеннейшая ерунда. Потому что интересы России, на самом деле России, демократической России, по крайней мере, не противоречат интересам американским. А вот интересам Кремля Виктор Ющенко действительно противоречит. И что такое интересы России — это отдельный разговор. Но я не думаю, что они заключаются в том, чтобы держать в сфере своего влияния Грузию и Украину. А то, что касается…

Елена Рыковцева: Да, все-таки что касается того вопроса, который мы обсуждаем, — вот лицо российской демократии, оппозиции, — некрасивое, с точки зрения Александра.

Александр Подрабинек: Вы знаете, в том, что касается вопросов политической репутации, я с Александром Минкиным совершенно согласен. И, более того, скажу, что говорить невежливые вещи, если это правда, все равно следует. Правду не стоит скрывать ни по каким основаниям. Может быть, только от смертельно больного. А вот основной вопрос, который обсуждался здесь, — имеют ли демократы «первой волны» какие-то шансы на будущее — мне кажется, этот вопрос уже устарел. Потому что на последних парламентских выборах народ явно дал понять, как он относится к правым, к тем демократам, которые были на нашей политической арене последние 10 лет.

Елена Рыковцева: То есть вот эти все конгрессы, вроде того, что был в воскресенье, это все агония, что ли? Что это?

Александр Подрабинек: Вы знаете, я думаю, что эта затея бесперспективная, и вот почему. Потому что существенно, какую позицию занимают те люди, те партии, те движения, которые хотят быть оппозицией власти, вот это не сформулировано. А если посмотреть более внимательно, то сразу же видно, что они не столько хотят быть оппозицией, сколько выглядеть ею. Потому что, смотрите, утром в воскресенье голосовалась декларация, которую приняли все единогласно, ни одного голоса против в зале не было. И там был абзац о том, что «мы готовы в случае, если будет грубое попрание Конституции и прав человека, готовы даже к акциям гражданского неповиновения». А в заключительном документе, вот как он сейчас опубликован на сайте, этот абзац выпал. Понимаете? Они свою оппозицию очень строго корректируют. На самом деле, они просто боятся.

Елена Рыковцева: Вот такое мнение у Александра Подрабинека.

А теперь читаю мнения слушателей. «Доверяем демократам «первой волны», кроме Явлинского. Но там есть много честных, а не только болтающих. Немцову и Хакамаде тоже доверяем, хотя это, к сожалению, не очень сильные лидеры». Рыжкову очень доверяет Владимир: «Молодец он!».

«Огромное спасибо Александру Минкину, он прав в каждом слове. Жаль, что маяка-то так и не видно на политическом горизонте. Явлинский приятен, но нерешителен. Еще раз спасибо Минкину», — Ольга Петровна.

«С Минкиным не согласна. Он не Господь Бог, чтобы осуждать всех демократов. Немцов, Хакамада, Рыжков приложили много сил, отстаивая демократические преобразования. С их мыслями невозможно не согласиться. Минкин тоже не святой», — Савельева. С этим он точно не спорит, что не святой. Да, Александр?

«Алексеева и другие правозащитники… Скажите, когда же это кончится? Сидят одни «свадебные генералы», как будто одни на всю страну. А где же молодые? Почему не даете им дороги?» — Светлана спрашивает. Продолжим этот разговор о молодых и новых, как вы их себе представляете, чуть-чуть позже.

«Поддерживаю и верю партии «Яблоко» и Рыжкову», — Горелый Иван Кириллович, Одинцово.

«А выборы ничего не значат. Что толку, людишек перебирать? Это ж просто ротация. Прав от этого никому не прибавят. Система не меняется».

«В российской политике нет ни одного не запятнавшего себя демократа, в том числе и Явлинский, который, критикуя олигархию, постоянно финансировался ею. Особенно смешно и горько слышать о демократичности Гайдара. Единственный, ничем не опорочивший себя политик в России, — Болдырев, о котором никто из вас почему— то не вспоминает», — профессор Баринов. Вот, профессор Баринов, хорошо, что вы вспомнили. Мы поэтому вопрос и задаем, кто еще остался-то из тех, кому вы доверяете.

«Самая большая беда в России, что ругань и мат вылетают без задержки, а вот подискутировать непосредственно с той же Хакамадой эти ругатели не пытаются. Советую не читать ругательства в адрес Ирины, а непосредственно с ней обсудить проблему. С уважением», — Клара, Москва.

Александр Минкин поднимает руку — согласен он сесть за стол переговоров с Ириной Хакамадой…

Элла Львовна: «Продолжаю доверять Явлинскому, Немцову, Хакамаде и Рыжкову».

«Зря стараетесь, господа (наверное) шпионы (написано: гос. шпионы, или государственные шпионы?). Западный либерализм в России протух навсегда. Теперь для России подходит только идеология самоспасения — русский национализм, который вы зовете фашизмом», — Антон пишет из Москвы.

«Прошу сообщить всем звонящим, что при Борисе Николаевиче ночных арестов и обысков не было. И расскажите, что было на прошлой неделе с юристом ЮКОСа», — Цветков, Одинцово. Рассказываем, уважаемый слушатель Цветков, что происходит с сотрудниками ЮКОСа, регулярно в своем эфире.

«Господин Минкин, своими выпадами против деятелей правых вы оскорбляете десятки тысяч их избирателей, обычных россиян. «Явлинский — резонер» — постыдились бы!» — Валерий.

А чего вы смеетесь, ведь кого-то вы действительно оскорбили…

Александр Минкин: Запросто.

Елена Рыковцева: А вот в ваш адрес совсем обидное я не буду читать. Александр Сергеевич из Москвы. Здравствуйте.

Слушатель: Я из Москвы, как вы сказали. И у меня еще маленькое добавление. Я около 30 лет отработал директором разных предприятий в советское, естественно, время. Считаю, что на сегодняшний день, к сожалению, все те господа, которых и Александр Минкин перечислил, в том числе и Явлинский, они, пожалуй, страдают все единственным недостатком — они очень далеки от простого народа. Понимаете? Они не знают жизни.

Елена Рыковцева: Александр Сергеевич, кто знает и кто близок к этому народу, расскажите нам, пожалуйста.

Слушатель: Ну, смею сказать, что вот те 30 лет, которые я каждый день приходил на производство, и каждый день начинал с того момента, когда въезжал на предприятие и смотрел, все ли у меня в порядке и цело, и потом ходил по своим цехам, потом, соответственно, весь тот день, который я общался с людьми, с рабочими, с инженерами, со служащими, я могу сказать, чем жил этот народ.

Елена Рыковцева: Да, я поняла. Вот у нас есть слушатель, который про себя сказал, что вот он — это будущее, может быть, оппозиции и политики, я не знаю. Но как сделать так, чтобы об этом слушателе узнали все? — вот вопрос, который мы сейчас будем обсуждать. Откуда же взять новую оппозицию? И как сделать так, чтобы о ней узнали? Владимир Львович, где эти новые люди, о которых пишет Минкин? Тоже очень, кстати, невнятно. Он потом нам расскажет, откуда же их брать-то, где он их видит.

Владимир Энтин: Ну, первое. Я все-таки верю прежде всего в здравый смысл. Здравый смысл достаточно прост. Он говорит о том, что есть некая колода или группа людей, которые, что бы они ни совершили, все время оказываются в центре внимания прессы. Ляпнули глупость — об этом разнесут повсюду. Сказали умную вещь — опять— таки превознесут тоже. Вот эти люди все время являются публичными людьми, они находятся в фокусе, в зеркале прессы.

Очень тяжело бывает всем тем, кто находится вне фокуса. Как им пробиться? Ну, пробиваются по-разному: пишут умные аналитические статьи, доклады, в расчете на то, что их заметят. В принципе, когда политическая деятельность, в общем-то, вызывает уже у очень многих такую снисходительную усмешку, мол, «не смог найти себе подобающего места, не удался в бизнесе или где-то еще, вот ты подался в политику», и у тебя есть две возможности реально делать карьеру внутри власти. Причем, кстати говоря, работа в рамках суда — это ведь тоже карьера внутри власти. Суд — это не оппозиционер власти. Суд — это одно из ее проявлений, ее эманаций. Поискать здесь. Мы доверяем членам Конституционного суда. Может быть, это кадровый резерв определенный тех будущих политиков или той группы мудрецов, которые могут выйти в большую политику. Мы не знаем. Есть люди самой разной профессиональной подготовки.

У нас возникла основная проблема как раз в том, что система выдвижения политических лидеров, система политического возмужания, оказалась не отработанной. Вот выпал или, как говорится, убрали первую группу лиц, а кто за ней, тоже не очень понятно. Весь фокус внимания на первых лиц, самых первых, а все остальные оказались в тени. Тоже не очень ясно. Возьмем пример Анвара Садата. О том, что существует некий Мубарек, который является вице-президентом, узнали только тогда, когда случилось несчастье. У нас был тоже лидер — генерал Лебедь, который стал губернатором. Вот он был в фокусе внимания, он рассматривался. К сожалению, с политиками федерального уровня у нас негусто. Оппозиционеров много. Но опять-таки, для того чтобы оппозиционер стал понятен, он должен получить возможность отработать какую-то модель, завоевать на этой модели доверие. А это опять-таки тоже процесс, к сожалению, достаточно долгий.

Не знаю, ответил я на вопрос, не ответил, но говорил долго.

Елена Рыковцева: Я даже не знаю, скорее, наверное, все-таки не ответили, чем ответили. Потому что рецептов— то не дали, как эту молодую оппозицию выращивать.

Владимир Энтин: Но я же не могу давать рецепты.

Елена Рыковцева: Да. А я попробую все-таки Дэвида попросить поработать гадалкой, что ли. Вы, как специалист по России, иностранный, сторонний, предскажите судьбу оппозиции России. Появятся ли новые лидеры? Что ждет старых лидеров? Попробуйте.

Дэвид Саттер: Это очень трудная задача. Но просто интуитивно я могу сказать, что зреет в стране системный кризис. Ну, по демографическим причинам, по экономическим причинам, из-за того факта, что чеченский кризис не решен, — и это порождает еще террористические акты, которые могут служить оправданием для усиления авторитарной власти. Поэтому мне кажется, что в этой ситуации должны появиться новые и способные люди. Все, что нужно в России, — это, безусловно, уважение к закону и уважение к индивидуальному человеку, и признание, что человек не может быть винтиком, он не может относиться к государству как к матери, когда это государство относится к нему как к винтику. Мать так не относится к детям. И все-таки все, что мы видели на Гражданском конгрессе, мне кажется, что это малоперспективно. Потому что это немножко искусственный союз людей, которые фактически не разделяют одних и тех же ценностей. Но я надеюсь, что в России появятся те люди, которые смогут выразить такие ценности, которые нужны для демократии, для того, чтобы страна все-таки вышла из нарастающего кризиса, который я вижу.

Елена Рыковцева: Вы знаете, уже по итогам Конгресса в «Московском комсомольце» другой журналист, не Александр Минкин, написал так: «В выходные на Конгрессе оппозиции «Россия за демократию против диктатуры» революции не случилось. Наоборот, стало окончательно понятно, что никакой оппозиции в стране нет. Есть только группировки отдельных персонажей, которые никогда в действительности не объединятся, поскольку слишком уж велика у них ненависть друг к другу». Александр Подрабинек, согласны ли вы с этим резюме?

Александр Подрабинек: Вы знаете, я сказал бы так, что Россия очень большая страна и в ней очень много хороших и честных людей. И они готовы были бы прийти в оппозицию, если бы они ей доверяли. Но вот говорят, что умные учатся на чужих ошибках, а дураки — на своих собственных. У меня такое впечатление, что наши правые политики не учатся ни на чьих ошибках. Даже признавая порочность политического лавирования, которое привело к краху на последних выборах, они готовы и сейчас сотрудничать, если не с Кремлем, так с коммунистами. И на Конгрессе это очень очевидно проявилось в выступлении первого секретаря Горкома КПРФ. А при удачном раскладе они будут и с теми и с другими сотрудничать. Политика для них остается, в общем-то, увлекательной игрой, и ничем больше.

Вот «яблочник» Сергей Митрохин в своем выступлении на Конгрессе сказал: «Мы проиграли власти эту страну, нашу страну», — и это очень точно сказано. Они ее просто проиграли. Понимаете, ну, карта не легла — вот и все. И они попробуют сыграть еще какую-то партию, новую партию, объединенную демократическую партию. Проблема в том, как они будут заниматься оппозиционной деятельностью. Сергей Ковалев, выступая, очень хорошо сказал: «Мы должны прекратить врать себе и другим. Мы должны прекратить заниматься политическим лавированием и ловить голоса избирателей перед выборами. Мы должны быть честными в своей оппозиционной деятельности».

ЕленаРыковцева: Но это на заклинание похоже…

Александр Подрабинек: Если бы новая оппозиция, пусть она даже состоит из старых демократов «первой волны», «второй волны», если бы они ощутили эту необходимость основывать свою оппозицию, основывать свою политическую платформу на каких-то моральных аспектах, не врать и не лавировать, то очень может быть, что молодежь и новые люди в эту оппозицию бы пришли.

Елена Рыковцева: Спасибо, Александр, вам за ответ… Таисия Семеновна из Москвы. Здравствуйте.

Слушатель: Наша оппозиция — это плоть и кровь нашего населения. Понимаете? И требовать от них качеств, которых нет в населении, невозможно. А главное, чего нет на генетическом уровне, — это достоинство. Ну не понимают… лишены люди этого изначально.

Елена Рыковцева: Александр Минкин, пожалуйста, как взрастить новую оппозицию? Вот вы говорите, что есть сорняки, которые все поле усеяли, и молодой поросли не пробиться.

Александр Минкин: Я все понял. Я не буду сейчас говорить про политику и про экономику.

Елена Рыковцева: Про будущее скажите.

Александр Минкин: Мне кажется, что вот здесь, сегодня, прямо в процессе этого эфира, и в словах Дэвида, и в словах вот этой женщины, которая сейчас звонила, есть понимание, только, может быть, не четко сформулированное.

Проблема в том, что люди пойдут сейчас в России только за лидером, у которого есть моральный авторитет. За циниками и врунами больше не пойдут — уже невозможно. Значит, проблема такая — должен возникнуть моральный авторитет. Пусть он будет не знаменитый, пусть он не будет олигархический, пусть какой угодно…

Елена Рыковцева: Пока вы его не видите? Это абстрактно?

Александр Минкин: Он возникнет, потому что потребность в обществе существует. Я на прощание скажу такую вещь. Не было никакого телеэфира и никаких газет — Высоцкого слушала вся страна. Он был самостоятельный авторитет для всей нации.

Елена Рыковцева: И я на прощание читаю пейджерные сообщения. «На Конгрессе не было демократии. Процедуры все были фальшивые. Во всем — вранье. В президиум садились уже известные персонажи. Молодым не дали сказать», — пишет участник, который, что симптоматично, себя не назвал.

«В основном согласен с Минкиным, хотя не по всем фамилиям (Сатаров). Основная надежда — правозащитники и честные журналисты», — пишет Дмитрий Смирнов из Москвы.

«Путин с Чубайсом — братья на век. Век не избавиться нам от воровства», — полагает Юрий Сергеевич.

«Многим демократам «первой волны» по-прежнему доверяем — Ковалеву, Кириенко, Юшенкову. Надо различать тех, кто изменил идеалам, и других. В результате пропаганды портится репутация всех демократов», — пишет Павлова из Санкт-Петербурга.

«Явлинский, конечно, не ангел, но он — это драгоценное из ничтожного», — так думает Татьяна.

Спасибо за внимание, на этом мы заканчиваем на сегодня.

Интервью Би-би-си — тоже государственная измена

(Д. Саттер в передаче на «BBC Russian.com»)

Госдума России рассматривает внесенный правительством законопроект, расширяющий понятие «государственная измена». Предложенные поправки в Уголовный кодекс в эфире программы «вечер на Би-би-си» обсудили глава подмосковной организации партии «Правое дело» Борис Надеждин, член комитета Госдумы по обороне Михаил Ненашев и эксперт американского Гуверовского института Дэвид Саттер.

В случае принятия законопроекта изменниками будут признаны не только иностранные шпионы, но и все, кто совершил деяния, направленные против безопасности России, в том числе ее конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности.

Правозащитники опасаются, что каждого, кто критикует власть, теперь можно будет привлекать к уголовной ответственности, и утверждают, что предложенные поправки в Уголовный кодекс означают возвращение к советским временам.

Би-би-си: Для чего принимаются поправки?

Борис Надеждин: Я внимательно читал и сам законопроект, и пояснительную записку к нему. В пояснительной записке написано, что органы ФСБ имеют большие проблемы с тем, чтобы доказать в суде состав преступления под названием «государственная измена», и чтобы им было легче работать, предлагаются вот такие изменения.

Самое трагическое в этом законе — это точный текст: что теперь будет считаться государственной изменой. В законе будет написано следующее: государственной изменой считается (и с этим я согласен) передача государственной тайны иностранной разведке. Если бы здесь стояла точка, я бы закон поддержал.

Но там написано дальше — внимание! — «а равно иное финансовое, консультационное, информационное содействие иностранному государству, либо иностранной организации, либо даже международной организации, если это используется в целях подрыва конституционного строя, безопасности» и т. д.

И вот с этим «равно» мы попадаем в чистом виде в злополучную 58-ю статью советского Уголовного кодекса об антисоветской деятельности. Человек рассказывал анекдоты про «вождя» и получал 15 лет за антисоветскую деятельность.

Би-би-си: То есть оставляется слишком широкое поле для интерпретации?

Б. Н.: Абсолютно верно. Приведу пример. Предположим, что вам иностранная или международная организация, не обязательно правительственная, какой-нибудь частный фонд, заказала исследование. Вы его как ученый прислали, скажем, статистику разведения крупного рогатого скота за Уралом. А потом следователь решил, что крупный рогатый скот за Уралом — это основа продовольственной безопасности страны.

Би-би-си: Можно и другой пример привести. Вот вы, давая интервью Би-би-си, помогаете иностранной организации, поскольку критикуете российские власти.

Б. Н.: Действительно, то, что я сейчас делаю, при желании можно будет интерпретировать как ущерб безопасности страны. Я передаю информацию Би-би-си, прямо сейчас совершаю государственную измену.

Би-би-си: Но вы передаете информацию, которая находится в открытом доступе.

Б. Н.: Вот если бы стояла точка после слов «государственные секреты», я бы не боялся. Но мою информацию возьмет кто-нибудь на Би-би-си и использует в целях, которые направлены против конституционного строя России. Откуда я знаю — в ЦРУ напишете доклад, а меня потом посадят на 25 лет.

Би-би-си: Большое спасибо, что вы с нами все-таки… А как видится происходящее из Соединенных Штатов?

Дэвид Саттер: Это, скорей всего, попытка властей оказать давление на тех, кто дает открытую информацию иностранным организациям. Ситуация Игоря Сутягина — очень наглядный пример. Человек собирал открытую информацию — и был арестован за шпионаж.

Сейчас они создают законодательную базу для такого произвольного поведения. Никто не будет знать, за что он может быть арестован, если сотрудничает с иностранными организациями, университетами, журналистами. Это создаст большую неуверенность в обществе.

Би-би-си: Но, может, все не так страшно?

Б. Н.: Я не против того, чтобы наказывать шпионов. Любое государство так делает. Но смотрите, это не первый звонок. В

прошлую пятницу именно по этим делам Дума отменила участие присяжных.

Закон назывался «О борьбе с терроризмом», а отменили суд присяжных по таким составам, как массовые беспорядки, как эта пресловутая измена государственная, как шпионаж. Отменили состав присяжных со словами, что не могут правоохранительные органы в судах присяжных доказать виновность.

Би-би-си: Председатель думского комитета по безопасности Владимир Васильев говорил, что в некоторых южных регионах присяжные слишком часто оправдывают террористов.

Б. Н.: Что и доказывает, мягко говоря, нечестность. Он о чем говорил? О террористах в южных регионах. А отменили суд присяжных для массовых беспорядков по всей стране, и для государственной измены. Одно дело — в горах где-то террорист с ружьем, другое дело ученый Сутягин.

В чем, на мой взгляд, ужасная опасность этого? В отсутствие суда присяжных фактически отдается на усмотрение следователя интерпретация передачи любой информации любому иностранному лицу, не обязательно разведке, как нанесения ущерба безопасности страны. Вот это глупость! Да человек мог понятия не иметь, что потом с этой информацией происходит! Мы же говорим не о гостайне.

Михаил Ненашев: В экономике, в конкурентной борьбе, в промышленной борьбе у нас в свое время были допущены вопиющие случаи, когда все секреты раздавались и распродавались. Просто приходи и бери.

Би-би-си: Но существует понятие промышленного шпионажа, которое совершенно не входит в понятие государственной измены.

М. Н.: Это юридические трактовки, а в реальной жизни все связано одно с другим. Все эти поправки, по поводу которых сейчас начинают поднимать шум, связаны с наведением элементарного порядка.

У нас можно было все что угодно выносить, распродавать, раздавать без всякой опаски. Думать, что под этой вывеской начнутся гонения на людей, которые просто встречаются с иностранцами, просто работают с теми или иными компаниями, это сознательное передергивание. Таких устремлений нет.

*Б. Н.:*Я, в отличие от господина Ненашева, закон читал. Я бы успокоился и только бы радовался, если бы речь шла исключительно о секретах. Но там говорится об иной информации, если она использована против интересов государства. А что, если кто-то потом решит, что наше интервью нанесло вред интересам государства?

М. Н.: Надо смотреть на закон в окончательном виде. Какие-то вещи будут уточняться в ходе второго и третьего чтения. Никто не собирается под вывеской борьбы со шпионажем вести борьбу против инакомыслия.

Д. С.: Огромный поток информации во всех направлениях типичен для современного общества. Это здоровый признак.

Би-би-си: Действительно, не получится ли так, что количество деловых и научных контактов уменьшится, и выйдет больше вреда, чем пользы?

М. Н.: Идет поиск оптимального законодательного обеспечения развития страны.

Б. Н.: Еще один момент. Подобного рода законы были возможны в сталинское время, когда считаные единицы общались с иностранцами и можно было возле каждого поставить гэбиста. Но мы живем в стране, полтора миллиона граждан которой постоянно живут за рубежом, а семь миллионов ежегодно ездят туда-сюда. Как отслеживать миллионы контактов?

Би-би-си: То есть вы опасаетесь избирательного применения закона?

Б. Н.: Это будет точно так.

М. Н.: Когда в начале 1990-х мы принимали законы, которые позволяли полностью выстраивать демократию, это привело к анархии, к тому, что моя страна стала слабеть и слабеть. Принятие этих поправок будет способствовать самодисциплине и саморегулированию в обществе.

Панк-роковский авторитаризм

(статья Д. Саттера в «National Review», США)

Начало судебного процесса над участницами российской женской панк-группы стало чем-то большим, чем просто пародия на справедливость. Девушки ворвались в московский Храм Христа Спасителя, где устроили панк— молебен с призывом к Богородице прогнать Путина. Судебный процесс является еще и зловещим намеком на то, что Путин теперь имеет дело с настоящей политической оппозицией в России и предпочтет защищаться с помощью новой авторитарной идеологии.

Участницы группы — 24-летняя Мария Алехина, 22-летняя Надежда Толоконникова и 29-летняя Екатерина Самуцевич — обвиняются по статье «хулиганство, вызванное явной расовой или религиозной ненавистью», а максимальное наказание по этой статье — лишение свободы на срок до семи лет. Судебный процесс проходит в том же зале, где проходил второй суд над бывшим олигархом Михаилом Ходорковским. Как и в случае с Ходорковским, процесс приобретает символическое значение.

Члены группы повели себя неподобающе, устроив политический протест на амвоне главного храма России. Но их поведение не является преступным. Как отметили российские аналитики, они обращались к Богородице, а не к сатане, и, несмотря на нетрадиционность их песни и несоответствие формальной обстановке, в ней не было ничего запрещенного. На самом деле, послание группы было фундаментально важным — есть нечто не православное в том, как РПЦ подчиняется Путину.

По мере того, как Путин усиливает свой авторитарный контроль над Россией, он все больше использует РПЦ для того, чтобы узаконить его. На политических мероприятиях его зачастую сопровождают иерархи РПЦ. Известно, что он празднует все православные праздники. Курс «православная культура» доступен в школах, но ни одна другая религия подобной привилегии не имеет. Православных священников часто приглашают «освятить» банки, офисы и даже оружие.

В то же время, лидеры РПЦ хорошо обогатились за счет коррупции. Оппозиционная «Новая газета» в недавнем материале о личном состоянии патриарха Кирилла оценила его в четыре миллиарда долларов. Недавно появилась фотография Кирилла с часами швейцарской фирмы Breguet стоимостью 30 тысяч долларов, которую позднее заретушировали. К сожалению, специалист по ретуши забыл об отражении часов на поверхности лакированного стола, за которым сидел Кирилл…

Если члены панк-группы получат длительные тюремные сроки, Путин, несомненно, выступит в роли защитника православия. Эта игра станет дополнением к уже существующей игре Путина, в которой он предстает ярым защитником России против агрессивных нападок Запада.

К сожалению, режим может играть в любые игры. А жестокий приговор музыкантам может стать лишь первым шагом в новой игре.

Путин-1 и Путин-2

(интервью Д. Саттера для «Радио Свобода»)

Своими оценками политической ситуации в России после выборов в Государственную думу поделился с «радио свобода» известный американский журналист и политический комментатор, бывший корреспондент лондонской газеты «Файненшнл таймс» в Москве, многолетний сотрудник «Уолл-стрит джорнэл», автор нескольких книг и документальных фильмов о России Дэвид Саттер.

Дэвид Саттер: Безусловно, партия «Единая Россия» утратила прежние политические позиции, несмотря на то, что она имеет много способов обеспечивать нужный ей результат. И факт, что она так серьезно сдала, означает: несмотря на все ресурсы власти, люди смогли выразить свой протест. Я считаю, что хорошие результаты, полученные коммунистами, — это, прежде всего, симптом недовольства «Единой Россией». Не думаю, что коммунисты так драматично улучшили свою собственную ситуацию. Все это дает повод утверждать: путинская система начинает шататься.

— А вы понимаете, почему это происходит? в чем основные причины?

— Я думаю, что эта система с самого начала в очень значительной степени была продуктом манипуляций, начиная с 1999 года, со всех странных событий вокруг взрывов домов. Путин в то время был человеком без политического прошлого и без политической позиции, служил в ФСБ и иногда участвовал в провокациях вроде «дела Скуратова». В нормальной демократической стране невозможно, чтобы такой человек стал президентом.

Однако события начали играть в его пользу: случился экономический бум, основанный на росте цен на природные экспортные ресурсы, и рыночные механизмы, которые с таким трудом были организованы в России в 90-е годы, начали-таки работать. Путин фактически получил небесные дары. Русские люди так долго ждали улучшения своей материальной ситуации, ждали, что они наконец будут жить более прилично, как европейцы! И Путин оказался человеком, который сидел у власти, когда все это начало происходить. Естественно, люди начали просто поддерживать его и закрывать глаза на все вопросы, связанные с произволом его режима.

Однако люди быстро привыкают к новым условиям, и сейчас этого драматического улучшения, которое было в 2000-х годах, они не замечают. Зато видят, что Путин не собирается уходить, что люди вокруг него тоже никуда не уйдут, что в стране нет возможности для настоящего политического самовыражения, решения самых необходимых социальных вопросов… И вот накапливается напряженность — социальная, политическая, экономическая. Система власти, которая не является демократичной, но маскируется под демократическую, не может впечатлять людей вечно. Люди видят яснее и яснее, что это за режим, и они устают от этого режима.

— На Западе понятно, почему в России нет никакой демократической альтернативы этому режиму?

— На Западе люди мало разбираются в условиях русской жизни. Они не понимают, что представлял собой опыт коммунистического правления, они не понимают, как люди здесь жили в 90-х годах. Поэтому отсутствие оппозиции они трактуют как молчаливую поддержку Путина. Они не были вместе с русскими людьми в России, они не испытывали все то, что испытывали люди в России. Поэтому им трудно представить себе, что отсутствие оппозиции может быть, с одной стороны, результатом умелой политической манипуляции, а с другой стороны — результатом усталости и какого-то духовного компромисса. Люди считают: да, наконец мы живем немножко лучше, все-таки свобода высказываний довольно широка по сравнению с Советским Союзом. Ничего сделать в большинстве случаев невозможно, но поговорить — можно, и это фактически стабилизирует ситуацию: если человек выразил свои чувства, он считает, что он уже что-то сделал. Для американцев это все довольно загадочно.

— Понятно, что какими бы ни были официальные результаты выборов, для «Единой России», в общем, они очень неприятные. Как вы считаете, верны ли рассуждения тех политических экспертов, которые считают, что за Путиным-1 (а его портрет вы сейчас нарисовали) после победы на мартовских президентских выборах придет другой Путин, Путин-2?Это возможно — или, на ваш взгляд, политический ресурс этого лидера уже исчерпан и другим Путин быть не может?

— Смотря что мы имеем в виду. Путин может измениться, вопрос в том, в каком направлении. Путин, с одной стороны, все-таки относительно либеральный лидер — я это говорю очень условно, потому что российский либерализм по западным стандартам либерализмом не является. Но все-таки — бывает и хуже Путина. В условиях, когда Путин имел довольно широкую поддержку, он не был вынужден очень волноваться по поводу стабильности ситуации. Если после президентских выборов он увидит, что ситуация становится менее стабильной и более угрожающей для власть имущих, мы можем увидеть другого человека.

Для меня лично очень показательной была реакция Путина на трагедию в Беслане. Мы сейчас знаем, что после захвата заложников было достигнуто соглашение о том, чтобы Масхадов приехал в Беслан и попытался разрешить кризис. Однако вскоре начался штурм школы, и есть довольно серьезные доказательства, что штурм начался с русской стороны. Кто дал такое распоряжение — открыть огонь в школе, полной невинных заложников? В таком режиме, какой существует в России, это должен быть сам Путин. Так вот: человек, который был способен отдать такой приказ, способен и на многое другое. Поэтому мы

не знаем, что будет, если ситуация станет менее стабильная для нынешнего режима. Нельзя исключить, что последствиями станет значительно более серьезный кризис, чем те, свидетелями которых мы стали в течение двадцати лет после распада Советского Союза.

— В последние месяцы отношения России и Соединенных Штатов довольно заметно ухудшились — если судить об этом по официальным заявлениям российских лидеров. Вы связываете такое положение дел только с предвыборной кампанией или видите какую-то более серьезную основу для ухудшения отношений? очевидно, риторика Путина в ближайшее время может стать еще более жесткой, потому что поиск внешнего врага — традиционный метод, к которому обращаются российские политики, когда им не хватает поддержки внутри своей страны.

— Путин фактически обвинил неправительственные организации, которые участвуют в мониторинге выборов, в предательстве, в том, что они принимают финансовую поддержку от западных фондов, чтобы выполнить чужую волю. Фактически эти организации выполняют функцию объективных наблюдателей. Наверное, были признаки того, что не все идет хорошо у «Единой России», — и это был предупредительный маневр, чтобы дискредитировать сообщения о нарушениях во время выборов, которые власть фактически ожидала и планировала. Тенденция искать внешнего врага будет только усиливаться. Во время войны с Грузией в 2008 году, да еще под влиянием экономического кризиса, рейтинги Путина и Медведева значительно повысились. Это большое искушение — использовать такую тактику в отношениях с Америкой, с Западом.

— Так вы думаете, что отношения Москвы и Вашингтона могут серьезно ухудшиться?

— Да, они могут ухудшиться. Однако ухудшение на словесном уровне — это одно. Более серьезный вопрос в том, что Россия все-таки способствует успеху западной миссии в Афганистане, которая важна для безопасности и России, и Запада. Что будет делать конкретно Путин в этой ситуации? Что он будет делать конкретно в отношении с соседями, включая Грузию? Чего мы можем ожидать по поводу дислокации русских ракет в Калининградской области — в том случае, если США и Запад в целом не найдут с Россией согласия об общем защитном щите против иранских ракет? Все эти конкретные вопросы — гораздо важнее. У некоторых экспертов в Вашингтоне есть опасения, что тревожная риторика в конце концов может привести к конкретным деструктивным политическим шагам.

Можно ли верить Путину?

(интервью Д. Саттера для РИА «Новости»)

Владимир Путин провел в Сарове «круглый стол» по вопросам национальной безопасности. Обращаясь к представителям научной, военно-промышленной и иной элиты, формулировал задачи, он рассказывал о достигнутом, он оценивал перспективы, в том числе и внешнеполитические. Каков смысл политического послания Владимира Путина стране и миру и как он прочитывается в США? об этом — американский журналист и писатель Дэвид Саттер.

Владимир Путин хочет создать впечатление, что Россия — это осажденная крепость, а он — спаситель страны. Это стремление изобразить дело так, будто страна находится в кольце врагов, восходит к советским временам. Путин стремится отвлечь внимание от злоупотреблений — творимых как его окружением, так и им самим.

Сегодня главный вызов, главная проблема для путинской власти — это вновь проявившаяся готовность россиян протестовать. Эта волна выступлений протеста не приведет к тому, что Путин потеряет власть. Однако табу нарушено. Общество — и в частности образованное общество — пришло в движение. Конфронтация будет расти, и Путин не сможет победить без репрессий. Будущее покажет, в состоянии ли он прибегнуть к репрессиям в масштабах, необходимых для того, чтобы обеспечить его дальнейшее пребывание у власти.

Путинский режим по своей природе не может стать лучше

(интервью Д. Саттера для «Газеты. Ru»)

— Господин Саттер, в Вашингтоне ходили слухи, что вы могли стать директором русской службы «радио свобода». Расскажите, пожалуйста, почему этого не случилось?

— Я скажу вам, как это произошло. Вы, возможно, знаете, я пишу о России, пишу книги, статьи. Поэтому предложенное место (директора «Радио Свобода») не совсем подходило бы мне по специальности, но некоторые люди с «Радио Свобода» предложили мне подумать над этим предложением, сказав, что эта позиция освобождается, что для работы нужно будет переехать в Москву. Я сказал им, что, если они будут заинтересованы в моей кандидатуре, я готов.

Правда, было два обстоятельства. Во-первых, я в настоящее время пишу новую книгу и на самом деле не буду так уж свободен. А во-вторых, со стороны нового менеджмента не было продемонстрировано абсолютно никакого интереса. Это вообще было не очень серьезное дело, я даже не получил ответа от людей со «Свободы». Я всегда был тем, кого по-русски называют «свободный художник». Но, конечно же, если бы меня взяли на работу, я бы никогда не потерпел того, что было сделано с «Радио Свобода».

— Вы об уходе радиостанции со средних волн?

— И это, и увольнение сотрудников редакции. Я бы никогда этого не позволил. Во-первых, уход со средних волн, что сделано с подачи российского правительства. Но «Свобода» могла бы найти российских партнеров по вещанию и могла бы продолжить свою весьма важную работу. Пришлось бы говорить: «мы подчиняемся российскому закону», но вы же понимаете, что Россия — это страна, где законы не действуют. В каком-то смысле, вы поддерживаете не закон, а процессы, которые не являются демократическими. В такой стране, как Россия, вы просто должны быть в курсе того, что понимается под законами, но если закон используется так, как в деле Ходорковского или в деле Pussy Riot и всех прочих, для того чтобы преследовать людей, вы как радиостанция должны находить способы сделать так, чтобы ваш голос был слышен, и делать это или из Москвы, или, если из Москвы это невозможно, из Праги. Но, к сожалению, похоже, что уже слишком поздно.

— Но идея уйти со средних волн, насколько я понимаю, все-таки была сформулирована не столько под давлением российского правительства, а как воплощение нового подхода — переключения со стареющей аудитории, которая привыкла слушать радио, на более молодую, использующую интернет.

— Возможно, это и так. Я не знаю всех этих деталей, я знаю только то, что я читаю и что мне говорят. Если это все-таки идея самой радиостанции, уйти со средних волн, тогда должен быть поставлен вопрос, каковы резоны для этого. Если публика, которая слушает «Свободу» и стареет, то это та же самая публика, которая помнит, что из себя представлял советский период, которая поддерживает связь с историей радиостанции, усиливает ее значение как исторически важного института. В прошлом люди настраивались на станцию тогда, когда их права попирались, и делали они это в советское время и во время путча 1991 года, и они бы стали это делать и в грядущий кризис путинского режима. И включать радио они стали бы именно потому, что это часть исторического опыта. А теперь этот опыт уничтожается.

— Это ведь не единственный прецедент. Из эфира ушли русская служба «Би-би-си», «Голос Америки». Вам не кажется, что это просто рациональное решение, попытка быть эффективнее в попытках достучаться до молодой, прогрессивной аудитории, использующей интернет? с другой стороны, вы не замечаете опасность того, что вместо радиостанции, чтобы услышать которую требуется всего лишь включить приемник, появляется всего лишь еще один сайт среди бесчисленного множества других?

— Я не эксперт в этих вопросах. Но могу сказать следующее — когда-то русская служба «Би-би-си» постоянно брала у меня интервью, а потом эта радиостанция прекратила существование, и таким образом я потерял контакт с российской аудиторией. В этом есть две проблемы. Первое, есть разрыв традиции, в смысле технологическом: радиостанцию больше нельзя услышать на радиоволнах. Второе, увольнение столь многих людей из редакции образовало разрыв опыта в цепочке передачи экспертизы, знания, личной харизмы. Сможет ли менеджмент привести на радиостанцию новых людей, которые были бы способны выпускать что-то достойное, я не знаю, я очень сомневаюсь. Для того чтобы понимать Россию и доносить опыт России до ее же собственных жителей, требуется особое знание, которое нельзя получить за одну ночь. Многие из тех, кто были уволены, были исключительно одаренными журналистами. Я считаю любое массовое увольнение таких сотрудников всего лишь способом дискредитировать редакцию, как это было в случае, например, журнала «Итоги» или телеканала НТВ. Люди не будут доверять новым журналистам так же, как доверяли прежним.

То, чего вы коснулись, перехода информации в Интернет, это очень проблематичный вопрос. Во-первых, конечно, речь идет о том, что это проблема для России, но во-вторых, эта проблема касается всего мира. Переход в Интернет имеет эффект снижения общего интеллектуального уровня информации и людей, ее производящих. Использование iPhonов, использование всей этой техники в качестве машин для ответов на все вопросы, уничтожение человеческого измерения информации — все это заставляет людей в какой-то мере быть подчиненными этой технологии. И эта подчиненность как раз представляет угрозу, поскольку слишком многие не понимают того, что Интернет может быть использован опасными режимами для навязывания массового конформизма. Если вы можете все перевести в Интернет, вы должны понимать, что принимаете на себе определенные риски. И это касается не только России, а всего мира. В России же это выражено чуть сильнее — в России есть сильная авторитарная традиция и очень-очень слабое гражданское общество.

Конечно, в России Интернет куда легче может стать инструментом контроля над людьми, регламентации их жизни. Простой же факт, что ты можешь включить приемник и начать слушать все что хочешь, это тоже форма свободы по сравнению с тем, как работает Интернет, где ты должен отыскать сайт, получить информацию, которая уже упакована для тебя, причем так, как это выгодно производителям информации, а не ее потребителям. Полное уничтожение прочих форм СМИ представляет угрозу.

В случае с «Радио Свобода», которое так зависело от дискуссий, от человеческой мысли… Представьте «Свободу» на iPhone. Как вы можете иметь серьезную дискуссию о политических и идеологических вопросах, которые стоят перед Россией, на iPhone? Как вы это сделаете? Правда заключается в том, что люди, которые принимают решения на «Свободе», я знаю некоторых из них, у них нет никакого бэкграунда в России. Они не учились в России, не изучали ее, они не журналисты. Я думаю, что они не говорят по-русски. Меня интересует, что за клишированное сознание принимало это ни на чем не основанное решение. Эти люди принимают решения в той области, которую они просто не понимают, это очень печально.

Так что мое мнение, и это мнение многих людей в Вашингтоне, — журналисты, которые были уволены со «Свободы», должны быть приняты на работу обратно.

— У вас есть какая-то возможность повлиять на то, чтобы это было сделано? Вы общались с законодателями по этому поводу, с Хельсинкской комиссией Конгресса США, может быть?

— Да, я говорил со своими друзьями. Я знаю, что есть и другие люди, которые поговаривают о возможности написания какого-то письма Конгрессу. Я не видел этого письма, но я бы подписал такой призыв вернуть уволенных журналистов на работу. — Это почти то же самое, что предлагают российские правозащитники в своем письме Хиллари Клинтон и Конгрессу. — Да, да, здесь обсуждается что-то похожее в среде специалистов по России. Обязательно подпишу такое письмо. Я полностью поддерживаю написанное российскими правозащитниками и их точку зрения. Посмотрим. Пока идут разговоры о том, что происходит, но пока никто не сорганизовался.

— После обращения российских правозащитников документально оформилось понимание частью российского правозащитного движения того, что США уже получили достаточно от России и не будут проводить жесткую линию в отношении Москвы. Может ли быть, что США устраивает, как обстоят дела в области прав человека в России?

— Политику в США делает администрация президента, и в нынешней администрации, видимо, есть тенденция не делать акцент на защите прав человека в России. Открыто, конечно, они об этом не говорят, но, судя по недавним событиям, трудно избегнуть такого впечатления. Здесь парадокс, потому что фактически сотрудничество по поводу Афганистана — это глубоко в интересах самой России. (Разрешение Москвой транзита через свою территорию американских военных грузов администрация Обамы представляет как одно из главных своих достижений на российском направлении. — *«Газета. Ru».)* Если бы мы относились к этому как к нормальному предмету переговоров, а не как к уступке, которую Россия делает для нас, мы бы, наверное, достигли всего, чего мы хотим в этой области, не жертвуя поддержкой принципов.

Но здесь есть определенное заблуждение со стороны этой администрации — в том, что мы сейчас движемся к миру, где не будет ядерного оружия или его количество будет сильно сокращено, что установятся какие-то хорошие отношения между Россией и Америкой без всяких на то оснований (по крайней мере, будет создано поверхностное впечатление об этом).

Но когда мы, например, соглашаемся на договор по сокращению стратегических вооружений, который фактически нужен России, а не нам, то мы делаем это как подарок и теряем возможность (полноценных) переговоров по Афганистану. Когда речь идет об Афганистане и Иране, мы всегда в ситуации просителей, потому что мы уже бесплатно дали России все, что она хочет. Здесь речь идет и о решении аннулировать планы по размещению системы ПВО в Польше и Чехии безо всякой обратной уступки со стороны России — это также было сделано просто как подарок. С таким подходом мы попадаем в ситуацию, где нам сложно защитить наши принципы, некоторые из которых в долгосрочном плане важнее нам, чем любые временные победы.

Россия, несмотря на свою важность для мира и Америки, в принципе, также важна вообще для цивилизованных людей, потому что все, что случилось в России, — эксперимент с трансформацией природы человека в коммунистическом режиме — это имеет всемирное значение. И поэтому я думаю, если вернуться к вопросу, что неумение вести переговоры с Россией, заблуждение по поводу необходимости устранить ядерное оружие в мире (что в принципе невозможно и даже нежелательно сейчас), все это создает ситуацию, при которой в глазах нынешней администрации не имеет смысл настаивать на соблюдении прав человека. Это именно та тенденция, которую вы правильно заметили, и мы здесь, те, кто следит за делами в России или имеет отношение к внешней политике, тоже это заметили.

— Зачем же послом в Москву был назначен Майкл Макфол, которого многие считают большим специалистом по сменам режима?

— Я бы не делал акцент на назначении Макфола. Есть политика администрации, и он проводит эту политику. Как посол в Москве он обязан это делать. Другое дело, если Майкл играл роль в формулировании политики «перезагрузки», а люди его предупреждали (о рисках этой политики. — «*Газета. Ru*»), не исключая и меня, то он несет частично ответственность за это.

— Только на днях я встречался с представителями американской администрации. Могу сказать, что внутри нее идет интенсивный процесс выработки новой линии в отношении России. Высказывались идеи, что именно Конгресс мог бы занять более жесткую позицию и надавить, таким образом, на администрацию Барака Обамы, по-прежнему придерживающуюся в отношении России политики «перезагрузки».

— Я думаю, что события в России рано или поздно убедят администрацию Обамы в необходимости пересмотреть свою политику в отношении России. Путинский режим не станет лучше. Просто по своей природе он не может стать лучше, он может стать лишь более репрессивным, и администрации Обамы будет трудно извиняться за него. Сам этот факт будет влиять на Конгресс через американское общественное мнение, побуждать к каким-то действиям. Но сейчас отношение Обамы остается прежним. Во-первых, мы не знаем, будет ли Обама переизбран. Если будет избран Митт Ромни, я весьма уверен, что он займет куда более жесткую позицию в вопросах защиты прав человека в России, чем Обама. Но даже если Обама будет переизбран, события в России вынудят Америку занять более жесткую позицию.

Я боюсь — во всяком случае, как я вижу ситуацию — все будет оборачиваться не лучшим образом. Этот режим находится у власти в течение 12 лет и планирует оставаться у власти вечно. Это означает, что все тенденции, которые были порождены им, коррупция, нарушения прав человека, беззаконие, будут только усугубляться. Оппозиция будет расти, недовольство будет расти, а возможностей будет меньше и меньше, а режим будет стараться удержаться у власти, и сможет он это сделать лишь через усиление своего репрессивного характера.

Так что мы увидим больше давления со стороны США в вопросах защиты прав человека. И в этом свете очень печально то, что произошло с «Радио Свобода», потому что эта радиостанция была одним из самых важных инструментов влияния США и вообще западного мира в России. Она была очень важна для либеральной российской интеллигенции. Но бюрократические решения в Америке иногда принимаются таким же глупым образом, что и в России.

Нынешняя российская элита сражается только за себя

(интервью Д. Саттера для А. Пименова, радио «Голос Америки»)

В Сарове Владимир Путин Лермонтова не цитировал. Обращаясь к представителям научной, военно-промышленной и иной элиты, он формулировал задачи, рассказывал о достигнутом, оценивал перспективы. В том числе и внешнеполитические. И в частности — заокеанские.

Кандидат в президенты РФ остановился на международном аспекте проблемы «...Придут какие-то неоконсерваторы, и они будут закручивать гайки — ну пусть закручивают. Они дозакручиваются до того, что у них резьба лопнет. Это же политика, которую они проводят, затратная и неэффективная...»

На военно-техническом: «...Предпринимается попытка... баланс разрушить и создать для себя монополию на неуязвимость... Мы будем предпринимать асимметричные, но эффективные шаги».

И, наконец, на внутрироссийском: «Что касается наших внутриполитических событий, то... все, кто действуют в рамках правового поля... должны быть уверены в том, что их конституционные права будут гарантированы. Все, кто выходит за рамки этого поля, должны знать, что все, кто нарушают действующее законодательство, будут тоже поставлены в одинаковые условия, и соответствующая реакция со стороны государства последует».

Каков смысл политического послания Владимира Путина стране и миру и как он прочитывается в США? об этом корреспондент русской службы «Голоса Америки» побеседовал с американским журналистом и писателем (на протяжении многих лет — корреспондентом газеты Financial Times в СССР) Дэвидом Саттером.

Алексей Пименов: Господин Саттер, как в выступлениях Путина — в Лужниках и в Сарове — соотносятся предвыборная риторика и долгосрочные внешнеполитические и военные задачи страны?

Дэвид Саттер: Путин хочет создать впечатление, что Россия — это осажденная крепость, а он — спаситель страны. Это стремление изобразить дело так, будто страна находится в кольце врагов, восходит к советским временам. Тогда официальные лица не уставали повторять, что Советский Союз окружают американские военные базы. Применил эту тактику и Путин в 1999 году — чтобы достичь верховной власти — когда ответственность за взрывы жилых домов в Москве была возложена на чеченцев, а он предстал в роли спасителя отечества. Именно эта тактика используется сегодня: Путин стремится отвлечь внимание от злоупотреблений — творимых как его окружением, так и им самим.

А.П.: С чем, на ваш взгляд, связаны вызовы, с которыми сталкивается сегодня Путин, а также представляемая им правящая элита?

Д.С.: Главный вызов, главная проблема для путинской власти — это вновь проявившаяся готовность россиян протестовать. Эта волна выступлений протеста не приведет к тому, что Путин потеряет власть. Однако табу нарушено. Общество — и в частности образованное общество — пришло в движение. Активно протестуя против злоупотреблений, с которыми ему приходится сталкиваться и масштаб которых растет год от года — на протяжении всего периода пребывания Путина у власти. В результате конфронтация будет расти, и Путин не сможет победить без репрессий. Будущее покажет, в состоянии ли он прибегнуть к репрессиям в масштабах, необходимых для того, чтобы обеспечить его дальнейшее пребывание у власти.

А.П.: Как бы вы охарактеризовали политическую традицию, к которой принадлежит Владимир Путин? Точнее — как наследие прошлого соотносится в его политике с необходимостью решать новые проблемы?

Д.С.: Путин — это продукт российской авторитарной традиции. Предполагающей, в частности, пренебрежение общества к достоинству отдельного человека. Власть в таком обществе всегда будет принадлежать человеку, похожему на Путина, — поскольку у лидеров с действительно ярко выраженными индивидуальными чертами и способностями просто не будет возможности достичь политического успеха.

Впрочем, от прежних российских властителей путинская элита отличается тем, что у нее нет каких бы то ни было далеко идущих политических идей. Всерьез они на это даже не претендуют. Эти люди борются только за себя.